

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. Вернадского

Том 16 (55). № 2
ИСТОРИЯ

Симферополь
2003

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 16 (55). № 2
История.

Симферополь Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2003
Журнал основан в 1918 г.

ISSN 1606-3715

Свидетельство о регистрации – серия КМ № 534
от 23 ноября 1999 года

Редакционная коллегия:

- Багров Н. В.** - главный редактор
Бержанский В. Н. - заместитель главного редактора
Ена В. Г. - ответственный секретарь

Редакционный совет серии «История»

Айбабин А. И., доктор исторических наук, профессор

Буров Г. М., доктор исторических наук, профессор

Петрова Э. Б., доктор исторических наук, профессор

Слинкин М. Ф., доктор исторических наук, профессор

Урсу Д. П., доктор исторических наук, профессор

Юрченко С. В., доктор политических наук (редактор отдела)

© Тавріческий національний університет, 2003 г.

Подписано в печать 15.12.2003. Формат 70x100 1/16

5,75 усл. л. 6 уч.-изд. л. Тираж 500. Заказ № 297.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.

ул. Ялтинская, 4, г. Сімферополь, 95007

"Учені запісі Тавріческого національного університета ім. В. І. Вернадського"

Науковий журнал. Серія "Історія". Том 16 (55). №2.

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2003

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано у інформаційно-видавницькому відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського. Вул. Ялтинська, 4, м. Сімферополь, 95007

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 3-8.

УДК 930.1:311.41(47) «1834/1917»

B. B. Бобков

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Отечественная провинциальная историография XIX – начала XX века представлена рядом самобытных направлений. Заметную роль в формировании регионального информационного поля, обеспечении интеллектуальной напряженности на местах сыграла разноплановая историко-краеведческая работа административных и земских статистических организаций. Провинциальная статистика была представлена прежде всего губернскими, областными и городскими статистическими комитетами, которые официально функционировали с середины 1830-х годов. Кроме того, с середины 1870-х годов статистическими разработками занимались специальные земские органы – уездные и губернские статистические бюро.

В данной статье поставлена проблема обзора современных разработок украинских и российских ученых по истории региональных статистических исследований в XIX – начале XX века. Решение данной научной задачи позволит адекватно оценить степень разработанности этого направления регионоведческих изысканий, обозначить место досоветских статистических исследований в историческом краеведении Украины.

Разносторонняя исследовательская деятельность статистических организаций в XIX – начале XX века обеспечила повышенный интерес к изучению форм их деятельности, печатного и рукописного наследия. Вопрос о роли провинциальной статистики в процессе формирования местных историко-краеведческих традиций прочно занял место в ряду актуальных проблем отечественной досоветской историографии. Бурное развитие исторического краеведения в последнее десятилетие охарактеризовалось возросшим вниманием к истории региональных статистических исследований.

Одним из первых вопрос о роли крымских статистических служб в развитии регионоведения поднял в своих исследованиях профессора А. А. Непомнящий. В кандидатской диссертации автор обозначил цели и задачи крымоведческих разработок статистиков, рассмотрел содержание выпущенных ими справочных изданий. А. А. Непомнящий впервые дал общую характеристику работ местных статистических организаций, поднял вопрос о необходимости дальнейшего изучения истории краеведческих обществ Таврической губернии. При этом за рамками его разработок оставались методы экономико-статистических, исторических, археологических, этнографических изысканий административных и земских статистиков. В публикациях А. А. Непомнящего содержались лишь отдельные сведения о проблемах губернской статистики [1]. В докторском исследовании А. А. Непомнящего был помещен анализ справочных изданий, выпущенных в Таврической губернии, выделены основные центры издания памятных книжек [2]. Наиболее полный свод изданий статистических организаций Таврической губернии был представлен в 2001 г. в справочном издании

В. В. БОБКОВ

профессор А. А. Непомнящего «История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века)» [3].

Роль провинциальных статистиков в изучении отечественной истории была освещена в работах одесской исследовательницы Н. О. Котовой [4]. В своем кандидатском исследовании она детально осветила приоритетные направления деятельности статистических комитетов юго-западной Украины, сделав акцент на описании издательской деятельности организаций [5]. В работе нашла отображение история Главного статистического комитета Новороссийского края, Бессарабского областного, Одесского городского и Херсонского губернского статистических комитетов.

Наследие земских статистиков Южной Украины рассмотрено в работах историка из Днепропетровска А. А. Петрова [6]. В его кандидатской диссертации освещены отдельные аспекты научно-исследовательской деятельности земских статистиков Таврической губернии. При этом недостаточное использование архивных материалов, и, особенно, данных периодической печати не позволило А. А. Петрову достаточно подробно описать некоторые ключевые моменты истории развития местных земско-статистических исследований. Автором сообщаются лишь отрывочные сведения об участии статистиков в общественной и политической жизни Таврической губернии [7].

Особенности развития статистических исследований в Херсонской губернии освещены в разработках А. А. Макиенко [8], И. Ю. Сенкевич [9], Е. Г. Сенкевича [10]. Участие губернских статистических комитетов в мероприятиях по выявлению и охране памятников старины в отдельных регионах Украины основательно рассмотрено в монографии С. З. Зарембы [11]. Однако при этом территория Крымского полуострова выпала из поля зрения автора.

Проблема региональных статистических исследований активно разрабатывается в трудах ученых Российской Федерации. В 1994 г. сотрудниками Российской национальной библиотеки (СПб.) под руководством Н. М. Балацкой и А. И. Раздорского была осуществлена публикация библиографического списка изданий губернских и областных статистических комитетов [12]. В справочнике нашли отображение в том числе и «памятные книжки», изданные в Таврической губернии. Однако за рамками приведенного «предварительного списка» оказался ряд выпусков «памятных книжек», а также не были учтены справочные издания городских статистических комитетов, уже известные благодаря библиографическим исследованиям проф. А. А. Непомнящего. Попытка систематизации печатного наследия провинциальных статистиков, предпринятая в значительных географических рамках, подтверждает необходимость осмыслиения роли губернских и областных статистических комитетов в становлении местных краеведческих традиций. В 2001 г. свет увидел первый том фундаментального библиографического издания «Памятные книжки губерний и областей Российской империи», посвященный анализу содержания «памятных книжек» так называемого Европейского Севера Российской империи (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии) [13]. В основу издания составителями (Н. М. Балацкая, П. Л. Вахтина, Е. Л. Вороненкова, Л. Н. Денисова, И. Д. Кузьмина, Д. Э. Левин, Г. В. Михеева, Е. А. Нестерова, Л. С.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Николаева, Т. Г. Петрова, А. И. Раздорский, А. Я. Разумова, Т. Б. Ребриева, В. А. Савелова) был положен хронологических ряд библиографических описаний «памятных книжек» с подробной росписью их содержания. Главы книги снабжены обширным научно-справочным аппаратом. Оптимальные, на наш взгляд, территориальные рамки исследования позволили составителям справочника обоснованно претендовать на полноту и достоверность опубликованных материалов. Выпуск данного издания ознаменовал собой начало нового этапа в изучении богатого историко-краеведческого наследия провинциальных статистиков.

Среди работ, посвященных обзору деятельности местных статистических организаций, выделяются исследования И. И. Комаровой. В своих статьях и справочных изданиях она одной из первых обратила внимание историков на проблему комплексного изучения богатого историко-краеведческого наследия провинциальных статистических комитетов. В качестве особого направления региональных исследований автор обозначила работы статистиков по выявлению, описанию и охране археологических объектов; особое внимание было уделено участию статистических комитетов в работе Московского Археологического общества [14]. И. И. Комарова первой предприняла попытку библиографического учета изданий административных статистиков. Особое место среди работ исследовательницы занимает справочное издание «Путеводитель по научным обществам России» [15]. В книге приведены сведения о 534 организациях, функционировавших в России до 1917 г. включительно. На основании обширной архивной базы, данных современных исследований автор привела сведения о времени их возникновения, целях и приоритетных направлениях деятельности. В справочнике включены имена руководителей обществ, основные архивные фонды, исследовательская литература. Хотя библиографическая информация поставлена на первый план, И. И. Комаровой не удалось избежать ряда серьезных неточностей. Скептическую оценку вызывает слишком распространительное толкование автором термина «научные общества». В этой связи вызывает сомнения возможность включения в справочник губернских статистических комитетов и губернских ученых архивных комиссий. Значительные масштабы исследования негативно сказались на полноте сведений – серьезные лакуны наблюдаются в освещении «научных обществ» Таврической губернии. Автор оказалась в неведении относительно корпуса литературы последнего десятилетия, посвященной научным организациям, существовавшим в досоветский период.

В научно-справочном издании О. С. Хоменка «Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии (1838-1916)» представлен подробный указатель периодических изданий региона, в котором нашли отображение работы местных статистических организаций [16]. При этом исследователю не удалось избежать ряда грубых неточностей и ошибок. Совершенное недоумение вызывают основания, на которых к периодическим изданиям были причислены выходившие в Таврической губернии с середины XIX века «Памятные книжки...» и «Обзоры о состоянии губернии...». Возможно, автор не до конца уяснил для себя разницу между периодическими и повторяющимися изданиями. Совершенно ошибочна

В. В. БОБКОВ

приведенная О. С. Хоменком информация о хронологии выхода «Памятных книжек...» – автор указывает, что данные издания публиковались ежегодно с 1867 по 1916 г., тогда как с 1867 по 1892 год не было отпечатано ни одного выпуска «памятных книжек». В данный библиографический ряд ошибочно включены выходившие впервой половине 1870-х гг. «Календари Таврической губернии...», которые по своей структуре и содержанию совершенно отличались от официальных губернских справочников. При этом сугубо ведомственное издание – «Карманный календарь Таврической губернии на 1869 год простой» осталось вне поля зрения исследователя. Не верна также информация о том, что издателем «Памятной книжки Таврической губернии» 1889 года являлся губернский статистический комитет (на самом деле ее выпуском занималось Статистическое бюро Таврического губернского земства). В библиографическом указателе под № 149 значится, что «Обзоры о состоянии Таврической губернии» выходили с 1897 г., тогда как впервые они были выпущены под заглавием «Приложение ко всеподданнейшему отчету о состоянии Таврической губернии» в 1884 г. и с этих пор издавались ежегодно. Непонятны основания, на которых автор указал, что секретарь Таврического губернского статистического комитета Ф. М. Домбровский редактировал неофициальную часть «Таврических губернских ведомостей» лишь в 1864 г. (на самом деле он занимался этой деятельностью в 1859-1864 гг.), Имя К. В. Ханацкого (1866-1871), при котором в газете регулярно помещались краеведческие материалы, вообще осталось для О. С. Хоменка неизвестным.

В работах В. А. Бердинских основное внимание было уделено изучению роли губернских статистических комитетов русского Севера, центра России и Урала в развитии провинциальной историографии. Автором освещены исторические, этнографические, археологические исследования комитетов, обозначена роль приходского духовенства в краеведческом движении на местах. В монографии «Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века» автор поверхностно коснулся деятельности Таврического губернского статистического комитета [17]. Отсутствие у В. А. Бердинских сведений о последних публикациях по истории изучения Крыма¹⁸ досоветский период, а также опоры на архивные источники по истории крымоведческого движения в Тавриде привело автора к ряду ошибок. Так, например, крымский историк, краевед Ф. Ф. Лашков необоснованно был назван секретарем губернского статистического комитета (С. 264).

Высоким профессионализмом, скрупулезностью отличаются исследования заведующего группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, кандидата исторических наук А. И. Раздорского. Особо хочется отметить работы, посвященные источниковедческому анализу «Обзоров о состоянии губерний», в которых автор обосновал принципиальную необходимость использования материалов этих изданий в исторических исследованиях [18]. Особо выделим опубликованную А. И. Раздорским таблицу, содержащую информацию об издании «Обзоров» в губерниях Российской империи. Автором была проделана фундаментальная работа – представлена наиболее полная на данный момент хронология выпуска этих статистических сборников. Таврическая губерния в ней была представлена не

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

полностью. Ее можно дополнить «Приложениями ко всеподданнейшим отчетам о состоянии Таврической губернии» за 1884, 1885 и 1887 гг., а также рядом статистических таблиц о состоянии Керчь-Еникальского градоначальства, которые представляли собой ежегодные статистические обозрения [19].

Актуальные вопросы краеведческой деятельности статистических организаций Российской империи также поднимались в публикациях В. Ф. Абрамова, Н. М. Балацкой, В. В. Белоконь, И. М. Захаровой, Л. И. Зозули, Ивановой И. В., Д. Э. Левина, А. А. Мироноса, Е. М. Петровичевой, Н. А. Селивановой, И. А. Тропова, И. А. Федореевой, Л. В. Чекурина.

Таким образом, в последнее десятилетие наметился устойчивый интерес к проблеме региональных статистических исследований в XIX – начале XX века:

- активно разрабатывается история местных статистических организаций;
- серьезное развитие получил вопрос систематизации и научной обработке печатного наследия губернских статистиков.
- при этом вне поля зрения специалистов оказалась многогранная деятельность статистических организаций Таврической губернии.
- приоритетным направлением историографических исследований в данной области является дальнейшее изучение библиографии выдающихся крымских краеведов-статистиков, что позволит значительно пополнить научную базу отечественного регионоведения, воссоздать реальную картину историографического процесса на юге Украины.

Примечания

1. Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок ХХ століття): Бібліографічне дослідження / Таврійський національний ун-т ім. В. І. Вернадського.– Сімферополь, 2003.– С. 137-147.
2. Непомнящий А. А. Бібліографічна спадщина історико-етнографічних досліджень Криму в кінці XVIII – на початку ХХ століття: Автореф. дис. д-ра іст. наук / 07. 00. 08; Книгознавство, бібліотекознавство, бібліографознавство; Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського.– К., 2001.– С. 17-18.
3. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века) / Отв. ред. Л. А. Дубровина.– Симферополь, 2001.– 816 с.
4. Котова Н. О. Одеський статистичний комітет (1835-роцю) – перша спроба заснування статистичної установи в Одесі // Записки історичного факультету / Одеський національний ун-т ім. І. І. Мечникова.– Одеса, 2002.– Вип. 12.– С. 167-174.
5. Котова Н. О. Діяльність статистичних комітетів на Одещині у XIX – на початку ХХ століття: Автореф. дис. канд. іст. наук / 07. 00. 01; Історія України; Одеський національний ун-т ім. І. І. Мечникова.– Одеса, 2002.– 20 с.
6. Петров О. О. «Огляди губерній» адміністративних статистичних закладів XIX – початку ХХ століття як історичне джерело // Гуманітарний журнал.– 2002.– № 1.– С. 161-166; Его же. Статистик В. С. Пругавін як дослідник Катеринославщини // Там же.– 2002.– № 2.– С. 109-113; Его же. В. В. Курілов як дослідник грунтів Катеринославщини // Там же.– 2003.– № 1.– С. 26-31.
7. Петров О. О. Діяльність земських статистичних закладів південноукраїнських губерній у другій половині XIX – на початку ХХ ст.: Автореф. дис. канд. іст. наук / 07. 00. 01; Історія України; Дніпропетровський національний уні-т.– Дніпропетровськ, 2003.– 20 с.
8. Макієнко А. А. Із історії розвитку та діяльності земської статистичної служби у Херсонській губернії (70-80-ті роки XIX ст.) // Півдenna Україна XVIII – XIX ст.: Записки Науково-

B. B. БОБКОВ

- дослідної лабораторії історії Південної України / Запорізький держ. ун-т.– Запоріжжя, 2000.– Вип. 5.– С. 119-129.
9. Сінкевич І. Ю. Внесок статистиків Херсонської губернії у дослідження історії краю (XIX – поч. XX ст.) // Південна Україна XVIII – XIX ст.: Записки Науково-дослідної лабораторії історії Південної України / Запорізький держ. ун-т.– Запоріжжя, 2000.– Вип. 5.– С. 171-177.
10. Сінкевич Е. Г., Макіенко О. А. Статистичні служби Херсонської губернії в структурі адміністративної влади та органів місцевого самоврядування XIX ст. // Наукові праці історичного факультету / Запорізький держ. ун-т.– 1999.– Вип. 7.– С. 154-159.
11. Заремба С. Українське пам'яткознавство: Історія, теорія, сучасність.– Київ, 1995.– 448 с.; Він же. Нариси з історії українського пам'яткознавства / Центр пам'яткознавства НАН України.– Київ, 2002.– 204 с.
12. Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Предварительный список.– СПб., 1994.– 500 с.
13. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Указатель содержания / Российская национальная библиотека.– Санкт-Петербург, 2002.– Т. 1: Европейский север: Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии.– 823 с.
14. Комарова И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год.– М., 1987.– С. 85-96; Ее же. Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России // Археографический ежегодник за 1989 год.– М., 1990.– С. 80-87; Ее же. Предпроектные исследования в строительстве.– М.: 1989-1990.– Вып 1-3; Ее же. Охрана памятников архитектуры в провинциальных научных обществах // Российская провинция XVIII-XX веков: реалии культурной жизни: В 2 кн.– Пенза, 1996.– Кн. 2.– С. 276-295.
15. Комарова И. И. Путеводитель по научным обществам России = A Guide to Russian Learned Societies / Сост. И. И. Комарова; Предисл. Э. Касинца.– Нью-Йорк, [2000].– XVI, 883 с.
16. Хоменок О. С. Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии (1838-1916): Очерк истории и библиографический указатель.– Одесса, 2003.– 179 с.
17. Бердинских В. А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века / Археографическая комиссия РАН.– М.; Киров, 1995.– 396 с.; Его же. Губернские статистические комитеты в России 1860-х – 1890-х годов как тип научного общества // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы к Всероссийской науч. конф., посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.– Вологда, 1995.– С. 275-277; Его же. То же // История и культура Волго-Вятского края: К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии: Тез. докл. и сообщ. к межрегиональной науч. конф.– Киров, 1994.– С. 495-497; Его же. Приходское духовенство второй половины XIX века и изучение истории // Российская провинция XVIII – XX веков: Реалии культурной жизни: Материалы III Всероссийской науч. конф.: В 2 кн.– Пенза, 1996.– Кн. 1.– С. 211-219; Его же. Губернские статистические комитеты России XIX в. и изучение проблемы долголетия // Источниковедение и краеведение в культуре России.– М., 2000.– С. 268-270; Его же. Уездные историки: Русская провинциальная историография.– М., 2003.– 528 с.
18. Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: некоторые итоги и задачи библиографирования // Российская провинция XVIII – XX веков: Реалии культурной жизни: В 2 кн.– Пенза, 1996.– Кн. 2.– С. 345-354; Его же. Памятные книжки С.-Петербургской губернии // Невский архив: Историко-краеведческий сборник.– СПб., 1997.– Вып. 3.– С. 492-505; Его же. Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841-1908): Библиографический указатель.– СПб., 1999.– 93 с.; Его же. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи // Историко-библиографические исследования / Российская национальная библиотека.– СПб., 2002.– Вып. 9.– С. 217-226.
19. Бобков В. В. Керч'-Еникальский статистический комитет: Создание и основные направления деятельности // Боспорские исследования = Bosporos Studies.– Симферополь, 2003.– Вып. 2.– С. 147-157; Его же. Из истории краеведческих исследований на юге України по данным архивов Санкт-Петербурга и Симферополя // Студії з архівної справи та документознавства.– Київ, 2003.– Т. 10.– С. 226-229.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 9-13.

УДК 930.2 «19»: 314(=16)(477.75)

C. A. Волкова

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ПО ИСТОРИИ ЧЕШСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматривается проблема введения в научный оборот корпуса источников из собрания Российского государственного исторического архива (РГИА). Целью статьи является классификация и систематизация документов по истории колонизации чехами юга Украины.

Основные источники по истории чешской колонизации Таврической губернии в фондах РГИА представлены следующими видами документов: прошения, отношения, ведомости, иски, статистические сведения, протоколы из журнала заседаний Комитета министров.

Прощения являются категорией делопроизводственных материалов – просительные документы от частных лиц в государственные учреждения. Кроме того, в XIX веке появляется новый вид делопроизводственной документации – отношения. Среди фондов РГИА, в которых отложились прошения от чешских колонистов, фигурируют: Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, Департамент общих дел Министерства государственных имуществ, Канцелярия министра внутренних дел, Временный отдел по земельному устройству государственных крестьян, Канцелярия министерства и др. Все эти ведомства получали ходатайства от чешских эмигрантов. Эта документация представляет интерес для изучения причин эмиграции, основания колоний, получения чехами льгот, содержит сведения о количестве земельных наделов и числе жителей, о ссудах на постройку домов и обустройство колоний, о занятиях и религии колонистов. Например, прошение в Хозяйственный департамент МВД Матея Елички в 1865 году из Богемии дает возможность представить, каким образом осуществлялась эмиграция чешского населения, куда и из каких областей Чехии шло движение. М. Еличка был одним из посредников, которые собирали сведения о свободных землях в России, для дальнейшего приглашения чешского населения не незаселенные территории (в данном случае Таврической губернии). Документ свидетельствует разрешение самому и другим жителям Богемии переселиться в Крым на владельческие и казенные земли [1, л. 1-6]. Выделим еще одно интересное прошение 1869 года от чехов, проживающих в Америке, в канцелярию МВД «О разрешении переселиться в южные губернии России» [2, л. 1-25]. Данный документ является важным источником, освещющим причины переселения чехов в Россию, а также взаимоотношения различных конфессий в среде этнических чехов.

Прощения в Департамент общих дел Министерства государственных имуществ дают возможность более детально представить ход заселения чехами Крымского полуострова. Ходатайства поступают в ведомство по поводу увеличения земельного

надела от 10 до 15 десятин на одного человека, просьбы о выделении колонистам денежного или продовольственного пособия в связи с неурожаем 1865 года. Чехи-переселенцы называют сумму для покупки необходимого зерна, составляющую 4303 рубля 12 копеек. Эти деньги должны были обеспечить покупку зерна в четырех чешских колониях: Александровке, Богемке, Табор, Цареквич [3]. Также среди прошений 1867 года встречаются просьбы о выплате пособий чешским эмигрантам в сумме 9 тыс. рублей на закупку продовольствия в связи с неурожайными 1866-1867 годами [4]. Ходатайства переселенцев касаются построек школ, церквей, назначения римско-католических пасторов. Чехи заявляли, что «в каждом селении необходимы школы, но средств не хватает», они просят «выделить необходимые суммы на постройку зданий, где в воскресные дни можно проводить богослужения, а пока они вынуждены пользоваться услугами симферопольского и розетальского пасторов». В ответ на эти обращения Таврическая палата выделила на постройку молитвенных домов и училищных зданий по 500 рублей на колонию, что, конечно же, не могло покрыть необходимых расходов. В чешские колонии был назначен новый архитектор Жуковский. Попечительский комитет выделил для священника, который будет служить в чешских поседениях по 200 рублей в год [5]. Данные документы свидетельствуют о получении жителями четырех чешских колоний пособий – 170 рублей, о добавочных льготах наиболее нуждающимся, о постройке необходимых домов и покупке жителями колоний скота. Ходатайство в Департамент Министерства государственных имуществ от чешских жителей Таврической губернии 1869 года по поводу увеличения земельного надела до 30 десятин было отклонено. Это стало причиной того, что часть чехов переселяется из Крыма в Мелитопольский уезд, где они основывают новую колонию Чехоград. Данные документы содержат информацию об основании колонии, о бедственном положении первых жителей селения Чехоград [6].

Прошения во Временный отдел по земельному устройству государственных крестьян представлены просьбами о водворении чехов в Таврической губернии как на казенных, так и на владельческих землях; просьбы о распределении чешских эмигрантов по уездам Крымского полуострова; о причислении переселенцев к образованной в 1869 году колонии Чехоград. Прошения содержат в приложении ведомости об имуществе чешских семей, поселенных в крымских колониях (сведения о денежных суммах, о количестве скота, необходимом сельскохозяйственном инвентаре). В документах имеются сведения о количественном составе чешских эмигрантов, о занятиях (ремеслах и земледелии) [7]. Данные источники характеризуют чешское переселение в Таврическую губернию, ряд материалов касается принятия русского подданства чешскими колонистами. Среди прошений в Отделение горного департамента имеется просьба от жителя Богемии Г. Дворака «О переселении из Богемии в Россию рабочих, специально знакомых с добывкой каменного угля» [8]. В этом документе говорится о причинах эмиграции чехов в российскую империю и благоприятных последствиях такой колонизации. Ответ на данное прошение последовал незамедлительно: «В ведении казенного управления не имеется каменноугольных рудников, и это не

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ПО ИСТОРИИ ЧЕШСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

является весьма полезным для развития каменноугольного дела». Интересным документом по истории чехов на юге Украины является «отношение управляющего Министерством иностранных дел о ходатайстве учителя Венцеслава Травничека об учреждении в России учебных заведений для детей переселившихся сюда богемцев». Венцеслава Травничек обратился в российское посольство в Вене с просьбой вести занятия для детей чешских переселенцев в Российской империи. Он предложил специальную программу обучения детей (обучение с 3-6 лет детей в детских садах для их лучшей подготовки в школе). В сельских школах необходимо по этой программе «вести химию, ветеринарные науки, строительное искусство, ботанику, планиметрию, счетоводство – все что необходимо земледельцу. После данного заявления В. Травничека Комитет министров постановил «открытие в чешских колониях самостоятельных и других надобных им училищ, если содержание их предполагается отнести на городские, сословные или жертвуюемые частными лицами суммы» [9].

Следующим видом документов, которые представляют интерес как важный источник по вопросам чешской колонизации юга Украины, являются протоколы и журналы Комитета министров как форма фиксации обсуждения и решения. В журнале ход заседания Комитета министров фиксировался кратко. В нем излагался обсуждаемый вопрос, мнение большинства и меньшинства, а также особые мнения, указывалось, какое мнение было утверждено в качестве решения. Журнал заседаний Комитета министров содержит наиболее разнообразные материалы о чешских колонистах. Среди вопросов, которые рассматриваются на страницах данных источников, большинство касается описания чешской эмиграции из Австрийской Чехии, указываются хронология переселения и основные причины. Внимание уделяется назначению льгот, «прав и преимуществ колонистам, утвержденным 18 декабря 1861 года». Описывается ход переселения чехов в Россию, перечисляются категории чешского населения [10]. Достаточно информации о волнах чешской колонизации юга Российской империи в 1861, 1862, 1864 годах; с 1865 г. массовое переселение в Таврическую губернию постепенно прекращается. Журнал содержит сведения о дальнейшей жизни эмигрантов, о принятии ими русского подданства (как необходимого условия) [11].

Условия жизни чешского населения в России неоднократно рассматривались на заседаниях Комитета министров, что было отражено в протоколах журнала заседаний на протяжении 60-70 годов XIX века. Интерес представляют отраженные в журнале различные мнения относительно колонизации, ее основных плюсов и минусов [12].

Наиболее разнообразной по содержанию является представленная в фондах РГИА учетная документация. В комплекс материалов ревизского учета входят перечневые ведомости, содержащие сводные данные по губерниям и уездам. Материалы такого характера содержатся в фондах Департамента общих дел. «Ведомости чешских поселенцев» (1869 год) представляют информацию о чешском населении на Украине, отдельные сведения о колонии Чехоград в Мелитопольском

C. A. ВОЛКОВА

уезде с населением 90 семей, ходатайства о постройке церкви в данной колонии и учреждении прихода, и выдаче пособий на его устройство [13]. «Ведомость о чехах Таврической губернии» представляет собой различную по форме информацию: количественный и религиозный состав чешского населения на 1866 год – 1009 (католики) и 29 человек (протестанты). Перечисляются колонии Перекопского уезда, рассматриваются причины эмиграции чехов из Крыма на материк и основание колонии Чехоград. Приводится характеристика каждой колонии: сколько выделено средств на постройку домов, молитвенных домов и организацию школ [14]. Еще одним примером описания чешских поселений в Крыму является «Ведомость о чешских колониях». Здесь перечислены колонии и количество земли, выделенной жителям из расчета 15 десятин на человека (Александровка – 2196 десятин занятой и 483 десятины свободной; Богемка – 1956 дес. занятой и 1076 дес. свободной; Табор – 1494 дес. занятой и 34 дес. свободной; Цареквич – 693 дес занятой и 199 дес свободной) [15].

Из статистических материалов интерес представляет основная земская статистика. На первом этапе ее развития существовали списки, включавшие сведения о населении, хозяйстве, посевах, скоте, промыслах, аренде и покупке земли, способах ее обработки. Примеры таких документов, находятся в фондах Департамента общих дел Министерства государственных имуществ и личном фонде А. М. Дондукова-Корсакова. А. М. Дондуков-Корсаков (1820-1893) генерал от кавалерии, киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, российский комиссар в Болгарии, временный харьковский губернатор, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий Кавказским военным округом. Он занимался изучением чешской эмиграции в Россию во второй половине XIX века. Не случайно личный фонд этого государственного деятеля, отложившийся в РГИА, содержит богатую информацию о колонизации чехами Таврии. Особое внимание А. М. Дондуков-Корсаков уделяет переселению чехов на Волынь. Ряд материалов этого фонда характеризуют переселение чехов в другие регионы Украины. Из выявленных документов наибольший интерес представляет «Записка: статистические сведения о чехах на Волыни 1873 год». Хотя в названии этого дела присутствует ограничение – Волынская губерния – здесь содержится значительное количество информации об эмиграции чехов в Россию в 1861 году, указываются права и привилегии чешских эмигрантов, утвержденные в декабре 1861 года и январе 1862 года (водворение на государственных и частных землях, свобода вероисповедания, освобождение от рекрутской повинности, освобождение от податей и повинностей сроком на 5 лет). В источнике перечисляются основные занятия чешских колонистов: земледелие и ремесло [16]. Статистические материалы по колонии Чехоград представляют ряд новых сведений о поселении: основание колонии, роль Попечительского комитета об иностранных поселенцах южного края России в основании Чехограда, число жителей в количестве 388 человек, религиозный состав населения (две чешские семьи – лютеране, остальные – католики) [17]. Важное значение для рассмотрения имеет информация о количестве земли на человека (15 десятин), сумме пособий на семью (по 25 рублей),

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ПО ИСТОРИИ ЧЕШСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

включенная в этот документ. Земская управа выделила чехоградцам дополнительное пособие в 1070 рублей на покупку зерна и продовольствия. В колонии был организован приход и назначен отдельный пастор [18].

Отдельным видом источников являются документы судебно-следственной системы. Примером может служить иск «Таврического магометанского духовенства о вакуфной земле из числа излишней при чешской колонии Богемка» [19]. В Одесский окружной суд в ноябре 1870 года Попечительскому комитету из Симферопольского окружного суда был передан иск магометанского духовного управления с претензией, что в ведомстве колонии Богемка в Перекопском уезде находится вакуфная земля. Данный вопрос остался нерешенным, т. к. в 1862 году землю в количестве 1095 десятин Министерство государственных имуществ передало как свободную чешским колонистам селения Богемка, не принимая во внимание планы на землю. Чехи отказались отдавать требуемые Магометанским управлением земли и даже согласились брать их в аренду за более высокую плату.

Фонды Российского государственного исторического архива содержат разнообразные материалы, характеризующие различные аспекты эмиграции чехов на юг Украины (причины переселения, основание колоний, социально-экономическая характеристика чешских поселений и т. д.). В связи с фактическим отсутствием научных исследований по данной проблеме эти документы позволяют детально рассмотреть различные стороны жизни поселенцев, их введение в научный оборот позволит воссоздать историю чешской эмиграции в Таврическую губернию.

Примечания

1. РГИА, ф. 1287, оп. 6, д. 2041.
2. РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 169.
3. Волкова С. А. История чешских колоний в Крыму: К постановке проблемы // Історичні і політологічні дослідження: IV Міжнародна наукова конференція молодих вчених та студентів.– Донецьк, 2003.– С. 112-114.
4. РГИА, ф. 381, оп. 44, д. 20647.
5. РГИА, ф. 381, оп. 44, д. 20645.
6. РГИА, ф. 381, оп. 8, д. 3708.
7. РГИА, ф. 385, оп. 5, д. 3907.
8. РГИА, ф. 37, оп. 53, д. 1714.
9. РГИА, ф. 472, оп. 26 242/1258, д. 44.
10. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3476, 3148.
11. Там же, д. 3472, 3556, 3650.
12. Там же, д. 359, 2966.
13. РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 3314.
14. РГИА, ф. 381, оп. 8, д. 3726.
15. Там же, д. 3708.
16. Там же, ф. 932, оп. 1, д. 165.
17. Волкова С. А. Особенности быта чешских колонистов Таврической губернии (по архивным материалам) // Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования.– Симферополь, 2002.– С. 25-28.
18. РГИА, ф. 381, оп. 11, д. 20974.
19. РГИА, ф. 381, оп. 13, д. 21120.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 14-20.

Дорошенко Е.Н.

СОВЕЩАНИЕ В ЛОНДОНЕ В АПРЕЛЕ 1942 Г. ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЕ ДВУХ НАЦИЙ (ПО МЕМУАРАМ А.ВЕДЕМЕЙЕРА)

Во второй мировой войне 1942 год с самого начала обещал быть очень тяжелым для союзников. Германия покорила Европу, добилась определенных успехов на фронтах России и укрепила свое положение в Средиземноморье, заставив отступать английские войска в Северной Африке. Действия немецкого флота были успешными в Атлантике, его подводные лодки нередко появлялись в водах Американского побережья. На Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий Япония казалась непобедимой. Она захватила Гонконг, Малайю, Бирму, Сиам, Индонезию, Филиппины... Войска союзников США, Англии, Китая не могли ей противостоять. Правительства США и Англии считали для себя важнейшей задачей предпринять военные операции с целью изменить ход войны. Одним из таких военных планов американцев стало десентирование через Ла-Манш и открытие второго фронта в Северной Франции. Для согласования этого плана с английскими союзниками президент Рузвельт в апреле 1942г. отправил в Англию военную миссию во главе с генералом Джорджем Маршаллом. О состоявшемся совещании в Лондоне писал в своих мемуарах американский генерал Альберт Ведемейер. Он занимался военным планированием в американских вооруженных силах, затем служил в Индии в штабе лорда Маунтбеттена. В 1944г. Ведемейер стал командующим американскими войсками в Китае. Ведемейер считался одним из лучших офицеров американской армии, он не относился к твердым сторонникам союза с Англией, полагая, что более самостоятельная американская внешняя политика станет надежным элементом в устройении сильного американского государства. О своих взглядах на эту проблему он писал в мемуарах, изданных в Нью-Йорке после войны в 1958г. Книга Ведемейера «Докладывает Ведемейер!» пока мало известна нашим исследователям и представляет собой ценный источник, выявляющий взгляды американской военной элиты в том числе и на американо-английские отношения, известным событием которых стало совещание американских и английских военных в апреле 1942г. по открытию второго фронта в Европе. Для американцев совещание стало нелегким, на нем, в некотором роде, пришлось «противостоять» Черчиллю «пылко развивавшему идею о преждевременности выработки конкретного плана вторжения на Европейский континент»(1). Ибо все его мысли, главным образом, были сосредоточены на том, как сохранить владения Британской империи, не дать отделиться «четырехсотмиллионной Индии... уберечь путь в Индию через Ближний Восток, как сохранить жизнеспособность империи. В Европе же, считал Лондон, достаточно будет обеспечить десант и сопутствующие операции в Северной Норвегии»(2).

Автором плана высадки был Джордж Маршалл. Англичане метко прозвали намечающуюся операцию «планом Маршалла». Согласно плану американцы,

СОВЕЩАНИЕ В ЛОНДОНЕ В АПРЕЛЕ 1942 Г. ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЕ ДВУХ НАЦИЙ (ПО МЕМУАРАМ А. ВЕДЕМЕЙЕРА)

изучив побережье «крепости Европа», каким стал оккупированный континент, считали, что наиболее удобным стало бы десантирование через Ла-Манш. Коммуникации в этой части Атлантического океана имеют наименьшее протяжение от берегов США. Наиболее эффективной стала бы авиация, действовавшая с аэродромов Англии. В этом регионе английская армия успешно могла бы сражаться, как в обороне, так и в наступлении. В Англии уже были созданы военные базы для американских войск, участие которых в операции было главным условием десантирования. Последним доводом стало: «Успешное наступление в этом районе явится максимальной поддержкой для русского флота»(3). Сначала план получил кодовое название «Раундап», после Тегеранской конференции он был переименован в «Оверлорд». Операцию предполагалось осуществить весной 1943г. Предварительная операция по сосредоточению на Британских островах войск и вооружения для проведения «Раундап» была названа «Болеро». Предусматривалась также еще одна операция «Следжхаммер». Ее нужно было осуществить в сентябре 1942г. при обстоятельствах, вероятность которых, по мнению американского правительства, была велика. К ним относились: критическое положение Красной Армии, в котором она может оказаться в результате преобладания немецких войск (Сталин говорил в 1942г., что если бы союзные державы открыли второй фронт, «то нетрудно догадаться, что положение гитлеровских войск на Восточном фронте было бы плачевным» (4)); или критическое положение самих немцев в Европе в результате успешного антифашистского заговора в нацистской Германии.

Не без юмора Ведемейер повествует о намечавшейся поездке в Лондон: «1 апреля в День дураков 1942г. мне сказали, что я буду сопровождать начальника штаба генерала Маршалла в секретной миссии, которая продлится приблизительно две недели. Я предполагал, что миссия была связана с двумя планами европейских операций «Болеро» и «Раундап», которые были представлены комитетом военного планирования комитету начальников штабов, они были утверждены им и затем президентом»(5).

Секретная американская миссия имела кодовое название «Модикум». Ее члены тоже получили вымышленные имена. В Лондон отправились пять человек: Гарри Гопкинс, специальный помощник президента США, генерал Джордж Маршалл, начальник штаба американской армии, главный военный советник президента; Джеймс Фултон, доктор, личный психолог Гопкинса; полковник Крейг, офицер военно-воздушных сил, консультант по соглашениям о воздушных перевозках и Альберт Ведемейер, в то время подполковник, сотрудник комитета военного планирования.

Делегация вылетела в Англию 4 апреля 1942г. на бомбардировщике Б-14. Сначала самолет приземлился на Бермудах, где американцы отдохнули несколько дней в превосходном отеле. Их радушно принял генерал-губернатор островов лорд Нолис. Ведемейер отмечал в мемуарах, что лорд Нолис «был достойным представителем Форин офис. В течение обеда, на котором, главным образом, говорили о житейских и спортивных проблемах допускались шутки в адрес

ДОРОШЕНКО Е.Н.

секретности нашей миссии... очевидно, каждый на острове знал точно, кто мы и также точно, почему мы летим в Англию»(6).

8 апреля миссия прибыла в Англию. Первое совместное заседание открылось в Лондоне 9 апреля в 10 часов. На нем Джордж Маршалл рассказал о плане высадки десанта через Ла-Манш. С английской стороны американскую миссию приветствовали Алан Брук, начальник британского штаба; Дадли Паунд, Первый морской лорд; Чарльз Портал, маршал ВВС; адмирал Маунтбеттен, возглавлявший управление комбинированных десантных операций, которое работало и над созданием новой военной техники; Хастингс Исмей, секретарь военного кабинета; бригадный генерал Л.Холлис, член военного кабинета. С американской стороны еще присутствовали контр-адмирал Гормли, который возглавлял представительство ВМС США в Англии и бригадный генерал Роберт А.Маклюр, военный атташе американского посольства. На Ведемейера произвела большое впечатление дипломатическая сноровка англичан. Умение искусно вести переговоры, скрывая свои намерения и угадывая чужие, оттачивалось веками в британской политической мысли. Ведемейер писал после войны, что англичанам свойственна «приверженность политике, направленной на «ловкую» организацию государств с целью ведения борьбы во имя могущества империи»(7). Он отметил: «Я ничуть не виню англичан, но как американец я чувствовал тогда и даже с большим чувством вины сейчас, что мы могли бы поучиться многому хорошему из их славной истории»(8). По мнению Ведемейера, англичане «были великолепными дипломатами и людьми, умеющими вести переговоры – умны, убедительны и утонченны»(9). Алан Брук, английский фельдмаршал, имел «быстрый, острый ум»(10). Он добивался своего, «искусно уклоняясь от фронтальной схватки по важным вопросам»(11). В своем дневнике Брук однажды записал после очередного контакта с американскими военными: «Очень тяжелая неделя, но приятно чувствовать, что мы получили то, что хотели от США»(12). Хастингс Исмей умел смягчить накал страстей спорящих. На первый взгляд мягкий, он обладал большой силой духа, «которой мог воспользоваться, когда это было необходимо»(13). Маршал авиации Великобритании сэр Чарльз Портал «великолепно выражал и формулировал идеи»(14). Он выделялся «среди других представителей британской военной иерархии, как по характеру, так и в интеллектуальном отношении»(15).

Казалось, англичане не возражали против предложенного плана. «В тот момент,- писал Ведемейер,- они вели себя, как и положено со всеми деталями классической макиавеллиевской ситуации. Когда государственные дела становились сложными, у наших оппонентов появлялись сомнения, которые можно было толковать по-разному. И если король и государство могли оказаться на краю пропасти, то только благодаря этим английским джентельменам»(16). Американцы придерживались убеждения, что нужно сконцентрировать и бросить армии в бой против жизненно важных центров врага. Англичане предпочитали иную тактику. Следует рассредоточить, говорили они, силы по периферии оккупированных территорий и, преодолевая сопротивление врага, ослабить его с тем, чтобы затем вторгнуться в его лагерь. Сила доводов американских камандующих имела своей

**СОВЕЩАНИЕ В ЛОНДОНЕ В АПРЕЛЕ 1942 Г. ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ США
И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЕ ДВУХ НАЦИЙ
(ПО МЕМУАРАМ А. ВЕДЕМЕЙЕРА)**

основой силу Америки с ее неисчерпаемыми ресурсами (или с ее способностью воспользоваться ресурсами практически в любой части мира). В Британии тактические планы военных также базировались на определенных возможностях империи. Она уже не располагала ни финансами, ни человеческими ресурсами. Казну опустошили две мировые войны. Но империю нужно было защищать. Для этого прилагали усилия политики во главе с Черчиллем. А военные выбрали своей тактикой сражения по периферии. Ведемейер писал: «...Философия или главная стратегия англичан со времен Перл-Харбора была сформулирована под влиянием мысли о своих истощенных ресурсах. Англичанам не хватало флота, авиации, танков и хорошо подготовленных войск. Следовательно, они не могли думать категориями концентрации больших сил для решающего удара. Но они создавали видимость обороны, чтобы предотвратить удар по периметру империи и по таким важнейшим центрам коммуникаций, как Гибралтар и Каир. Это объясняет настойчивость премьер-министра по развертыванию сил на широко разбросанных участках.. Он постоянно искал места, где можно расположить свои ограниченные силы для участия в какой-нибудь нелепой операции, которая в его воображении ослабит врага без усилий со стороны Британии, которые ей пришлось бы затратить на мощный удар.

Теперь неиссякаемые ресурсы, большой военный потенциал Соединенных Штатов сделал такой удар возможным...»(17).

В американских военных кругах существовало мнение, что в войне США не имели государственных интересов, «они хотели уничтожить врага..., сделать мир более демократичным и защитить «Четыре свободы»(18). Но именно американцы должны были приложить огромные усилия во имя победы, в которой были заинтересованы не только они. С горечью американские патриоты в военной форме подчеркивали значительную роль США в военном финансировании: «...слова «финансируировалось Соединенными Штатами» стали бесцеремонным рефреном на года»(19). «Они использовали нас в обороне всегда,»(20), - считали американские стратеги об английских коллегах. «Хотя мысль о концентрации для главного и решительного удара по врагу, - делает вывод Ведемейер,- была привлекательной и английские военные с готовностью согласились с ней в принципе, но в то же время они настаивали на своей периферийной стратегии. Это порождало нерешительность при принятии американского плана, что я и понял на конференции в Лондоне в апреле 1942г.»(21). Англичане предлагали нанести удар через Балканы – «мягкое подбрюшье» Европы. На предложение английских стратегов о нанесении такого удара Ведемейер ответил: «Рельеф местности, недостаток портов, ограниченные коммуникации, недостаток авиационных и морских баз делают Балканы опасными и даже непрятупными. «Мягкое подбрюшье», которое должно защитить юг Франции вокруг Марселя в реальности является «ощетинившимся хребтом»(22). Действительно, предлагая идею «мягкого подбрюшка» Великобритания намеревалась отсюда, кратчайшим путем в центр Европы, не только нанести поражение Германии, но и предотвратить проникновение на континент советских

ДОРОШЕНКО Е.Н.

войск, которые пока еще находились далеко на востоке. Возрастающая «не по дням, а по часам» мощь Советского государства предвещала грядущие изменения, которые могли вскоре постигнуть Европу. Об этом же предупреждал У.Буллит в своих письмах Рузвельту. В одном из них, датированном 29 января 1943г., он советовал, как можно скорее продвинуться американо-английским войскам в Восточную Европу «не через Францию и Италию, но через Салоники и Константинополь»(23).

Ведемейер также побывал на совещании своих английских коллег по военному планированию. Встреча состоялась в бомбоубежище глубоко под Уайтхоллом, Ведемейер писал: «Мы в полном смысле исследовали идею оккупации англо-американскими силами Западной Европы... я понимал, что буду в неловкой ситуации, если откровенно буду говорить или только намекать, что коммунизм более опасен, чем нацизм. Я завуалировано дал понять, что желательно завершить оккупацию Европы англо-американскими силами, как можно дальше на востоке к концу войны... Все присутствующие, казалось, были согласны... Но беспокойство среди них вызывали английские интересы в Индии, Африке, Среднем Востоке..»(24). Представитель Форин офис хранил молчание. Для Англии десантирование через Ла-Манш могло бы привести к невосполнимым потерям – людским и материальным. Поэтому Ведемейер увидел англичан «осторожно парирующих, избегающих, уклоняющихся от прямых столкновений на этой официальной конференции.»(25). Он писал, что почувствовал настоящее облегчение, когда лондонские совещания завершились. 18 апреля американцы вернулись в родные пенаты.

США и Англия имели общие цели: уничтожение Германии, предотвращение усиления СССР, которое последует с продвижением Красной Армии в Европе. Но правительства этих стран разными путями пытались осуществить заветные цели. США ратовали за открытие второго фронта на севере Франции, Англия – за нанесение основного удара в «мягкое подбрюшье». Конечно, более эффективным мог оказаться английский. Но из-за недоверия США к Англии, которые усматривали в ее планах прежде всего стремление к упрочению имперского положения Англии после войны, ее намерения не были поддержаны США. Ведь в послевоенном мире они желали укрепить мощь собственного государства, которое затем, в их понимании, по праву должно занять господствующее положение.

Традиционно в американской армии существовало разногласие среди командующих родами войск. Только в начале 1942г. командование американской армии стало объединенным. Учитывая это, в Англии увереннее придерживались собственных взглядов в отношении второго фронта. Американцы поняли: «Во время обсуждений претворения в жизнь «Болеро» в Лондоне Брук почувствовал, что американский штаб недостаточно продумал план и что генерал Маршалл задумал «Болеро» с целью прекратить военные поражения, которые несли адмирал Кинг и генерал Макартур...»(26). В американских источниках отмечалось: «Догадка Брука была проницательной. «Болеро» был проектом американской армии, который

СОВЕЩАНИЕ В ЛОНДОНЕ В АПРЕЛЕ 1942 Г. ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЕ ДВУХ НАЦИЙ (ПО МЕМУАРАМ А.ВЕДЕМЕЙЕРА)

поддерживался военно-морскими силами, но создавалось впечатление, что он никогда не будет осуществлен»(27).

Операция через Ла-Манш началась лишь 6 июня 1944г. Причинами тому были не только уклончивость англичан, но и в целом ухудшение обстановки на фронтах в 1942г. и начале 1943г. «Стратегическое решение было трудным для военного планирования союзников,- считал Ведемейер,- из-за того, что приходилось более отвечать на инициативу врага, чем планировать свою собственную»(28). Перелом, который последовал в войне наступил также и для американо-английского сотрудничества. «Со стратегической инициативой с нашей стороны,- отмечалось в американских исследованиях,- и возрастанием мощи американских вооруженных сил возрастила и наша уверенность в отношениях с англичанами, которая пришла к нам в 1943г....»(29). Отныне боевые действия англо-американских сил «более подгонялись американской армией»(30). Осуществление операции «Оверлорд» ознаменовало собой явление миру новой сверхдержавы – Соединенных Штатов Америки. Уступив лидерство США, Англия перестает быть империей мирового значения.

Однако, англо-американские союзники не добились политического первенства в Европе, как им того желалось. С 1944г. пол-Европы стремительно было освобождено Красной Армией, что стало доминирующей силой в утверждении на этом пространстве влияния СССР. Действуя более решительно в 1942г. западные союзники могли не допустить такого развития событий, ведь Красная Армия была настолько далеко (на Волге), насколько не могли даже и подумать западные политики. А они и не подумали! В результате именно в 1942г. была упущена возможность западными демократиями утвердиться бесспорно в Европе – главном стратегическом посту в контролировании всего мира. Совещание в Лондоне в апреле 1942г. тому доказательство.

Литература

1. Мальков В.Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии.М.,1988.
«Мысль». -С.231.
2. Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта.Свердловск,1990.Уральский университет.-
С.235.
3. Шервуд Р.Рузвельт и Гопкинс.Том второй.М.,1958. «Иностранная литература».-С.120.
4. «Международная жизнь» №2,2003г. Трубников В.Дипломатический фронт Сталинградской
битвы.-С.62.
5. Wedemeyer Albert C. Wedemeyer Reports! NY.1958.Henry Holt & Company.-P.97.
6. Ibid.-P.99.
7. Ibid.-P.69.
8. Ibid.
9. Ibid.-P.119.
10. Ibid.-P.107.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.

ДОРОШЕНКО Е.Н.

---

15. Ibid.-P.108
16. Ibid.-P.105.
17. Ibid.-P.107.
18. Ibid.-P.106.
19. Ibid.-P.102.
20. Ibid.-P.192.
21. Ibid.-P.120.
22. Ibid.
23. Bullit O.(Ed.)For the President Personal and Secret Correspondence between F.D.R. and W.C.Bullit.Boston.1972.Houghton Mifflin Co.-P.588.
24. Wedemeyer A.Op.cit.-P.113.
25. Ibid.-P.106.
26. Ibid.-P.113.
27. Ibid.-P.108.
28. Шервуд Р.Упомянутое исследование.-С.124.
29. Emerson William. Franklin Roosevelt as Commander-in-Chief in World War II. Reprinted from "Military Affairs", Vol.22.Winter.1958.-P.194.
30. Ibid.-P.193.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 21-26.

УДК: 377.5 (=112.2): 94(477) “183/191”

Задерейчук И.А.

**ПОДГОТОВКА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ДЛЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ
ЮГА УКРАИНЫ В НАЧАЛЕ ХХ в.**

Немцы, проживавшие на юге Украины в начале ХХ в. достигли значительных успехов в сельском хозяйстве. Тем не менее, для более эффективного использования имевшихся в наличии у них земельных ресурсов необходимы были квалифицированные кадры. На начало ХХ в. многие выпускники немецких церковно-приходских школ изъявили желание продолжить свое обучение и получить специальное образование. Существовавшие центральные училища в большинстве своем готовили только лишь педагогический персонал. Это не отвечало требованиям, продиктованным временем. К тому же, говоря о немецкой системе просвещения, не нужно забывать и о ее конфессиональности. Она делала практически невозможным обучение детей в губернских учебных заведениях. В связи с вышеперечисленными причинами в начале ХХ в. немцы выступили с инициативой создания узкопрофильных профессиональных учебных заведений.

Тематика заявленной статьи практически не нашла своего отображения в научной литературе. В отечественной историографии упоминал о сельскохозяйственном учебном заведении И.М. Кулинич [1]. Среди зарубежных исследователей, которые касались данной проблематики можно назвать О. Лебтага [2], К. Штампа [3].

Актуальность статьи заключается в том, что полученные данные позволяют выработать более тщательный, и правильный подход к решению вопросов национального образования в современных условиях.

Целями данной работы является рассмотрение вопроса подготовки специалистов для сельскохозяйственной отрасли. Задачи можно свести к следующему: во-первых, необходимо выявить предпосылки создания специального учебного заведения; во-вторых, нужно рассмотреть механизма его функционирования; в-третьих, следует проследить развитие учебного заведения в условиях разгула шовинистических настроений; а также уделить внимание количеству учащихся, стремившихся получить специальное образование. В тоже время вопросы, связанные с дальнейшим трудоустройством выпускников останутся в стороне исследования.

Рассматривая вопрос о становлении и развитии профессиональных учебных заведений, следует обратиться к его истокам. В 1839 г. известный среди меннонитского населения юга Украины колонист И.И. Корнис дал согласие Министерству государственного имущества на обучение 16 детей из русских и ногайцев правильному занятию сельским хозяйством. Взяв на себя такую обязанность, И. Корнис выдвинул целый ряд требований, среди которых: во-

ЗАДЕРЕЙЧУК И.А.

первых, предельный возраст учащихся не должен был быть ниже 15 и превышать 17 лет; во-вторых, обучение продолжалось 10 лет. Такая длительность объяснялась тем, что в результате дети должны были получить знания во всех отраслях сельского хозяйства [4, л. 9 – 10]. И. Корнис просил, чтобы всем выпускникам, успешно прошедшим обучение, предоставлялось право освобождения от воинской повинности. Дети, показавшие отличные знания, в качестве поощрения награждались премией в размере 200 руб. Это было немалой суммой для того времени [5, с. 107]. Если учесть то факт, что И. Корнисом были набраны ученики, то все выдвинутые этим человеком требования Министерство государственного имущества приняло во внимание.

Важным будет при рассмотрении этого учебного заведения исследовать методику обучения. Она выглядела таким образом: учащихся задействовали на различных видах работ. Они заготавливали сено; учились разводить картофель, измерять площадь полей; познавали основы ветеринарии, посадки и прививки деревьев [4, л. 98(об); 5, с. 107].

После окончания курса обучения выпускники были в состоянии рационально вести собственное хозяйство. В случае необходимости они могли заниматься на работу в крупные помещичьи и колонистские имения. Результатом деятельности этой практической школы стала организация ее выпускниками двух поселений. Эти населенные пункты выделялись по своему внешнему виду, а также методу хозяйствования среди всех других сел Мелитопольского и Бердянского уездов Таврической губернии. Подобный факт свидетельствует о той пользе, которую извлекли дети, пройдя обучение под началом И. И. Корниса. К сожалению, со смертью этого человека в 1848 г. набор учеников прекратился.

Таким образом, можно говорить о том, что первая попытка немцев в передаче знаний окружающим этносам увенчалась успехом. Но существование этой практической школы обуславливалась усилиями одного человека, большая же часть немцев на то время еще не была готова заниматься подобным родом деятельности.

В конце XIX начале XX в. ситуация кардинально изменилась. Немецкие поселения юга Украины переживали бурный экономический и культурный подъем. К тому же произошедшая в 1905-1907 гг. в Российской империи буржуазная революция привела на короткое время к либерализации отношений в обществе. Чем воспользовались немцы, так как именно на это время приходится массовое открытие разнотипных училищ.

В 1905 г. лютеранский пастырь Яков Штах выступил с инициативой создания учебного заведения по подготовке специалистов для сельскохозяйственной отрасли. Высказанное заявление в немецкоязычной прессе юга Украины вызвало значительный интерес среди населения, данного этноса. Только этим можно объяснить то, что за два месяца, после появления публикаций в газетах на строительство здания поступило около 10 тыс. руб. [3, с. 119]. Кроме денежной поддержки проектируемое училище получило значительную помощь от немцев в виде земельных наделов. К примеру, поселянин Иоганн Браун пожертвовал 60

**ПОДГОТОВКА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ДЛЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ
ЮГА УКРАИНЫ В НАЧАЛЕ ХХ В.**

десятин земли. Все это говорит лишь о том, что Яков Штах смог реально оценить ситуацию и вовремя предложить создание училища с таким профилем.

В результате удалось в 1907 г. в селении Эйгенфельд Мелитопольского уезда Таврической губернии открыть земледельческое училище [2, с. 158]. Вплоть до июля 1914 г. оно функционировало, как низшее сельскохозяйственное училище и лишь в этом году его преобразовали в среднее учебное заведение [5, с. 206]. Такое решение было продиктовано требованиями времени. Ведь многие ученики покидали или вовсе не поступали в указанное училище из-за того, что оно не давало знаний, которые позволяли бы получить диплом агронома, а также поступить в высшие учебные заведения [6, с. 362].

После получения разрешение на преобразование от Главного управления землеустройства и землевладения училище было открыто в составе подготовительного и двух основных классов. Чтобы иметь новый статус для учебного заведения, попечительный комитет взял на себя целый ряд обязанностей. Прежде всего, он обещал в 1915-16 учебном году увеличить площадь земельного участка училища. Также оборудовать кабинеты и лабораторию для 3 класса. В случае невыполнения перечисленных требований до 1 июля 1915 г. Главное управление землеустройства и землевладения грозило закрыть учебное заведение. Необходимо сказать, что немцы приступили к воплощению в жизнь взятых обязательств. Выполняя их, они столкнулись с целым рядом трудностей [7, с. 196 – 197]. К примеру, увеличить земельные владения училища не представлялось возможным, так как начало Первой мировой войны обусловило протесты среди «русских патриотов», которые видели в немцах России «пятую колону» Германии. В результате развернувшейся дискуссии вокруг немецкого вопроса был принят указ о ликвидации крупного немецкого землевладения. Это самым худшим образом сказалось на положении дел училища. Вступление в силу документов отрицательно отразилось на материальном состоянии немцев. Последние принимали самое активное участие в финансировании учебного заведения, а из-за принятых законов они были вынуждены урезать или вообще отказаться от помощи. Таким образом, попечительный комитет был не в состоянии выполнить взятые на себя обязательства. В таких обстоятельствах немцы, желая сохранить учебное заведение, обратились в Таврическое губернское земство с ходатайством о принятии Эйгенфельдского земледельческого училища в его ведение. Аналогичная просьба была направлена и в Мелитопольское уездное земство.

Получив обращение, Мелитопольское уездное земство отнеслось к нему со всей степенью ответственности. В 1915 г. оно создало специальную комиссию. Перед ней стояла задача дать ответы на целый ряд вопросов. Одним из главных был – необходимо ли среднее сельскохозяйственное училище в Таврической губернии? Ответ был положительный. Такое решение связано с тем, что училище являлось единственным учебным заведением сельскохозяйственного профиля. Те, которые существовали в других регионах юга Украины, жители Таврической губернии

ЗАДЕРЕЙЧУК И.А.

практически не могли поступить из-за того, что местные училища в первую очередь принимали собственных жителей.

Второй вопрос, на который необходимо было дать ответ комиссии, сводился к следующему: удовлетворяет ли интересам губернии местоположение учебного заведения? Члены комиссии дали положительное заключение. Они считали, что училище имело выгодное географическое положение в силу того, что оно находилось в центре сельскохозяйственной жизни губернии. Кроме того, рядом проходила железная дорога и по соседству находилась опытная машиноиспытательная станция, а также бюро сельскохозяйственной механики ученого комитета землеустройства и земледелия. Именно здесь ученики могли участвовать в опытных работах и имели возможность ознакомиться с самыми разнообразными сельскохозяйственными машинами. Все это в комплексе благоприятствовало созданию среднего сельскохозяйственного училища.

Положительный ответ был также получен на вопрос об общегубернском значении училища. Мотивировалось принятие такого решения исходя из приведенных сведений о территориальном распределении учащихся. Так из 126 учеников – 85 из Таврической губернии, а по уездам: Мелитопольский – 65; Бердянский, Перекопский, Феодосийский по 5 учеников и по 3 из Днепровского и Евпаторийского [8, с. 454].

Беря во внимание заключения комиссии, Мелитопольское земство отправило ходатайство в Таврическое губернское земство с требованием принятия училища в ведение последнего. Видимо, губернское земство также проявило интерес к данному училищу. Лишь этим можно объяснить то, что оно направило ходатайство в Главное управление землевладением и землепользования об отсрочке закрытия училища до момента принятия решения по нему земством [7, с. 198]. Последнее вынесло положительный ответ по ходатайству. В результате 17 января 1916 г. Таврическое губернское земство постановило принять Эйгенфельдское земледельческое училище в свое ведение [9, с. 719 – 724].

Принятое земством решение свидетельствует о том, что созданное немцами земледельческое училище было востребовано населением губернии. Об этом говорит и та бурная деятельность, которую проводило земство ради сохранения учебного заведения.

Специально для управления делами училища было организовано Эйгенфельдское школьное общество. Оно ставило перед собой цель «доставить детям бывших немцев колонистов, как будущим земледельцам соответствующее требованиям времени общее и специальное сельскохозяйственное образование». В обязанность общества входило: во-первых, поиск денежных средств для училища; во-вторых, установление размера суммы оплаты за право учиться и освобождение от нее; в-третьих, выдача жалования директору и учителям. Кроме того, общество проводило оплату различных счетов, контролировало правильность употребления денежных сумм [10, с. 3 – 11]. Число членов Эйгенфельдского школьного общества насчитывало 1000 человек, которые предоставили на развитие училища более 250

**ПОДГОТОВКА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ ДЛЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ
ЮГА УКРАИНЫ В НАЧАЛЕ ХХ В.**

тыс. руб. Не учитывая при этом пожертвованных строительных материалов, сельскохозяйственных машин, учебных пособий и книг.

Кроме помощи от немецких обществ училище получало пособие от Таврического губернского и Мелитопольского уездного земства. Так, в 1908 г. Таврическое губернское земство выделило – 1500 руб., а с 1910-1914 гг. по 1000 руб. [6, с. 773].

Такое материальное положение позволило построить для училища двухэтажное помещение и оборудовать его по последним требованиям науки. При нем располагались квартиры для учителей и студенческое общежитие.

Более полную картину о роли и важности Эйгенфельдского училища, позволяют составить данные о количестве учащихся и тех регионах, которые они представляли. В первый год существования учебного заведения в него поступило 80 учеников [2, с. 159], а в 1908/9 гг. учащихся было уже 116 человек [11, с. 54-53]. В 1910 г. – 141 ученик [12, с. 468]. К 1 январю 1913 г. – 118 детей, к 1 январю 1914 г. – 86 [6, с. 361]. В 1915 г. в училище работало 9 учителей и обучалось 87 человек [13, с. 69]. В этом же году учились дети из: Таврической губернии – 53; Екатеринославской – 24; Херсонской – 3; Области Войска Донского – 6; Псковской губернии – 1; Бессарабской губернии – 1; Харьковской – 4; Тифлиской – 1; Владимирской – 1 [6, с. 363 – 364]. Данные свидетельствуют, что попечительский комитет при приеме учащихся не замыкал свое внимание лишь на выпускниках из Таврической губернии. Таким образом, на примере Эйгенфельдского сельскохозяйственного училища можно констатировать тот факт, что сложившаяся система просвещения немцев юга Украины представляла единое целое. Столь значительная география учащихся объясняется и тем, что это было единственное в своем роде учебное заведение созданное немцами на территории империи [2, с. 161].

Таким образом, подводя итог всему выше изложенному следует констатировать тот факт, что первые попытки создания профессионального учебного заведения были предприняты еще в середине XIX в. В силу того, что это была частная инициатива, то школа просуществовала недолго. В начале XX в. немцы ощущали острую необходимость в специальном учебном заведении, как результат открылось Эйгенфельдское земледельческое училище. Это подтверждает количество учащихся и те регионы, которые они представляли. Традиционно для немецкой школы все вопросы указанного учебного заведения решал специально созданный попечительский комитет. Уникальность Эйгенфельдского земледельческого училища заключается в том, что оно являлось единственным учебным заведением данного типа, обслуживавшим весь массив немецкого населения Российской империи. Именно поэтому такой ценный элемент как профессиональная школа для немецкого населения юга Украины и всей страны является важной составной частью многообразной системы национального образования в полизначном крае.

ЗАДЕРЕЙЧУК И.А.

Література

1. Кулинич І. М. Німецькі колонії на Україні (60-ті роки XVIII ст. – 1917 р.) // Український історичний журнал – 1990. – №9. – С. 18 - 30
2. Lehtag O. Die Eugenfelder Ackerbauschule // Heimatbücher der Deutschen aus Rußland. – 1957. – S. 159 –162.
3. Stumpp K. Die Russland deutschen Zweihundert Jahre unterwegs. – Stuttgart, 1989. – 1015 s.
4. РГІА, ф. 398, оп. 2, д. 174.
5. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. – М., 1916. – 266 с.
6. Журнал заседания Таврического губернского земского собрания 49-й очередной сессии с 17 – 22 января 1915 г. и чрезвычайных сессий 28 апреля и 21 августа 1915 г. – Симферополь: Тип. ТГЗ, 1915. – XIV, 932, 52, 26 с.
7. Постановление Феодосийского уездного земского собрания очередной сессии с 18 по 20 октября 1914 г. – Феодосия: Тип. Н.М. Косенко, 1915. – 403, 159 с.
8. Постановления Мелитопольского очередного уездного земского собрания 50 очередной сессии созыва 12 – 19 ноября 1915 г. – Мелитополь: Тип. Г. Лифшица, 1916. – 1029 с.
9. Журнал заседания Таврического губернского земского собрания 50-й очередной сессии с 14 – 22 января 1916 г. и чрезвычайных сессий 29 марта и 15 августа 1916 г. – Симферополь: Тип. ТГЗ, 1916. – XIII, 910, 41, 28 с.
10. Устав Эйгенфельдского училищного общества. – Эйгенфельд: Тип. И.Ф. Буха, 1910. – 16 с.
11. Обзор положения народного образования в Таврической губернии за 1908/9 и 1909/10 учебные годы. – Симферополь: Тип. ТГЗ, 1910. – 73 с.
12. Журнал заседания Таврического губернского земского собрания 49-й очередной сессии с 9 по 18 января 1911 г. и чрезвычайной сессии 22 марта 1911 г. – Симферополь: Тип. ТГЗ, 1911. – 1238 с.
13. Mauch A. Geschichtliches von den deutschen Zentral Schulen in Russland // Heimatbuch der Deutschen aus Rußland. – 1954. – S. 62 – 69.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 27-32.

УДК: 37.046.14(477.75)=512.1 “1920/1939”

Змерзлий Б.В.

ЗАЛУЧЕННЯ КРИМСЬКИХ ТАТАР ДО РОБІТНИЧИХ ФАКУЛЬТЕТІВ КРИМСЬКОЇ АРСР

З розпадом СРСР і поверненням кримських татар в Крим, в вітчизняній історичній науці з'явилася велика кількість робіт з дослідження ролі і місця конфесійних і світських навчальних закладів в житті цього народу. Проте ці праці, у своїй більшості, обмежуються дореволюційним періодом. Проблема ж освіти кримських татар в системі просвіти Кримської АРСР в 1920-1930-х роках досі залишається маловивченюю.

Однією з особливостей системи освіти в 1920-1930-х роках була наявність робітничих факультетів (робітфаків). Дослідження цієї проблеми присвячена стаття Г.Н. Кондратюк “Кримський рабфак в 20-х роках ХХ століття” [1, с.58-63]. Не дивлячись на введення в науковий обіг великої кількості раніше не опублікованих документів, ця робота стосується, в першу чергу діяльності лише одного робочого факультету в м. Сімферополі. А проблема навчання на робітфаку кримських татар розглянута недостатньо повно, не дивлячись на наявність великого корпусу джерел з цієї проблеми, що міститься в Державному архіві автономної республіки Крим (ДААРК).

В той же час, проблема навчання кримських татар на робітфаках регіону в позначеній період, є актуальною і перспективною.

Засновані на початку 1920-х років радянською владою робітфаки повинні були виконувати соціальне замовлення на підготовлення студентів з робітничого і селянського середовища для університетів і інститутів. Робітфаки були важливою сторінкою в розвитку вітчизняної освіти. Щоб змінити соціальний склад студентів, в після революційні роки в вузи стали приймати практично всіх бажаючих, навіть без документів про раніше отриману середню освіту. Але життя показало, що студенти які не мали відповідної бази знань, були не підготовлені до рівня університетських занять. Вчораши між червоноармійцям і робітникам навчання в вузах виявилося не під силу. Тому для підготовлення соціально прийнятного контингенту були створені спеціальні підготовчі підрозділи - робітничі факультети.

Ідея створення робітничого факультету в регіоні була розроблена Наркомпросом Кримської АРСР у грудні 1920 р. Ініціатором виступив завідуючий відділом вищої школи професор Френкель.

12 січня 1921 р. Кримський Революційний Комітет (Кримревком) видав Положення про Сімферопольський робітничий факультет. Основною метою первого робітничого факультету в Криму було широке притягнення пролетарських і селянських мас в стіни Вищої школи, а також підготовлення в найкоротший термін робітників і селян в Вищу школу.

На робітничий факультет приймалися робітники і селяни від 16 років, що надсилались виробничими спілками, партійними відділами роботи в селі,

ЗМЕРЗЛИЙ Б.В.

направлені Кримським Нарпросом, а також рекомендовані оргбюро Кримпрофради і відповіальними радянськими працівниками.

Приймальні іспити на робітфак звичайно проводилися з 20 липня по 1 серпня з таких предметів, перший - арифметика - рішення запропонованої задачі на 4 дії над ціліми числами і, другий - Російський мова - швидке читання, письмова робота на обрані самими абітурієнтами теми (знання правил розділових знаків і грамати не було потрібно) [2, арк. 144].

Слухачі робітфаку звільнялися від виробничої роботи на весь час свого навчання на факультеті і користувалися всіма правами студентів Вищого навчального закладу і відповідним соціальним забезпеченням [3, с.113].

1 лютого 1921 р. в залі готелі “Метрополь” відбулося урочисте відкриття робітфаку, якому за пропозицією Гавена було привласнене ім'я І.Н.Назукіна. В перший навчальний рік було прийнято 204 студента, викладацький склад нараховував 30 чоловік, в тому числі професор Френкель, Єлістратов, Синіцин, Беляєв. Першим завідувачем стала Сосновська, робітник культивідділу Кримрадпрофу [1, с.59].

Необхідно відзначити, що перші роки існування робітничого факультету в Криму прийшлися на час страшного голоду, проте учебний заклад не припинив своє існування. Навіть в цих умовах продовжувала збільшуватись матеріальна база робітфаку, так, наприклад, 10 листопада 1922 р. для поповнення бібліотеки робітфаку Агітпроп відпустив 80000 карб. Для розуміння грошового еквівалента скажемо, що в цей же період заборгованість Паршколи за оренду городів, складала 40 мільйонів карб.[4, арк.174].

Робітфак був важливим органом по підготовці національних кадрів в процесі політики корінізації. Керівництво НКП РРФСР регулярно звертало увагу місцевих освітян на необхідність притягнення в робітфаки студентів різноманітних національностей. В червні 1923 р. Рада по просвіті національностей неросійських мов при Колегії НКП РРФСР розіслала в національні республіки інструктивний лист, в якому вказувалося, що “...при комплектуванні робітфаків в 1923/24 році звернути серйозну увагу на притягнення в робітфаки широких мас нацмен... основною метою кампанії по прийому на робітфаки є всебічне притягнення та надходження пролетарської селянської молоді... і надання їй сприяння при надходженні... вжити заходів, щоб із кандидатів нацмен, що слабко володіють російською мовою, заражованих на робітфак, були утворені групи посиленого підготовлення, особливо по російській мові” [1, с.60].

Велику діяльність для забезпечення притоку кримськотатарської молоді на робітфаки розвинуло Татбюро при кримському ОК РКП(б). В 1923 р. воно добилося передати для розпорядження татсекції 35 (по іншим даним 40) місце в Сімферопольському робітфаку, а також клопоталося про відкриття підготовчого відділення [5, арк.19].

Завдяки прикладеним зусиллям до кінця 1923 р. в сімферопольському робітфаку вже навчалася татарська група з 60 осіб, і, крім того, почало працювати підготовче відділення для татар на 33 особи, причому серед слухачів було 80%

ЗАЛУЧЕННЯ КРИМСЬКИХ ТАТАР ДО РОБІТНИЧИХ ФАКУЛЬТЕТІВ КРИМСЬКОЇ АРСР

селян, з них членів ВЛКСМ 50% [6, арк.53-54]. Очевидно, що такий значний процентний склад селянської молоді став можливий тільки завдяки ретельному доборові Татсекцією ОК ВКП(б) всіх можливих кандидатів на надходження в робітфак з числа татар.

Якщо в 1921 р. студенти робітфаку кримські татари складали 7,6%, в 1923р. - 15%, то в 1926 р. - вже 32% (при загальній кількості прийнятих на цей навчальний рік 245 осіб) [7].

В 1923 р. в Москві був скликаний всеросійський з'їзд губернських рад по справах національних меншостей, що проаналізував і роботу робітфаків. В підсумкових документах з'їзду з цього питання вказувалося на необхідність "надати особливу кількість місць для робочої і найбіднішої селянської молоді нацмен..."[1, с.60].

Правила прийому на кримський робітфак в 1926 р. встановлювали, що вік абітурієнтів може складати від 17 до 30 років. Обов'язковою умовою була наявність виробничого стажу від трьох до шести років. Ті абітурієнти, що закінчили школи фабрично-заводського учнівства, могли бути прийняті на другий курс робітфаку. Також на другий курс приймали випускників шкіл селянської молоді і сільських семирічок після проходження ними іспитів.

До початку кожного навчального року відбувалася обов'язкова розверстка місць на робочий факультет. Так, Кримському ЦВК в 1926 р. надавалося 64 місця для селян кримських татар і 12 місць для представників інших національностей; КСПС - 27 місць для росіян, 9 - для кримських татар, 9 для інших національностей, ОК РКП(б) і ОК ВЛКСМ - 45 місць, з яких 27 для росіян, 9 для кримських татар і 9 для представників інших національностей. Зазначені організації здійснювали добір кандидатів по соціальному, партійному та національному критеріям. При цьому рівень академічної підготовки практично не приймався до уваги [8, арк.18].

Багато в чому, такі правила виходили з завдань робітфаку, які завідуючий учебово-методичним центром Наркомпросу Криму Овсейчик визначив так: "...Наш робітфак покликаний зіграти особливу роль, що випливає зі специфічних кримських умов: він повинен служити базою для підготовування спеціалістів із робітників із сфери татар і нацменшин..." [9].

В 1929 р. серед прийнятих на 1 і 2 курс робітфаку, по соціальному стану, робітників було 43 (51,8%), батраків - 30 (36,1%). Серед прийнятих на кримськотатарське відділення робітників нараховувалося 15 (25,4%), батраків - 13 (22%).

Як ми вже зазначали, всі слухачі робітфаку були розділені на три курси, в тому числі в залежності від ступеня їхньої навчальної підготовки. Середній вік робітфаківців становив 20-25 років, і за плечами в них був різноманітний життєвий досвід. Кожний курс ділився на групи по 30-40 осіб. Всього нараховувалося 15 груп. Для другого і третього курсів існувала технічна і біологічна спеціалізація. Заняття починалися наприкінці вересня - початку жовтня. Щотижневе навчальне навантаження робітфаківця складало 37-42 навчальних години. На додаток до основного навчального навантаження функціонували кружки: біологічний і декілька

ЗМЕРЗЛИЙ Б.В.

суспільствознавчих. Студенти були організовані в фахові секції. Роботою кожної секції керував профуповноважений, що обирається на загальних зборах спілки. Всього на робітфаку діяли 15 секцій.

В зв'язку з “справою” Велі Ібраїмова, в органах, що підпорядковувались Наркомпросу Кримської АРСР почалися “чищення”. Була створена комісія Кримського ЦВК по перевірці роботи Наркомпросу, діяльності керівників різних організацій освіти. На засіданні комісії 17 жовтня 1929 р. завідуючому Кримським робітфаком Чешмеджі була дана така характеристика: “...Закінчив академію комуністичного виховання. Живий, енергійний з ініціативою, для роботи підготовлений... В керівництві спостерігається хвостизм. Національну політику веде нетвердо, іде по лінії найменшого опору... ідеологічно не зовсім витриманий. З роботою може справлятися під посиленням керівництвом”. Одному із самих кваліфікованих викладачів робітфаку Я.І. Байрашевському (єдиному кримському татарину з 38 викладачів робітфаку) була дана така характеристика: “Колишній прaporщик, із дворян. З НКП пішов по особистому бажанню... Тип украй сумнівний”.

Зрозуміло, що в таких обставинах викладачі старої школи, представники дореволюційної педагогіки не могли працювати та звільніялись, а їх місце займали молоді заідеологізовані викладачі. Також в цей період зростає роль партійних осередків у житті навчального закладу [1, с.62].

Як ми вже відмічали, кримський робітфак ім. Назукіна по своєму складу був багатонаціональним. З 567 студентів в 1929 р. росіяни складали тільки 42%, а інші 331 особа були представниками 22 національностей. В рамках політики корінізації робітфак повинен був готувати національні кадри спеціалістів. Проте, в повному обсязі ця задача не була виконана. Причин було декілька. По-перше, слухачі різних національностей мали неоднакові стартові академічні знання, а методи і терміни навчання для студентів із різноманітним підготовленням фактично не відрізнялися. По-друге, хоча для слухачів кримських татар і була створена спеціальна підготовча група, розширені навчальні програми по кримськотатарській мові і літературі, однак ці міри виявилися недостатніми. Серед викладачів робітфаку кримських татар були одиниці, що також ускладнювало викладання. По-третє, соціальні та освітні відмінності робітника після закінчення ФЗУ і сільського батрака, освіта якого найчастіше обмежувалася лікнепом, були дуже істотними.

Слід зазначити, що й в подальші роки також далеко не завжди виконувалася директива про залучення корінного населення в спеціальні навчальні заклади. В складі робітфаків в 1932 р. кількість кримських татар зросла з 20,4% до 25,2%, але серед цих навчальних закладів були і такі, де цей прошарок коливався від 5% до 15% (це Керченський робітфак і Сімферопольський автодорожній).

Однією з основних причин слабкого залучення татар був розрив між потребою шкіл і наявністю для них підготовлених контингентів. Для вирішення цієї проблеми при кожному робітфаку ОК РКП(б) і урядом республіки було запропоновано організувати спеціальні татарські підготовчі групи, незважаючи на те, в 11 робітфаках регіону діяла тільки одна підготовча татарська група [10, с.115-116]. До

ЗАЛУЧЕННЯ КРИМСЬКИХ ТАТАР ДО РОБІТНИЧИХ ФАКУЛЬТЕТІВ КРИМСЬКОЇ АРСР

того ж, навіть в 1936 р. з 13 робітфаків республіки тільки 2 проводили навчальний процес одночасно російською і татарською мовами. Це були сільськогосподарський робітфак в Ялті і педагогічний робітфак ім. Покровського в Євпаторії [11, арк.6]. На інших робітфаках викладання йшло виключно російською мовою. Можливо, причиною цього, була відносно незначна кількість вузів в РРФСР, де викладання велося татарською мовою.

В 1933 р. Кримські робітфаки випустили 425 осіб, план же на 1934 р. складав 632 [12, с.142]. Проте, незважаючи на ту обставину, що в 1934 р. робітфаків в Криму було 13, а навчалося в них 2494 осіб, закінчило в цьому ж році тільки 325 осіб. В 1935 р. в цих же робітфаках навчалося 3085 осіб, але закінчило їх 182. І якщо прийом до технікумів в 1935 р. в порівнянні з 1934 р. скоротився з 2480 осіб до 2050, то в робітфаках прийом знизився з 1949 до 1776 [13, арк.34].

Таким чином у середині 1930-х років ми спостерігаємо спад не тільки прийому на робітфаки, але і їх випуску. Причин такого явища, очевидно, було декілька. По-перше, на цей період часу, в результаті проведених державою заходів, значно поліпшився рівень знань випускників шкіл, що все менше потребували послуг робітфаку для надходження у вузи. По-друге, відкриття 2-х нових вузів в республіці (Медичного і Сільськогосподарського інститутів) значно послабило приток абітурієнтів в робітфаки. По-третє, інтенсивна робота множини різноманітних навчальних закладів – вузів, робітфаків, ФЗУ, технікумів, спецшкіл і т.д., очевидно, створила визначену насиченість кримського ринку робочої сили спеціалістами цих рівнів.

В зв'язку перерахованими вище причинами, не всі навчальні заклади почали працювати в повне навантаження, і їх утримання стало не рентабельним. Тому вже в 1937 р., деякі з них були закриті, в тому числі Сімферопольські авто-дорожній і промкооперації робітфаки [14, арк.1].

Проте робітфаки відмирали поступово, так в 1937-1938 навчальному році 9 робітфаків Криму прийняли 689 осіб, правда з них, тільки 151 татар. В першу чергу, ми пов'язуємо незначну кількість кримських татар, що поступили в цей час до робітфаку, із завершенням проведення в країні політики корінізації, і, вілповідно, скасуванню додаткових пільг кримським татарам при вступі в різні учебові заклади. В цьому навчальному році, тільки Сільськогосподарський робітфак ім. Кримського ЦВК прийняв із 92 осіб 66 татар. В інших навчальних закладах цього типу кримських татар нараховувались одиниці.

Підводячи результат дослідження, необхідно відзначити, що кримські робітфаки зіграли велику роль в підготовці значного контингенту кримськотатарської молоді до вступу в вузи як Кримської АРСР так і РРФСР. Проте, на жодному періоді свого існування вони не змогли виконати поставлену перед ним мету по залученню в свої ряди належної кількості кримських татар. Основними причинами такого явища стали, по-перше, відсутність належної мережі до навчальної підготовки, незважаючи на кількаразові зауваження державних органів так і не розгорнутої; по-друге, слабка національна орієнтованість кримських робітфаків, що виявлялася в переважній мові викладання - російській. Крім того,

ЗМЕРЗЛИЙ Б.В.

необхідно враховувати об'єктивні причини, що стояли перед цими навчальними закладами, це слабке фінансування, відсутність гуртожитків і необхідного устаткування, гострий дефіцит в підготовлених викладацьких кадрах, і, нарешті, найчастіше відсутність самого необхідного - помешкання. Так, наприклад, Керченський робітфак ще в 1938 р. все ще не мав свого помешкання [11, арк.65].

Література

1. Кондратюк Г.Н. Крымский рабфак в 20-х годах XX века // Культура Народов Причерноморья. – 1998. - № - С.58-62
2. Державний архів автономної республіки Крим (ДААРК), ф.1, оп.1, спр.266, арк.144.
3. Симферополю 200 лет. – Киев: “Наукова думка”, 1984. – 318 с.
4. ДААРК, ф.1, оп.1, спр.128.
5. Там же, спр.287.
6. Там же, спр.358.
7. Красный Крым. – 1929. – 21 марта.
8. ДААРК. ф.663, оп.-1, спр.666.
9. Красный Крым. - 1929. – 12 февраля (17)
10. Полстаев Д. Кадры в Крыму // Экономика и Культура Крыма. – 1934. - №3-4 – С.115-116.
11. ДААРК, ф.219, оп.1, спр.1762.
12. Хроника. // Экономика и Культура Крыма. – 1934. - №3-4 – С.142.
13. ДААРК, ф.219, оп.1, спр.1780.
14. Там же, спр.1785.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 33-41.

УДК 930:[39:069.8] (477.75)

У. К. Мусаева

ВОСТОЧНЫЙ МУЗЕЙ В ЯЛТЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Обширную исследовательскую работу по изучению истории и этнографии крымских татар проводил Восточный музей в Ялте. Он располагался в здании, конфискованном у эмира Бухарского, построенном в восточном стиле. Временем основания музея формально является 1921 год, но музей еще два года находился в стадии организации и формирования экспозиции [1].

В связи с репрессиями, обрушившимися на крымскотатарский народ уже после закрытия музея в конце 1929 г. изъяты из архивов практически все документы (отчеты), касающиеся деятельности Восточного музея. Бесследно исчез и архив (документальные фонды) самого музея. Это явилось причиной практически полного отсутствия информации о его деятельности как в послевоенный период, так и в современной историографии. С 1995 г. проявился интерес к фигуре одного из директоров Восточного музея – Я. М. Якуб-Кемаля. В 1995 г. появилось небольшое сообщение А. В. Ефимова, посвященное его биографии, в материалах конференции «Проблемы межнациональных отношений в XX столетии» [2], которое в том же виде без изменений было опубликовано в 1996 г. в первом выпуске сборника «Проблемы политической истории Крыма». Желание А. В. Ефимова осветить основные вехи жизненного пути «одного из самых известных знатоков исламского вероучения в Крыму», к сожалению, соседствует с элементарным отсутствием опоры на источники, что привело автора к ряду грубых ошибок. Так, дата смерти Я. М. Якуба-Кемаля определена им как 1935 г., что не соответствует действительности. Полностью опустил А. В. Ефимов деятельность ученого как директора музея, ошибочно утверждая, что Я. М. Якуб-Кемаль возглавил его «после создания» [3]. Впервые научное освещение основных вех жизненного пути Я. М. Якуба-Кемаля представлено в ряде публикаций проф. Д. П. Урсу, который наравне с осколками местных материалов из Государственного архива в Автономной Республике Крым (далее: ГАРК) использовал документы архива СБУ в Автономной Республике Крым [4]. Д. П. Урсу впервые восстановил библиографию трудов ученого [5]. Систематизированные Д. П. Урсу библиографические данные легли в основу информации об ориенталисте, опубликованной в подготовленном в С.-Петербургском филиале Института востоковедения РАН библиографическом издании «Люди и судьбы» [6].

При полном отсутствии в историографии даже кратких обзоров деятельности Восточного музея важнейшими источниками для восстановления его работы в области изучения этнографии являются документы «Коллекции материалов по музеиному строительству», отложившейся в отделе письменных источников Государственного Исторического музея Российской Федерации (далее: ГИМ РФ ОПИ), которая содержит справку «О Восточном музее» [7] и отчет о его

У. К. МУСАЕВА

деятельности за 1923-1926 гг. [8]. Интересным источником о деятельности Восточного музея является опубликованный отчет о посещении этого научного центра Владимира Александровича Гордлевского «Рукописи Восточного музея г. Ялты» [9], где приведена первая из опубликованных краткая биографическая справка об Я. М. Якуб-Кемале и охарактеризована часть исчезнувших впоследствии уникальных рукописных фондов музея.

После официального учреждения Восточного музея его первым заведующим являлся А. Хатипов. Сохранилась подготовленная им 19 октября 1922 г. рукописная справка «О Восточном музее», в которой в виде тезисов определялись его задачи – созиранье и изучение предметов, касающихся истории и этнографии крымских татар. Приоритет отдавался письменным источникам и вещам эпохи Крымского ханства. Музей, по мнению заведующего, должен был сыграть ведущую роль в сохранении культуры Крыма. Восточный музей планировался как логическое продолжение Бахчисарайского музея, где была представлена только культура мусульман Крыма. Ялтинское собрание должно было стать последующим этапом в освещении материальной культуры народов Востока, проживающих за пределами Крыма [10]. В 1922 г. была создана первая экспозиция музея – «Татарская комната». Она давала представление о бытовом укладе крымскотатарской семьи южнобережья. В экспозиции были представлены крымскотатарские чадры, посуда, одежда, ковры местного производства [11]. Активизация работы по созиранью коллекции и формированию новых выставок происходит при новом заведующем – Иосифе Александровиче Роджере. Материалы поступали из фондов КрыМОХРИСа (имущество дворцов и усадеб Южного берега Крыма, относящиеся к быту народов Востока) и благодаря проводимым сотрудниками музея экспедициям в татарские деревни в окрестностях Ялты, а также в районы побережья между Алуштой и Судаком. В ежегодных годовых отчетах о деятельности музея отмечалась подвижническая деятельность группы крымских татар, которые способствовали приобретению на местах предметов культуры и быта для пополнения крымскотатарского отдела. К сожалению, нигде не названы фамилии этих любителей этнографии. Из «Годового отчета Ялтинского Восточного музея за 1924/25 г.» стало известно, что музей располагает уже несколькими коллекциями, которые размещены по отделам соответствующей народности. Предметы сгруппированы по отдельным производствам и расположены в порядке времени своего происхождения и эволюционного развития (кроме этнографического крымскотатарского отдела). В связи с отсутствием витрин экспонаты были расположены на полках-горках, а ковры и ткани – на стенах [12].

Официально уже в 1921 г. в Восточном музее оформлено 5 отделов: узбекский (Бухарский), среднеазиатский, азербайджанский, персидский, арабский (куда включался и японско-китайский материал). Несмотря на то, что крымскотатарская этнографическая экспозиция в виде «Татарской комнаты» была открыта почти с самого начала функционирования музея, крымскотатарский отдел оформлен и был официально заявлен в отчете только с 1925 года [13].

ВОСТОЧНЫЙ МУЗЕЙ В ЯЛТЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

К середине 1925 года в музее насчитывалось 1752 экспоната. (198 из них стали пополнением 1924 года, причем большая часть пополнения касалась крымскотатарской этнографии). Это были предметы, относящиеся к отдельным отраслям труда, отражающие характерные черты того или иного производства. В разделе «Научная работа» отмечалось, что в татарском отделе описано бытовое значение предметов. Сотрудники выезжали в татарские деревни для подыскания этнографического материала. Благодаря этой экспедиционной деятельности приобретен ткацкий станок, сундуки, женские металлические украшения. Одновременно велась работа по созданию каталога музея. Из 86 лекций прочитанных сотрудниками музея выделим «Художественная форма и быт мусульман», «Искусство мусульман, как продукт быта и социально-экономических условий жизни народа», «Быт крымских татар и их художественное творчество». (Информация о том кто разрабатывал лекции отсутствует) [14]. В качестве первоочередных задач для развития музея обозначалось оборудование залов витринами; написание названий экспонатов на втором языке (кроме русского – на крымскотатарском); установление научных связей с этнографическим отделом Русского музея, Государственным Эрмитажем и Музеем восточной культуры для пополнения фондов [15].

В «Отчете о деятельности Ялтинского Восточного музея за 1925-1926 операционный год» отмечалось, что кроме дальнейшего развития (пополнения) существующих шести отделов, ведется работа по организации седьмого отдела – художественного производства и художественной промышленности южнобережных татар и восьмого – революционного Востока. К 20 декабря 1926 г. в музее насчитывалось 2006 предметов (за последний год пополнение составило 450 единиц). Более других пополнены крымскотатарский и персидский отделы [16]. Существенным пополнением фондов музея стала передача сюда имущества бывшего Юсуповского дворца (охотничьего дома) в деревне Коккозы, выполненного в крымскотатарском стиле. Кроме этого музей приобрел предметы по этнографии южнобережных татар.

Имевшееся в музее в 1926 г. этнографическое собрание признавалось как одна из лучших коллекций, характеризующих быт и культуру крымских татар. Так, журнал «Этнография» в обзоре, посвященном советским этнографическим музеям выделил «Татарскую комнату» Восточного музея по уникальности собранных там экспонатов, характеризующих быт [17]. Заведующий отделом Советского Востока Центрального музея народоведения И. Н. Бороздин, посетивший Восточный музей в 1926 г. особо выделил его этнографические коллекции среди аналогичных музеев в СССР [18]. В этом же году Восточный музей посетил научный сотрудник Исторического музея в Москве А. Клейн, изучавший собрания древних тканей и вышивок, хранящихся в крымских музеях. В отчете, представленном в Музейный отдел Главнауки, А. Клейн отметил, что в основной своей части собрание Восточного музея «носит довольно случайный характер и не дает целостности впечатления» [19]. А. Клейн отметил уникальность собрания ковров ялтинского музея, которые были кавказского, турецкого и персидского производства.

У. К. МУСАЕВА

В 1927 г., с приходом на должность директора музея Я. М. Якуб-Кемаля, происходит перепланировка экспозиций музея, в основу которой была положена история и этнография крымских татар. Новый директор видел задачи музея прежде всего в «сборе, изучении и показе материалов художественно-промышленного производства и искусства южнобережных татар, а также народов Востока, имевших в свое время то или иное влияние на искусство крымских татар» [20]. Разработанный устав музея декларировал, что научно-исследовательская деятельность Восточного музея должна ограничиться изучением этнографии и искусства татар Южного берега Крыма, а также научным описанием тех образцов искусства народов Востока, которыми музей обладает [21].

Якуб Меметович Якуб Кемаль родился в 1887 г. в деревне Улу-Сала Ялтинского уезда Таврической губернии. В литературе и архивных документах существуют противоречивые сведения по его биографии. Значительную путаницу в ее разработку внес А. В. Ефимов, который не имел опоры на достоверные источники. В публикациях профессора Билькентского университета (Анкара) Хакана Кырымлы приводятся совершенно нелепые сведения о том, что ученый будто бы закончил геологический факультет Стамбульского университета, а затем еще и Сирийском протестантском колледже [22]. Ошибка видимо произошла из-за сходства слов геология и теология. В Стамбуле в 1900 г. действительно был открыт университет, в составе которого был богословский (теологический) факультет [23], на котором он мог обучаться. В материалах следственного дела тюрколога указано, что он имеет высшее образование. Окончил медресе в Константинополе [24]. Я. М. Якуб Кемаль был знатоком арабского языка и мусульманского права.

Проведя в общей сложности 12 лет за границей с целью получения образования, он продолжил его в ведущем учебном заведении российских ориенталистов – специальных классах Лазаревского института восточных языков в Москве, где специализировался у А. Е. Крымского [25]. Обучения Якуба Меметовича в Москве было прервано с началом Первой мировой войны, когда он, как турецкоподанный, был выслан в Тамбов. С началом революционных событий Я. М. Якуб Кемаль вернулся в Крым, где в 1917-1920 гг. был казыаскером Крыма (главой мусульманского судопроизводства), а после гибели муфтия Крыма Челеби-Джихана занял его должность [26]. С 1917 г. являлся ректором воссозданного Зинджирлы-медресе.

Еще до прихода в Восточный музей Я. М. Якуб Кемаль заявил о себе в крымоведении статьей «Надпись на портале «Мечети Узбека» в гор. Старом Крыму» [27], четко обрисовав свои научные приоритеты. Ими стала история Крымского ханства, изучение археографических памятников этой эпохи. Статья посвящена характеристике надписи на портале мечети Узбека – одного из старейших из уцелевших памятников культуры крымских татар. Ряд имевшихся переводов данной надписи противоречил друг другу (О. А. Акчокраклы, А. Л. Бертье-Делагард, А. Ф. Негри, В. Д. Смирнов). Причиной разнотений надписи, по мнению Я. М. Якуба Кемаля, заключались в том, что в арабском языке из-за недостатка гласных букв одну форму выражения легко принять за другую. Ученый предложил свою исправленную версию перевода надписи.

ВОСТОЧНЫЙ МУЗЕЙ В ЯЛТЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Возглавив в начале 1927 года [28] Восточный музей, Я. М. Якуб Кемаль основное внимание уделил сбору полевых материалов по истории и культуре крымских татар, а также старинных рукописей на тюркском и арабском языках, ковров, оружия. По решению директора ввиду особого значения крымскотатарского отдела. К имеющейся бытовой экспозиции (Татарская комната) добавили новую – выставку художественной промышленности южнобережных татар, где было представлено производство войлока, ткацкое, ковровое производство, техника обработки льна, шерсти, ювелирных изделий [29].

Только в 1927 г. Восточным музеем было проведено 3 полевых экспедиций. В конце марта – в районе побережья между Алуштой и Судаком. Этнографы собирали утварь, ковровые изделия, элементы пришедшего в негодность сельскохозяйственного и ремесленного инвентаря в селах Куру-Узень, Кучук-Узень, Туак, Ускут. Отдельной задачей данной и последующих экспедиций являлась разъяснительная работа о необходимости передачи на хранение в музей имевшихся у населения старинных рукописей и книг, прежде всего духовных. Следующая этнографическая поездка состоялась в сентябре 1927 г. и охватила район от Ялты до Байдара: поселки Ореанда, Кореиз, Мисхор, Лимены, Кекенеиз. Она принесла меньше этнографического материала, чем экспедиция в Восточный Крым. Это было связано с тем, что район Южного берега (особенно Большой Ялты) еще с конца XIX века бурно развивался как курорт, что не способствовало сохранению всех элементов народной культуры. Уже в конце октября 1927 г. была повторена экспедиция в Восточную часть полуострова: от Алушты в сторону Судака. Научные сотрудники музея совместно со студентами факультета крымскотатарского языка и литературы Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе, которые таким образом проходили языковую практику, объехали села Туак, Ускут, Капсихор, Кутлак [30]. Во время экспедиций был собран большой фотографический материал, который составил отдельный фонд музея.

Несмотря на то, что в плане работы на 1927-1928 гг. намечалось издание «каталога музея с краткой популярной монографией о материальной культуре мусульман» [31], этот проект не был реализован. Научные сотрудники проводили большую работу по сбору библиографии о крымских татарах и мусульманах вообще. К сожалению, эти картотеки, как и остальной документальный материал, хранившийся в музее, были утрачены.

Кроме директоров источники называют лишь единичные имена сотрудников Восточного музея: Владимира Константиновича Яновского [32] и Валерия Юлиановича Березовского [33].

Посетивший в 1927 г. Восточный музей известный советский ориенталист В. А. Гордлевский, ознакомившись с коллекцией отметил, что основу этнографического собрания музея составляет материал, собранный в селах прибрежных между Алуштой и Судаком. Особо В. А. Гордлевский выделил рукописное собрание музея – 65 рукописей и почти такое же количество ярлыков, фирмансов и юридических договоров, на которых сохранились печати медресе в Адрианополе, ханские печати. Я. М. Якуб Кемаль справедливо отмечал, что рукописи, собранные по деревням,

У. К. МУСАЕВА

объективно показывают уровень образованности крымских мусульман в XVII – XIX веках. В. А. Гордлевский классифицировал их на три группы:

- рукописи на арабском языке;
- духовные сочинения на османском языке;
- документы по истории Крымского ханства: 10 ярлыков крымских ханов и фирманы турецких султанов, а также одна казыэскерская тетрадь [34].

Заведующий КрымОХРИСом А. И. Полканов отметил разнообразие материалов, характеризующих материальную и духовную культуру крымских татар: «Здесь собрано значительное количество ковров, восточного оружия и утвари <...> Музей интересен и имеет несомненное будущее. Он пользуется большой популярностью среди посетителей» [35].

В отдельной статье, подытоживая работу Восточного музея за 1927 год Я. М. Якуб Кемаль отметил, что несмотря на маленький штат сотрудников удалось развернуть этнографическую собирательскую работу, в основном, в Восточном Крыму, где вместе со сбором предметов быта и рукописей проводилась и запись фольклорного материала. Сотрудники музея привезли около ста книг, часть из которых была на крымскотатарском языке. Это, по мнению автора, проливало свет на темные страницы пока еще малоразработанной истории крымскотатарской литературы. Самой ценной находкой была книга Баба Шатх бин Хавадиса 683 г., где приведен эпизод беседы Амир Тимура с Улугбеком [36].

В течение 1928 – начале 1929 г. Я. М. Якуб-Кемаль пытался наладить взаимодействие с другими научными центрами по изучению этнографии Крыма – Государственным дворцом-музеем тюрко-татарской культуры в Бахчисарае и Евпаторийским краеведческим музеем. Об этом свидетельствует его переписка с У. А. Боданинским и Я. Г. Благодарным. Ялтинский краевед предлагает обмениваться экспонатами, которые в одних музеях есть в нескольких экземплярах, а в других – отсутствуют [37].

На самом подъеме плодотворная деятельность Восточного музея была вскоре свернута и полностью прекращена. Я. М. Якуб Кемаль уже в конце марта 1929 г. был уволен с работы. Ему ставили в вину, что «Он хотел там, хотя бы в музее, создать Крымское ханство и показать все его прошлое» [38]. Решение об увольнении выдающегося тюрколога было принято на заседании Ялтинской городской комиссии по чистке 20 марта 1929 г., где вспомнили, что директор Восточного музея имел в своем личном деле характеристику с пометкой «Политически неустойчивый». Мотивированной увольнения стало то, что он был «членом крымского правительства Курултая, как чуждый элемент» [39].

Недолго просуществовал без своего наиболее активного руководителя и сам Восточный музей. По данным документов фонда Главнауки Наркомпроса, отложившимся в Государственном архиве Российской Федерации, 1 января 1930 г. Восточный музей был объединен с Ялтинским музеем краеведения (бывший музей Ялтинского горного клуба). Это объединение получило название Ялтинский объединенный музей краеведения [40]. Экспозицию перепрофилировали, отправив этнографическую часть экспонатов в запасники. В здании бывшего Восточного

ВОСТОЧНЫЙ МУЗЕЙ В ЯЛТЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

музея развернули выставку археологии. Иную направленность уже в 1930 г. получила и экспедиционная деятельность объединенного музея. Главной ее целью было «фотографирование моментов колхозного строительства в селах Мума, Кучук-Ламбат, Биюк-Ламбат, Кизилка, Кизильташ, Карабах» [41]. Восточный музей был закрыт именно в то время, когда информация о его уникальных коллекциях стала известной европейской научной общественности [42].

Несмотря на снятие Я. М. Якуб Кемаля с должности директора Ялтинским объединенным музеем краеведения в 1930 г. было предпринято издание его книги «Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджу-ль-ферадис» [43].

Показательно, что предисловие к изданию написал один из ведущих востоковедов СССР академик А. Н. Самойлович. Он отмечал, что уже давно связан общей работой и дружбой с культурными деятелями из среды крымских татар. Новые находки рукописей научными сотрудниками Восточного музея, по его мнению, является «новым, блестящим доказательством успешного развития научной работы, производимой самими крымскими татарами в разных частях крымской республики» [44]. Ленинградский ученый отметил значение обнаружения очередной копии данной рукописи для изучения культурного прошлого Джучиева улуса (Золотой Орды) и ее крымского ю尔та.

Я. М. Якуб Кемаль поддерживал тесные научные контакты с выдающимся украинским востоковедом А. Е. Крымским. При поддержке А. Е. Крымского на украинский язык была переведена фундаментальная монография ялтинского ориенталиста «Документальна історія цехів в Кримському ханстві». Исследование было написано на основе средневековых документов эпохи Крымского ханства, сохранившихся в турецких архивах. В книге были приведены тексты уставов крымских цехов. В 1931 г. по воспоминаниям академика А. Е. Крымского в передача О. Прицака уже подготовленная к набору книга была уничтожена в издательстве [45]. По данным Я. Р. Дащекевича тираж монографии уже был напечатан. Он был полностью уничтожен прямо в типографии. Не осталось ни одного экземпляра [46]. Я. М. Якуб Кемаль был среди немногих крымских ученых, приглашенных А. Е. Крымским для участия в известном сборнике «Студії з Криму», который вышел как отдельный том «Збірника історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук». Ялтинский ученый опубликовал там статью «Арабські, суфійські рукописи XIII ст. в Криму знайдені: Чи не в Криму написані» [47].

10 июля 1934 г. Я. М. Якуб Кемаль был арестован, а 28 декабря того же года Особым совещанием НКВД СССР был осужден по статье 58-6 Уголовного кодекса РСФСР на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Он отбывал наказание в Прорвинском исправительно-трудовом лагере [48].

В феврале 1938 г. крымский ученый был вновь этапирован в распоряжение НКВД Крымской АССР, где постановлением от 10 апреля 1938 г. ему было предъявлено дополнительное обвинение по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР. На допросе 30 мая 1938 г. он вынужден был дать показания о том, что в 1925 г. в Крыму возникла и в 1926 г. получила окончательное организационное оформление контрреволюционная панисламистская организация «Идель Урала», одним из

У. К. МУСАЕВА

руководителей которой он и являлся. Задачами этой структуры якобы являлось создание единого мусульманского государства путем объединения всех тюркско-татарских народностей СССР, свержение в них Советской власти и установление буржуазно-националистического строя [49].

19 сентября 1938 г. дело по обвинению Я. М. Якуба Кемаля было прекращено в связи со смертью обвиняемого, наступившей 12 сентября 1938 г. «вследствие остановки сердечной деятельности» [50].

Таким образом, созданный в Ялте в 1921 году Восточный музей за 7 лет своего существования превратился в крупный центр по изучению крымскотатарской истории и этнографии. Важнейшую роль в изучении и популяризации этнографии этого этноса сыграли южнобережные экспедиции музея, в ходе которых собиралась коллекция и записывались фольклорные памятники. Однако формирование коллекции в связи со случайным подбором экспонатов не давало целостного впечатления о быте и культуре крымских татар.

Выдающуюся роль в развитии этнографических исследований, формировании фондов внесли руководившие Восточным музеем в различные годы А. Хатипов, И. А. Роджеро, Я. М. Якуб Кемаль. Научное наследие последнего, посвященное изучению письменных источников по истории Крымского ханства стало важным этапом для изучения истории крымских татар.

Репрессии конца 1920-х – начала 1930-х годов, приведшие к свертыванию краеведческого движения в стране, привели к закрытию музея и ликвидации его фондов и архива.

Примечания

1. Урсу Д. П. Востоковедение и востоковеды Крыма (1918-1941) // Востоковедный сборник / Таврический экологический ин-т.– Симферополь, 1997.– Вып. 1.– С. 20-21.
2. Ефимов А. В. Новые материалы к биографии Якуба Кемаля Сент-Мемет-Эфенди // Проблемы межнациональных отношений в XX столетии: Материалы республиканской научно-практической конф.– Симферополь, 1995.– С. 43-46.
3. Ефимов А. В. Новые материалы к биографии Якуба Кемаля Сент-Мемет-Эфенди (1885-1935) // Проблемы политической истории Крыма.– Симферополь, 1996.– Вып. 1.– С. 45.
4. Урсу Д. П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921-1941).– Симферополь, 1999.– С. 31-33.
5. Урсу Д. Якуб Кемаль Якуб Меметович // Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944 гг.): Библиографический словарь.– Симферополь, 1999.– С. 225-226.
6. Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991) / Подг. Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина.– СПб., 2003.– С. 441.
7. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 1008, л. 107.
8. Там же, л. 88-102.
9. Гордлевский В. Рукописи Восточного музея г. Ялты // Доклады Академии наук СССР.– 1927.– № 10.– С. 219-224.
10. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 1008, л. 107.
11. Там же, л. 95 об.
12. Там же, л. 89.
13. Там же, л. 89 об.
14. Там же, л. 91-91 об.
15. Там же, л. 92.

ВОСТОЧНЫЙ МУЗЕЙ В ЯЛТЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

---

16. Там же, л. 97, 100.
17. Д-н А. Этнографические музеи в Крыму // Этнография.– 1926.– № 1/2.– С. 305.
18. Бороздин И. Изучение культур советского Востока // Новый Восток.– 1927.– № 19.– С. LI.
19. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 999, л. 46.
20. Урсу Д. П. Очерки истории культуры...– С. 31.
21. ГАРК, ф. Р-2865, оп. 2, д. 2, л. 4 об.
22. Кырымлы Х. Кырмыттарлар арасында миллий арекет ве миллий аньлылыкъ// Йылдыз.– 1993.– № 2.– С. 35.
23. Урсу Д. П. Очерки истории культуры...– С. 123.
24. ГАРК, ф. Р-4808, оп. 1, д. 010714, т. 3, л. 185, 187, 194.
25. Непомнящий А. А. Страницы из истории изучения крымско-татарского народа в начале XX века // Мечети и мизары татар Беларусь, Литвы и Польши: К 100-летию второй Минской мечети: Материалы VIII международной научно-практической конференции.– Новогрудок, 2003.– С. 108-109.
26. Урсу Д. П. Якуб Кемаль Якуб Меметович // Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944 гг.): Биобиблиографический словарь.– Симферополь, 1999.– С. 225.
27. Якуб Кемаль [Я. М.] Надпись на мечети «Узбека» в Старом Крыму // ИТОИАиЭ.– Симферополь, 1927.– Т. 1.– С. 202-204.
28. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 1008, л. 97, 102.
29. Там же, л. 101.
30. Там же.
31. Там же.
32. ГАРК, ф. Р-663, оп. 2, д. 554, л. 136.
33. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 1008, л. 101.
34. Гордлевский В. Указ. соч.– С. 258-259.
35. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 130, л. 31.
36. [Нові знахідки Східного музею] // Єні дунья.– 1927.– 11 листопада.– Кримськотатарською мовою.
37. ГАРК, ф. Р-138, оп. 1, д. 11, л. 95.
38. Урсу Д. П. Трагедия крымской науки и культуры // Кримські татари: Історія і сучасність: До 50-річчя депортациї кримськотатарського народу: Матеріали міжнародної наукової конференції.– Київ, 1995.– С. 181-182.
39. Урсу Д. П. Очерки истории культуры...– С. 32.
40. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 15, д. 62, л. 22-23.
41. Там же, л. 29, 34.
42. Deny J. [Рецензія] // Journal Asiatique.– 1930.– № 2.– Р. 345.– Рец. на ст.: Гордлевский В. А. Рукописи Восточного музея г. Ялты // Доклады Академии наук СССР.– 1927.– № 10.– С. 219-224.
43. Якуб Кемаль Я. М. Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджу-ль-Ферадис» / Предисл. А. Н. Самойловича; Ялтинский объединенный краеведческий музей.– Симферополь, 1930.– 58 с.
44. Самойлович А. Н. [Предисловие] // Якуб Кемаль Я. М. Тюрко-татарская рукопись XIV века «Нехджу-ль-Ферадис» / Ялтинский объединенный краеведческий музей.– Симферополь, 1930.– С. 3.
45. Пріцак О. Агатангел Кримський // Київська старовина.– 1992.– № 1.– С. 19.
46. Дашкевич Я. Р. Туркские источники об Украине XVI – XVIII вв.: Актуальные аспекты публикаций // Советская тюркология.– 1990.– № 3.– С. 28.
47. Кемаль Я. Арабські, суфійські рукописи XIII ст. в Криму знайдені: чи не в Криму написані // Збірник історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук.– Київ, 1930.– № 89: Студії з Криму, I-IX.– С. 159-164.
48. ГАРК, ф. Р-4808, оп. 1, д. 010714, т. 4, л. 300, 306.
49. Там же, т. 5, л. 41, 42, 276.
50. Там же, л. 290.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 42-48.

УДК: 930.2 (47+477): 94 (430+44) „1949-1969”

Омельченко А.В.

„ЕРА АДЕНАУЕРА – ДЕ ГОЛЛЯ” У ВІТЧИЗНЯНІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ ХХ ст.: ЗМІНА ПАРАДИГМ

Період з 1949 по 1969 рр. є дуже визначним у європейській історії. Це час, коли в Європі починає оформлюватися та система зв'язків між основними суб'єктами міжнародних відносин, яка проіснувала майже до кінця ХХ століття і, з невеликими змінами, перейшла навіть у третє тисячоліття. Європейська система безпеки, що була формально зафіксована за результатами Хельсінкської наради 1975 року, бере свій початок саме з перших повоєнних десятиліть. Вона формувалася на основі домовленостей і розбіжностей між двома основними блоками держав – Східному (або соціалістичному), очолюваному Радянським Союзом, і Західному (капіталістичному), який очолювали Сполучені Штати Америки.

Серед багатьох театрів, де розгорталися основні події „холодної війни”, ключовим, поза всяким сумнівом, була Європа, а одним з основних елементів – Європейське Економічне Співтовариство, що було утворене впродовж 50-х рр. ХХ ст. В період, коли справжні воєнні дії між ворогуючими таборами носили опосередкований і локальний характер (на кшталт війн у Кореї, В'єтнамі чи Афганістані) саме від економіки часто залежала обороноздатність чи то навіть виживання протилежних блоків. Формування ЄС, як взагалі будь-якої більш-менш дієвої європейської структури напряму залежало від взаємопорозуміння двох найбільш впливових держав континентальної Європи – Франції та Німеччини (що на той час була представлена Західною Німеччиною). Безумовно, це, як ніде, розуміли у радянському керівництві, постійно намагаючись, у тому числі і шляхом ідеологічного впливу, внести певний розкол серед цих держав.

У цій статті робиться спроба визначити основні тенденції, за якими у вітчизняній історіографії розглядаються події вказаного періоду, що, на нашу думку, дасть змогу більш чітко окреслити мотиви тих чи інших дій радянського керівництва щодо „Спільногого ринку” взагалі і Франції та ФРН як його лідерів, зокрема. На жаль, ця проблема, через її вузьку специфіку, зовсім не досліджувалася у вітчизняній літературі.

При написанні статті були використані праці, які, на наш погляд, найбільш чітко характеризують ставлення вітчизняних істориків та публіцистів до окремих аспектів у стосунках між Францією та Федеративною Республікою Німеччини у період з 1949 по 1969 рр. Сюди увійшли як публіцистичні творчі, [1; 2; 4; 5; 6; 7; 10; 18; 21], так і монографічна література, що безпосередньо присвячена проблемі франко-західнонімецьких взаємин повоєнного часу [13; 19], чи торкається цієї проблеми, розглядаючи той чи інший аспект зовнішньої чи внутрішньої політики Франції або Західної Німеччини [3; 8; 9; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 20; 22]. Було б доречно особливо відзначити праці А.І. Кудряченка [10], І.А. Манфред, [13], та

„ЕРА АДЕНАУЕРА – ДЕ ГОЛЛЯ” У ВІТЧИЗНЯНІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ ДРУГОЇ ПОЛОВИНИ ХХ СТ.: ЗМІНА ПАРАДИГМ

М.М. Молчанова [15; 16], що містять багато фактичного матеріалу та дозволяють краще зрозуміти акценти, на які автори звертали увагу в різні періоди дослідження цієї проблеми.

Вислів „ера Аденауера – де Голля” має досить умовну ознаку, що обмежує період з 1949 року, коли Конрад Аденауер офіційно очолив новостворену Федеративну Республіку Німеччини, до 1969 року, коли пішов із посади французький президент Шарль де Голль – активний прихильник побудови Європи на основі франко-західнонімецького союзу. Звичайно, ера Аденауера у Німеччині почалася дещо раніше за 1949 р., а ера де Голля у Франції не закінчилася у 1969 р.

Аденауер був досить відомим німецьким політиком ще до початку Другої світової війни, під час його перебування на посаді бургомістра Кельну. На загально німецьку політичну арену Аденауер вийшов після краху гітлерівського режиму, коли Німеччина (а точніше західні союзники) потребували на нову людину, яка не скомпрометувала себе співробітництвом із нацистами і здатна на перехідний період (як багатьом тоді здавалося) очолити країну. Такою „новою” людиною і виявився 69-річний Конрад Аденауер. „Перехідний період” для Німеччини розтягнувся майже на 20 років.

Фігура Шарля де Голля є для Франції такою ж знаковою, якою для Німеччини є фігура Аденауера. І не тільки (і, навіть, не стільки) тому, що де Голль під час війни був голосом всіх вільних французів; а скоріше тому, що й після війни, здійснивши „перехід через пустелю” відставки і політичної самоізоляції, він спромігся міцно зв’язати своє ім’я із такими поняттями як „національні інтереси”, „престиж”, „велич” Франції. Вся нинішня Франція – це Франція де Голля, яку він змінив власноручно, перетворивши її з другорядної держави, якою вона була у перше повоєнне десятиліття, на країну, що постійно претендує на одну одну з головних ролей у міжнародному співтоваристві. І далеко не в останню чергу це відбулося через тісні стосунки з ФРН.

За цими стосунками пильно спостерігали політичні кола і суспільна думка багатьох країн. Адже обидва останні глобальні конфлікти у світі починалися саме з конfrontації цих двох сусідів по Рейну.

В Радянському Союзі для такої уваги існували свої додаткові, не менш вагомі причини. Франція ще з другої половини XIX ст. вважалася основним стратегічним партнером Росії у Європі. Події Другої світової війни, радянсько-французький договір про дружбу, підписаний генералом де Голлем у Москві у грудні 1944 р. (перший договір такого роду після окупації Франції) ще більше стверджували радянських керівників у думці, що Франція є „слабкою ланкою” в імперіалістичній системі західного світу. До того ж, де ще СРСР міг розраховувати на підтримку, як не у Франції, що стала батьківщиною трьох революцій. Де лівий спектр суспільства має вплив більший, ніж у будь-якій іншій країні капіталістичного світу (настільки, що після війни комуністи навіть деякий час перебували в уряді)?

Отож не дивно, що зближення Франції з ФРН, що почалося вже на початку 50-х рр. ХХ ст., дуже стурбувало керівників Радянського Союзу. Ця стурбованість отримала своє яскраве вираження у тогочасній радянській історіографії, яка завжди

ОМЕЛЬЧЕНКО А.В.

коливалася в такт коливанням генеральної лінії партії. За хронологією всю історіографію цієї проблеми можна умовно поділити на три частини.

Перша частина – це радянська історіографія, що відображала ставлення правлячої еліти СРСР до франко-західнонімецьких контактів безпосередньо в період 50-60-х рр. ХХ ст.

Монографії та статті, що були написані в цей час служили одним з політичних інструментів, за допомогою якого радянське керівництво впливало на суспільну думку власного населення і численних прихильників комуністичної ідеї за кордоном. Тому ці роботи містять в собі багато ідеологічного навантаження.

В основному це подавалося у формі звинувачень правлячого режиму Федеративної Республіки Німеччини у реваншистських та мілітаристських намірах. Чого варті лише штампи на кшталт „ФРН – міжнародний хижак” [21, с.3] чи „програма німецького мілітаризму – програма війни” [6]!

Взагалі, треба зазначити, що на долю Західної Німеччини припадає близько 80% критичних зауважень радянської історіографії, присвяченої питанню стосунків Франції та ФРН після Другої світової війни. Основною причиною цього став той факт, що Західна Німеччина, в особі свого канцлера Аденауера, буквально з перших днів свого існування жорстко висловила намір прямувати у фарватері Сполучених Штатів Америки, і у подальшому, не зважаючи ані на які труднощі, дотримувалася цього стратегічного вектору своєї зовнішньої політики. Співробітництво зі Сполученими Штатами і прагнення стати членом НАТО завжди декларувалося як основна мета політики аденауеровського кабінету, що, на думку радянських істориків та публіцистів, несло в собі пряму загрозу для Європи, і особливо – для західного сусіда Німеччини – Франції. „Цілі німецьких монополій та американського імперіалізму були спільними: зламати опір Франції планам відродження німецького імперіалізму та... задумам ремілітаризації Німеччини” [15, с. 199].

Таким чином, Франція в основному зображується як жертва американської політики, спрямованої на ремілітаризацію Західної Німеччини. Провіна за цю ситуацію покладається на французькі монополії, що заради своїх класових інтересів та власної наживи готові пожертвувати національним суверенітетом власної країни. Тому „політика правлячих кіл Четвертої республіки була виключно сприятливою для мілітаристських та реваншистських сил німецького імперіалізму” [16, с. 57].

Ця критика на адресу французьких фінансово-промислових кіл не змінилася і з встановленням на теренах Франції П'ятої республіки, режим якої також асоціювався із „прямою диктатурою французького капіталу” і нещадно критикувався в Радянському Союзі за політику „зближення з Бонном” [16, с. 62].

До речі, як не дивно, самого засновника П'ятої республіки – генерала де Голля – майже ніколи напряму не пов’язували із крупним капіталом. Частіше за все його розглядали як самостійну політичну фігуру, що зайдла у своїх фантазіях про „велич Франції” занадто далеко. „Паризькі політики не дослухалися голосу розуму і всунули свою шию у західнонімецьке ярмо” [7, с. 100], коли погодилися на цей протиприродний союз із західнонімецькими реваншистами” [7, с. 88].

„ЕРА АДЕНАУЕРА – ДЕ ГОЛЛЯ” У ВІТЧИЗНЯНІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ ДРУГОЇ ПОЛОВИНІ ХХ СТ.: ЗМІНА ПАРАДИГМ

Під „протиприродним союзом” малася на увазі Єлисейська угоди, підписана де Голлем та Аденауером у Парижі 22 січня 1963 року, яку радянська пропаганда одразу ж оголосила таким, що представляє „серйозну загрозу Європейському миру, є в руках західнонімецьких мілітаристів та реваншистів засобом шантажу та тиску на своїх союзників з метою отримання ядерної зброї” [10, с.14]

Більшіс того, іноді Західній Німеччині приписували взагалі крамольні речі – про її нібито плани захопити лідерство в західному світі, потіснивши вже не тільки Францію, але й США. Причому зробити це вона мала спочатку в економічній сфері, де вже у середині 60-х рр. ФРН перетворилася на „наймогутнішу економічну державу капіталістичної Європи й другу в капіталістичному світі, випередивши за виплавкою сталі Англію і Францію разом узяті, випередивши їх за виробництвом автомобілів, верстатів, хімічних продуктів, телевізорів, пилососів” [18, с. 8]. За допомогою США Бонн прагнув перетворитися на „ударну силу НАТО” [20, с.18], причому „якщо в Бонні менш за все думають про інтереси Франції, то й інтереси США там цінують настільки, наскільки дії старшого союзника відповідають інтересам самої Західної Німеччини” [7, с. 101].

Тому вже за 6 років після підписання Єлисейської угоди ФРН, за твердженням радянських спостерігачів, починає шукати приводи, аби покінчити „із важкою необхідністю платити лицемірну данину духу „франко-західнонімецького примирення”, що вже давно випарувався” [4, с. 90], і „намагається... поставити ЄС на службу зовнішньої політики Бонна” [2, с. 65].

Але цим лицемірним стосункам існує для Франції вигідна альтернатива – це посилення контактів з СРСР. „Москва і Париж продовжують впевнено прямувати курсом на подальший розвиток співробітництва і взаємопорозуміння...” [1, с. 114].

У 1963 р. з політичної арени пішов Аденауер, а у 1969 р. – де Голь, і це певним чином змінило відношення до їхніх особистостей з боку радянських істориків. Відставка, а потім і смерть цих політичних діячів зробили непотрібною необхідність ліпiti з них образ ворога (це, головним чином, стосувалося, звичайно ж, німецького канцлера). Тому дещо змінюється спосіб викладення подій цієї епохи, хоча в цілому жорстка тональність зберігається.

Починається другий період в історіографії цієї проблеми. Це праці, що були опубліковані впродовж 70-80-х рр. ХХ ст. В цей час помітно намагання авторів якнайбільше дистанціюватися від різного роду ідеологічних оцінок, прагнення уникнути усіляких пропагандистських штампів і кліше. В монографіях цього періоду [3; 9; 10; 13; 14; 19; 22] спостерігається певна перевантаженість фактичного матеріалу і майже повна відсутність авторських оцінок, трактувань тих чи інших подій.

Але і в цей час історичні праці продовжують бути інструментом впливу на суспільну думку населення. В залежності від загального курсу радянського керівництва акценти історичних монографій з проблеми франко-західнонімецьких відносин у 50-60-ти рр. ХХ ст. змішуються від критики монополістичних об'єднань ФРН та Франції, що були заслоном „на шляху соціального прогресу” [9, с. 37] в середині 70-х рр., до характеристики французької оборонної політики як „ядерний

ОМЕЛЬЧЕНКО А.В.

націоналізм” [13, с. 70] в кінці 80-х, коли Радянський Союз, перевантажений гонкою озброєнь, намагався умовити Захід на взаємні скорочення зброї масового ураження.

Втім, і на цьому етапі радянська історіографія вочевидь більше симпатизує французам. Як приклад можна навести той факт, що практично будь-яка монографія, присвячена ФРН містить в собі главу про відносини з Францією, але не всі монографії, що висвітлюють політичний курс Французької республіки, згадують стосунки із Західною Німеччиною як один з найважливіших напрямків французької зовнішньої політики. Можливо, причина такого дисбалансу знаходиться у постійних реверансах французького президента щодо СРСР, що, хоча б формально давало можливість радянським керівникам говорити про розкол у капіталістичний табір. В деяких працях [19] де Голль постає мало не рицарем, що своїм тілом захищає світ від спроб зухвалої західнонімецької москви, підбурюваної своїми американськими господарями, гавкати на миролюбного радянського слона.

В цілому ж, треба відзначити, що питання франко-західнонімецьких стосунків епохи де Голля – Аденауера викликає значно менше уваги з боку істориків, ніж це було у 50-60-ті рр.

Не надто пожвавилося обговорення цієї теми і після краху радянської системи. Праці третього, сучасного періоду [5; 8; 11; 17] відзначаються остаточним відходом авторів від прийомів та методів епохи світового ідеологічного протистояння та класової боротьби, приділенням більшої уваги іншим аспектам зовнішньої політики Франції та ФРН – геополітичним, цивілізаційним тощо.

Так, Єлисейська угода характеризується, перш за все, як „основа інтеграційних процесів у Західній Європі” і як основа політики „примирення” і „зближення” двох країн та їхніх народів [11, с.67].

Щоправда, якщо порівнювати позиції авторів радянського і пострадянського періодів, то в останньому випадку іноді спостерігається певне кидання у противілежні крайності. Якщо радянські історики, всі як один стверджували тезу про „західнонімецьких хижаків”, що зухвало використовували своїх сусідів по Рейну, то, наприклад, у монографії Б.Є. Зарицького „Людвіг Ерхард: секрети економічного дива” [8] спостерігається противілежна тенденція – тепер вже хитрий де Голль „вміло спекулює” на сподіваннях наївних західних німців, очолюваних „франкофілом” Аденауером, який іноді взагалі виглядає як людина не сповна розуму. На думку автора „Франція у ролі головного провідника ідеї німецького возз’єднання – це політичний нонсенс, сюрреалістична фантазія” [8, с.248]. більш справедливою є, на наш погляд, наведена автором цитата, що „франко-німецькі розбіжності (сюди можна додати – і франко-німецьке порозуміння – А.О.) – це не питання персоналій, емоцій і у найменшій мірі питання ідеології, це – питання інтересів” [8, с. 249]. Було б ще краще, якби і історіографія цієї проблеми нарешті остаточно перестала бути питанням емоцій і перейшла у сферу суто прагматичного розгляду.

Таким чином, історіографію франко-західнонімецьких відносин доби Аденауера – де Голля можна поділити на три складові частини:

1. Праці, написані та опубліковані безпосередньо у період з 1949 по 1969 рр. Монографії та статті цього періоду в основному носять характер „на злобу дня” та

„ЕРА АДЕНАУЕРА – ДЕ ГОЛЛЯ” У ВІТЧИЗНЯНІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ ДРУГОЇ ПОЛОВИНІ ХХ СТ.: ЗМІНА ПАРАДИГМ

наближаються скоріше до агітаційно-пропагандистського жанру літератури. В цей час дуже характерними є агресивний тон викладення матеріалу.

2. Праці, що були опубліковані, починаючи у 70-80-х рр. ХХ ст. Спостерігається певна зміна акцентів. Складається враження, що автори іноді намагаються відійти від ідеології за рахунок збільшення фактажу.

3. Монографії та статті сучасного періоду. Помітний повний відхід від ідеологічного аспекту розгляду проблеми.

Приблизно 80% всієї критики у радянській історіографії приходиться на долю Західної Німеччини. Причина – зовнішньополітичний та внутрішньополітичний курс ФРН, який напряму пов’язується з іменем К. Аденауера:

1. Східна політика – відмова від визнання НДР, доктрина Хальштейна;
2. Стосунки з СРСР – Аденаур був послідовним противником поступок радянському блоку;
3. Атлантична політика – повна підтримка США і НАТО;
4. Військова політика – прагнення ремілітаризації, а потім – намагання отримати ядерну зброю (за допомогою США або Франції);
5. Кадрова політика – залучення до управління країною колишніх нацистських чиновників та представників крупних монополій.

Франція подається як жертва змови правлячих кіл США та Західної Німеччини із великими французькими монополіями.

В цілому треба відзначити, що тема висвітлення франко-німецьких взаємин у сучасній вітчизняній історіографії зовсім не розглянута і має неабиякі перспективи для подальшого вивчення.

Література

1. Алексеев А. Хороший старт //Международная жизнь. – 1969. – №2. – С. 114-115.
2. Андреев Д., Маков М. «Шестерка» одиннадцать лет спустя //Международная жизнь. – 1969. – № 1. – С.59-68.
3. Антухина-Московченко В.И. Шарль де Голль и Советский Союз. – М.: Книга, 1990. – 288 с.
4. Беглов Н. Новая «ось» Бонн – Лондон? //Международная жизнь. – 1969. – №6. – С. 85-92.
5. Богословская О.В., Наумова Н.Н. Де Голль и проблемы создания политического союза Европы («планы Фуше» 1961-1962 гг.) //Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 2000. – №6. – С. 82-97.
6. Бонт Ф. Германский милитаризм и Франция. – М.: Иностр. лит-ра, 1961. – 148 с.
7. Жуков Ю. Кому же выгоден союз Парижа с Бонном? //Международная жизнь. – 1963. – №8. – С.88-101.
8. Заріцкий Б.Е. Людвиг Эрхард: секреты экономического чуда. – М.: Бек, 1997. – 298 с.
9. Колосков И.А. Внешняя политика Пятой Республики. – М.: Наука, 1976. – 304 с.
10. Крюков И., Новосельцев Е. Обременительное наследство //Международная жизнь. – 1963. – №12. – С.12-21.
11. Кудряченко А.І. Європейська політика Федеративної Республіки Німеччини (1970-1991 рр.). К.: Наук. Думка, 1996. – 240 с.
12. Маевский Ю.А. Франция и «малая Европа»: планы и реальность. М.: Мысль, 1987. – 292 с.
13. Манжола В.А. Ядерное оружие Франции и вопросы европейской безопасности. – К.: Выща школа, 1898. – 167 с.
14. Манфред И.А. Париж – Бонн. 1958-1968. – М.: Наука, 1970. – 184 с.
15. Молчанов Н.Н. Внешняя политика Франции. 1944-1954. – М.: Госполитиздат, 1959. – 404 с.

ОМЕЛЬЧЕНКО А.В.

---

16. Молчанов Н.Н Внешняя политика Франции (Пятая республика). – М.: Междунар. отношения, 1961. – 120 с.
17. Нарочницкая Е.А. Франция в блоковой системе Европы, 1960-1980-е годы. – М.: Наука, 1993. – 236 с.
18. Раш Г. Куда идет Западная Германия? /Предисл. З. Шейниса. – М.: Прогресс, – 1965. – 141 с.
19. Симычев М.К. Соседи по Рейну вчера и сегодня. – М.: Междунар. отношения, 1988. – 184 с.
20. Софинский Н.Н. Бонн – Вашингтон. – М.: Наука, 1969. – 256 с.
21. Степанов А.И. Внешняя политика и дипломатия ФРГ на современном этапе. – М.: Знание, 1967. – 32 с.
22. Шилов В.С. Политические партии и внешняя политика Франции (1958-1969). – М.: Наука, 1977. – 302 с.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 49-53.

Омельчук Д. В.

«ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ...»
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ
(1941-1942)

В первые месяцы войны, наряду с другими, большой проблемой для властей, как военных, так и гражданских было информирование личного состава армии и населения о положении на фронте. Руководство страны скрывало от граждан правду, видимо, не без основания полагая, что она может деморализовать страну. Введена была жесткая иерархия подачи информации. Сначала она должна была быть в сводках Совинформбюро, а уже затем ее можно было печатать в газетах[1]. Так обеспечивался контроль за сообщениями газет как местными, так и центральными. К. Симонов вспоминает, какие трудности испытывал он как журналист, сообщая о героической борьбе наших воинов на подступах к Крыму, тогда как официально Совинформбюро еще не сообщало о взятии немцами Херсона[2]. Д. Ортенберг, в то время главный редактор «Красной звезды» пишет о существовании специального указания ничего не писать о Киеве и не давать никаких подробностей[3]. Ни слова о трагедии окруженных армий в прессу не попало. Но полностью перекрыть путь реальному положению дел на фронте было невозможно. Информация все равно просачивалась, и, более того, передаваясь из уст в уста, порой обрастала новыми, несуществующими подробностями. Официально из сообщений газет и радио люди слышали одно, а дома, в своем кругу говорили другое. Пресечь такую «пораженную агитацию» были призваны карательные органы. И они старались во всю.

В настоящей статье в качестве источника использованы материалы архивно-следственных дел граждан, осужденных в период обороны Севастополя и реабилитированных в соответствие с Законом Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 года. Иными словами, речь пойдет только о тех, кто был осужден необоснованно. Это необходимо подчеркнуть, так как чекисты, охраняя тыл защитников Севастополя, пресекли деятельность немалого числа лиц, действительно совершивших и готовивших преступные действия в пользу противника. Такие не подлежат реабилитации. Однако перегибы были и здесь. В результате страдали невинные люди.

На момент написания статьи автор располагает сведениями на 126 человек. Это далеко не окончательная информация, поскольку поиск и выявление новых имен продолжается.

Начало Великой Отечественной войны стало временем резкой активизации работы органов НКВД по выявлению врагов народа. Если в предвоенные месяцы в Севастополе арестовывалось по обвинению в антисоветских высказываниях и поступках в среднем 1-2 человека, то с 22 июня и до конца месяца арестовано было 12 человек, в июле – 14, а до конца года еще не менее 45 [4]. Есть все основания полагать, что вскоре после начала войны поступила команда «сверху». Как иначе

ОМЕЛЬЧУК Д. В.

можно объяснить, что 11 из 12 известных нам июньских арестов совершены в один день, а именно 27 июня. Большинство арестованных были осуждены за антисоветскую агитацию и распространение ложных слухов.

Но каждое дело и судьбы проходивших по нему людей отличаются порой существенно. Охранник склада в военном порту, уроженец Киевской области О. Тропотяга, Военным трибуналом был осужден к расстрелу за клевету на вождей и пораженческие взгляды [5]. Перехитрил, мол, Гитлер Сталина, теперь будет с нами то, что с другими в Европе, - так можно резюмировать суть «пораженческих взглядов», за которые лишили человека жизни.

Начало войны привело к мощному всплеску шпиономании, и не только в Севастополе. То, что фашисты забрасывали сотни и тысячи агентов для дезорганизации советского тыла, общеизвестно, но наряду с выявлением настоящих шпионов были и факты, подобные истории со слесарем Главвоенпорта Анатолием Кобзарем. Он был арестован 28 июня 1941 года, а спустя месяц Военным трибуналом НКВД Крыма был приговорен к расстрелу. Признан виновным в том, что, работая на заводе № 201, собирая секретные сведения о продукции и передавал их агенту немецкой разведки Колесниченко, с которым имел связь с 1937 года. Все обвинение было построено на признаниях самого Кобзаря. Иных доказательств не имелось. Колесниченко по делу Кобзаря не допрашивался [6]. Словом, все, как в прежние годы: признание обвиняемого есть основание для осуждения.

Изучение архивно-следственных дел привело к существенному открытию: арестованных старались не держать в Севастополе, а по мере приближения линии фронта к Крыму этапировали в Иркутск. Вместе с эвакуированным населением, ранеными, транспорты вывозили из Севастополя арестованных за настоящие и мнимые преступления. Назвать точное их число не представляется возможным, но из указанного количества впоследствии реабилитированных в Иркутск было вывезено не менее 30 человек, как для отбывания наказания, так и тех, следствие по делу которых еще продолжалось. В документах нет сведений о судьбе тех лиц, которые были приговорены к различным срокам лишения свободы весной 1942 года. Оставлены они были отбывать наказание в осажденном городе или их также вывезли на «большую землю», неизвестно.

Стоит отметить, что перевод в Иркутскую тюрьму не означал сохранение жизни.

Так, например, С. Князев, проживавший до ареста на улице Советской, 48, умер в Иркутской тюрьме 15 апреля 1942 года, пробыв к тому времени в заключении 10 месяцев. Решения по его делу так и не было [7].

Шпиономания приводила порой просто к нелепостям. В числе других 27 июня был арестован учитель естествознания средней школы № 9 г. Севастополя В. Вишняков. Педагог совершенно не подумал, что с началом войны не стоит собирать растения в районе военного аэродрома. Это показалось подозрительным. В этом случае, правда, все закончилось благополучно: 25 августа он был освобожден «за недоказанностью обвинения». Иными словами, хотели «пришить дело», но не смогли. Учитель же почти два месяца провел в камере, пережив не один допрос [8].

«ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ...»
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛИЯ
(1941-1942)

Отметим, что таких дел, которые заканчивались освобождением арестованных людей, в рассматриваемый период было очень и очень мало.

Начало войны требовало изменения и нормативной базы борьбы с врагами народа. К уже существующей печально знаменитой 58 статье Уголовного кодекса РСФСР добавился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». Он появился спустя три дня после выступления по радио И. Сталина, предупредившего, что «враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов», и что с распространителями слухов надо организовывать беспощадную борьбу[9].

Н. Васильковский был осужден к 5 годам лишения свободы. Был признан виновным в том, что скрывал от органов антисоветскую агитацию и враждебное отношение своего брата к Советской власти [10]. По обвинению в проведении контрреволюционной агитации были осуждены: работник конторы связи Г. Горлова – к 8 годам, а домохозяйка А. Попандопуло – к 7 годам лишения свободы. Они клеветали на экономическое положение трудящихся и колхозный строй СССР, восхваляя жизнь в царской России [11]. Стандартное обвинение еще и для довоенных лет. Как показывает изучение этих и многих других аналогичных дел, под такое обвинение подгонялись любые позитивные высказывания о жизни до революции или жалобы на дореволюционную, дефицит товаров, плохое снабжение. И если обе женщины больше ругали существующие порядки, то работник столовой №1 Севастополя А. Муллер по возрасту вполне мог сравнить то время с дореволюционным. В момент ареста ему было 60 лет. Приговор – 8 лет ИТЛ. Особенность дела в том, что осужден он за преступные действия, совершенные на протяжении 1936-1940 годов. Видимо, материал на него имелся давно. По каким причинам его не пускали в производство, неизвестно, а с началом войны такого ненадежного человека необходимо было изолировать от общества, что и было сделано [12].

Нельзя отрицать, что многие слухи, распространяемые особенно в начальный период войны, не способствовали мобилизации населения на борьбу с врагом. В то же время большая их часть отражала объективную реальность, тщательно скрываемую официальными властями. Но факт и то, что военнослужащие, рабочие, домохозяйки, жены бойцов армии и флота, учителя и другие осужденные Военными трибуналами, не были тем врагом, о котором говорил Сталин. Люди всегда были и будут разными, не всем суждено стать героями. Вне сомнения, что далеко не все были в восторге от Советской власти. И тому были основания. Но когда пришел враг, абсолютное большинство граждан страны сплотились для ее защиты. Но при этом они продолжали критически оценивать действия властей за головотяпство, глупости, которых было достаточно, неискренность и двуличие по отношению к себе. Власти же безжалостно карали и за это, и за малейшее проявление слабости. И если в июле 1941 года НКВД так «подчищало» город, арестовывая людей за старые «грехи» по фактам двух – трех летней давности, а порой и больше, как,

ОМЕЛЬЧУК Д. В.

например, Наум Кац, осужденный за то, что с 1926 года систематически проводил антисоветскую агитацию [13], то уже с августа массово стали наказывать за непатриотическое поведение и еще больше за высказывания, сделанные уже в ходе войны. Буфетчика штаба командного пункта Черноморского флота Ирина Морозова, оценивая темпы продвижения немцев вглубь страны, неосторожно заявила, что, мол, скоро так и сюда придут, а механик института им. Сеченова Дмитрий Чернокожин открыто сомневался в правдивости сообщений советской прессы о положении на фронтах. Оба в августе арестованы и приговорены к расстрелу[14]. Отметим, что в действиях Военных трибуналов имелись явные различия в суровости выносимых приговоров за так называемые пораженческие настроения. Более других выносил высшую меру наказания военный трибунал НКВД Крыма. В приговорах военных трибуналов Черноморского флота, Приморской армии, гарнизона г. Севастополя, Севастопольской военно-морской базы и даже Особого совещания НКВД СССР, а также в 1942 году Иркутского областного суда, как правило, ограничивались различными сроками лишения свободы, а то и выносили оправдательные приговоры. Только к осени 1941 года по степени суровости выносимых приговоров картина выравнивается. Остаются только временные отличия. После всплеска арестов июня – июля 1941 года наступает спад, а с началом немцами второго штурма Севастополя количество арестов снова возрастает. Особенностью этой репрессивной волны является многовариантность в судьбах арестованных. Военный трибунал гарнизона г. Севастополя на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года приговорил к тюремному заключению сроком на 5 лет Марию Негрубу. Но, учитывая ее малограмотность, нахождение мужа и сына в рядах Красной Армии трибунал счел определенное ей наказание условным с двухгодичным испытательным сроком [15]. Тот же трибунал приговорил к высшей мере наказания возчика хлебозавода А. Апанасенко за «восхваление фашистского строя и моши немецкой армии» [16].

Наряду с этим встречаются случаи, когда выдвинутые обвинения не находили подтверждение и задержанных отпускали на свободу.

Продолжались аресты и в 1942 году, вплоть до последних дней обороны города. В июле был арестован и осужден к высшей мере наказания красноармеец Сеит Асан Мурат за проведение антисоветской агитации среди военнослужащих и намерение перейти на сторону фашистов [17]. Сержант Михаил Вольнов был признан виновным в распространении «ложных слухов» о беспорядочном отступлении наших войск в мае 1942 года под Керчью. Следствие не установило источник этих «ложных слухов». Приговор: 5 лет тюрьмы, который отсрочили до конца войны, а Вольнова отправили на передовую [18].

Репрессии за недостаток патриотизма и нелояльные по отношению к власти настроения использовались в начале войны как продолжение линии 20-30 годов, когда подобные действия властей использовались как метод социального управления. Репрессии имели целью сплотить общество перед смертельной угрозой, нависшей над советским государством. Ответ на вопрос, насколько такие действия были эффективными, вели ли они к усилению сопротивления фашистской агрессии

«ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ...»
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛИЯ
(1941-1942)

или, напротив, порождали все большее недовольство, давали обратный эффект, особенно в виде коллаборационизма на оккупированных территориях, не так прост. Для ответа на него требуются дальнейшие исследования этой непростой проблемы.

Литература

1. Ортенберг Д.И. Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. – М., МП «Кодекс» Объединенная редакция МВД России, 1995, с.62, 105.
2. Симонов К.М. Разные дни войны: Дневник писателя. Том первый. Собрание сочинений. В 10-ти т. т. 8. М.: Художественная литература. 1979, с.284.
3. Ортенберг Д.И. Указ. Соч. с.60.
4. Здесь и далее полсчеты автора.
5. Архив Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму. Д. 020797.
6. Там же. Д. 021543.
7. Там же. Д. 04527.
8. Там же. Д. 03666.
9. Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 – 1945 г.) Документы и материалы. М., 1970. с. 148 –149.
10. Архив Главного Управления Службы Безопасности Украины в Крыму. Д. 020797. Из материалов дела следует, что брат также был осужден, однако, его дело пока не выявлено.
11. Там же. Д. 03712. Д. 09533.
12. Там же. Д. 03692.
13. Там же. Д. 020374.
14. Там же. Д. 020377. Д.020376.
15. Там же. Д. 05619.
16. Там же. Д. 020971.
17. Там же. Д. 021443.
18. Там же. Д. 020805.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 54-63.

УДК 94 (477.75):338.48

Попов А. Д.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРЫМУ ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИЗМА И ЭКСКУРСИЙ (1930-1936 гг.)

Информация о деятельности Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), существовавшего в 1930-1936 гг., приводится во всех обобщающих трудах по истории отечественного туризма [1, с. 80-105; 2, с. 111-122; 3, с. 50-53]. Однако их авторы характеризуют работу этой организации лишь на основании опубликованных источников, которые, в большинстве своем, увидели свет в 30-е гг. и отличаются откровенной тенденциозностью. Архивные документы, с помощью которых можно было бы создать более объективную картину деятельности ОПТЭ, ими практически не использовались. Причина очевидна – сохранившееся документальное наследие центральных органов ОПТЭ представляет лишь несколько разрозненных дел в одном из фондов Государственного архива Российской Федерации [4, с. 133]. В связи с этим большое значение приобретают фонды структурных подразделений ОПТЭ, сохранившиеся в некоторых местных архивах. Однако и они до сих пор не были использованы, за исключением исследования А. Ю. Давыдова, освещавшего развитие пролетарского туризма в Ленинграде [5]. Ни одна из названных выше работ не содержит сведений о крымском направлении в деятельности ОПТЭ. Специальные исследования по этому вопросу также отсутствуют. Между тем, в Государственном архиве Автономной Республики Крым сохранился довольно обширный фонд Крымского областного совета ОПТЭ (Ф. Р-428), документы которого до сих пор практически не были введены в научный оборот.

Целью данной статьи является попытка анализа количественных и качественных показателей, характеризующих деятельность ОПТЭ на территории Крымской АССР, с использованием всего комплекса сохранившихся источников, в первую очередь архивных материалов. Актуальной представляется постановка следующих исследовательских задач:

- Рассмотреть принципы организации и эволюцию структурных подразделений ОПТЭ в Крыму.
- Охарактеризовать виды проводимой ими туристско-экскурсионной работы.
- На крымском материале выявить достижения и недостатки в деятельности системы ОПТЭ.

ОПТЭ было создано на основании постановления СНК СССР от 8 марта 1930 г. Оно стало первым в истории страны централизованным органом управления туристско-экскурсионным движением общесоюзного уровня. Формально оно являлось массовой, самоуправляющей общественной организацией, объединяющей всех желающих на основе добровольного членства [6, с. 103-105]. Но на практике

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРЫМУ ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИЗМА И ЭКСКУРСИЙ (1930-1936 ГГ.)

ОПТЭ служило лишь «приводным ремнем» для проведения решений партийных и государственных органов СССР, касающихся туристско-экскурсионной сферы.

Организационная структура ОПТЭ была такова: 1) Оргбюро (с апреля 1932 г. – Центральный совет) в г. Москве; 2) Республиканые, краевые и областные советы; 3) Районные и городские советы; 4) Ячейки пролетарских туристов на промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, советских учреждениях и учебных заведениях. Крымское оргбюро ОПТЭ, созданное весной 1930 г., возглавил А. Н. Казановский, ранее занимавший должность Уполномоченного общества «Советский турист» по Крыму [7]. 3-6 марта 1931 г., состоялся Первый Всекрымский съезд ОПТЭ. Его участники заслушали итоговый доклад Оргбюро ОПТЭ в Крыму. После этого они утвердили состав нового руководящего органа – Крымского областного совета ОПТЭ. Пролетарские туристы Крыма на своем съезде так определили основные задачи, стоявшие перед Крымской организацией ОПТЭ: объявить беспощадную борьбу аполитичности и делячеству во всей системе ОПТЭ; максимально развернуть сеть ячеек ОПТЭ на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах; перейти на круглогодичное обслуживание трудящихся путешествиями и экскурсиями, окончательно ликвидировав сезонность в работе; обратить особое внимание на обслуживание самодеятельных туристов; активизировать местную туристско-экскурсионную работу для трудящихся Крымской АССР; провести «чистку» аппарата ОПТЭ с целью выявления классово-чуждых элементов [8, с. 12-14, 16].

Городские и районные советы ОПТЭ создавались в городах и районах СССР при наличии в них не менее 5 ячеек пролетарских туристов. Формально к концу 1931 г. районные оргбюро и райсоветы ОПТЭ были образованы практически во всех городах и сельскохозяйственных районах Крымской АССР. Но жизнеспособными оказались лишь городские советы ОПТЭ в Севастополе, Симферополе, Феодосии и Ялте. В первые годы существования ОПТЭ довольно заметной была деятельность Алуштинской, Бахчисарайской, Евпаторийской и Керченской организаций ОПТЭ, но к середине 30-х гг. в этих городах практически не осталось действующих ячеек пролетарских туристов [9, л. 96; 10, л. 54].

Число членов ОПТЭ в Советском Союзе за годы первой пятилетки заметно возросло. Если в 1930 г. эта организация объединяла 169,5 тыс. пролетарских туристов, то в 1931 г. количество её членов достигло 716,7 тыс. чел., в 1932 г. – 936,7 тыс. чел. [11, с. 433]. Тенденцию к росту имела и членская масса ОПТЭ в Крымской АССР. В 1930 г. она состояла из 4 тыс. чел., в 1931 г. – из 14 тыс. чел., а к декабрю 1932 г. – из 20 тыс. чел. [12]. Таким образом, в крымских ячейках ОПТЭ состояло около 2 % пролетарских туристов СССР. С 1 октября по 1 ноября 1932 г. проводился «месячник» по укреплению Крымской организации ОПТЭ. В его рамках состоялись районные слёты пролетарских туристов и многочисленные агитационные вечера на предприятиях. За месяц были открыты 82 новые ячейки пролетарских туристов, завербовано более 4,7 тыс. новых членов ОПТЭ [13, л. 32-37]. Однако в результате подобных акций возникало большое количество т. н. «бумажных» ячеек, члены которых не платили членские взносы и не принимали

ПОПОВ А. Д.

никакого участия в организационно-массовой и туристско-экскурсионной работе ОПТЭ. В результате регулярно проводимого переучета членов такие ячейки ликвидировались, а число пролетарских туристов уменьшалось. Переучет 1933 г. выявил наличие в Крымской организации ОПТЭ 14 тыс. членов. В 1934 г. их число сократилось до 7 тыс. чел., из которых только 3 тыс. чел. принимало реальное участие в деятельности Общества. Наконец, в 1935 г. на территории Крымской АССР осталось лишь 58 ячеек ОПТЭ, объединяющих 896 пролетарских туристов [14, л. 13, 20; 15, л. 20 об.].

Одной из главных задач, стоявших перед руководством ОПТЭ в центре и на местах, была организация дальних путешествий по стране. В годы первых пятилеток существовали две основные формы туристско-экскурсионных мероприятий подобного рода: плановые путешествия по маршрутам всесоюзного значения и самодеятельные (предпринимавшиеся туристами самостоятельно, без путёвки какой-либо организации) туристские путешествия.

В 1933 г. Центральный совет ОПТЭ (ЦС ОПТЭ) предлагал трудящимся Советского Союза путешествия по 31 плановому маршруту всесоюзного значения. Эти маршруты предполагали посещение Москвы, Ленинграда, Украины, Крыма, Кавказа, Поволжья, Карелии, Алтая и Средней Азии. По территории Крымского полуострова проходило 8 маршрутов (26 % от общего числа), продолжительность которых составляла от 10 до 20 дней при стоимости 115-275 руб. Географически они охватывали Южнобережный, Юго-Западный, Восточный, Центральный и Горный Крым, где существовала достаточно развитая сеть туристских баз ОПТЭ [16, с. 59-78, 103-106]. Число трудящихся СССР, путешествовавших по всесоюзным плановым маршрутам ОПТЭ, не было стабильным. В 1931 г. по ним прошло 43 тыс. туристов, в 1933 г. – 33,9 тыс. туристов, в 1934 г. – 69,9 тыс. туристов, в 1935 г. – 61,2 тыс. туристов [17, л. 56; 18, с. 5-6].

В масштабах всей страны, именно прием участников путешествий всесоюзного значения, осуществлявшийся Крымским областным советом ОПТЭ в первые годы существования Общества, имел наибольшее значение (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Результаты туристско-экскурсионной работы ОПТЭ в 1931 г. [19]

Виды работы	Обслужено туристов и экскурсантов (чел.)		
	Всего по СССР	Всего по Крыму	Доля Крыма в %
Плановые маршруты всесоюзного значения	43000	7519	17,5
Самодеятельные туристские путешествия	200000	15945	8,0
Плановые маршруты местного значения	175000	7777	4,4
Местные экскурсии и походы	2150000	7081	0,3
ВСЕГО	2568000	38322	1,5

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРЫМУ ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИЗМА И ЭКСКУРСИЙ (1930-1936 ГГ.)

В резолюциях Первого Всесоюзного съезда ОПТЭ подчеркивалось, что «самодеятельные путешествия – основной вид туристских путешествий, основная форма пролетарского туризма» [20, с. 11]. Члены ОПТЭ, отправляющиеся в самодеятельные путешествия, имели определенные права и обязанности. Самостоятельно разработав маршрут поездки, они должны были утвердить его в местном совете ОПТЭ, а также получить задание по общественно-полезной работе, которую следовало проводить в пути. Например, при посещении отдаленных поселений туристы должны были организовывать агитационно-пропагандистские вечера для их жителей, разъясняя им текущие задачи социалистического строительства.

Выполнение самодеятельными туристами названных условий позволяло им рассчитывать на содействие со стороны ОПТЭ в совершении путешествия. Отправившись в путь, они могли получить: маршрутный лист, дающий право на обслуживание во всех пунктах приёма туристов, принадлежащих ОПТЭ; необходимое туристское снаряжение (байдарки, велосипеды, лыжи, палатки, рюкзаки) из прокатного фонда ОПТЭ; льготные талоны на удешевленный проезд железнодорожным транспортом; заборные продуктовые книжки, позволяющие в условиях существовавшей в стране карточной системы получать необходимый минимум продуктов питания по всему пути следования [2, с. 116; 21].

В период существования ОПТЭ Крымский полуостров являлся популярным объектом самодеятельных путешествий из других регионов Советского Союза. Так, в 1932 г. его посетило не менее 5 тыс. самодеятельных туристов. Однако, прибыв в Крым, они нередко не могли получить ночлег, питание и экскурсионное обслуживание на турбазах, перегруженных участниками плановых туристских групп [22, с. 6; 23].

Основная нагрузка по обслуживанию прибывающих в Крым плановых и самодеятельных туристов ложилась на существующую здесь сеть туристских баз. В 1931 г. Крымская организация ОПТЭ имела в своем распоряжении 17 турбаз, которые находились на горе Ай-Петри, в Алупке, Алуште, Балаклаве, Бахчисарае, Гурзуфе, Керчи, Кокзах (Соколином), Крымском государственном заповеднике, Отузах (Щебетовке), Севастополе, Симферополе, Судаке, Тавеле (Краснолесье), Феодосии, Форосе и Ялте. Их общая пропускная способность составляла 4708 чел. в день [24, л. 30]. Большинство этих баз было рассчитано на приём туристов лишь в летний период. Известно, например, что в 1932 г. Судакская турбаза ОПТЭ функционировала на протяжении 115 дней (с 23 мая по 16 сентября). При этом уровень её загрузки был крайне неравномерным, и если в июне он составлял примерно 35 чел. в день, то в августе – 103 чел. в день [25].

К 1935 г. ОПТЭ сохранило 12 своих крымских турбаз, способных одновременно принять 2470 туристов. Сокращение числа турбаз и количества мест на них стало следствием более рационального распределения проходивших по Крыму туристских потоков и увеличения продолжительности их работы в течение каждого сезона. Согласно сохранившимся документам, общий объем деятельности

ПОПОВ А. Д.

турбаз Крымской АССР в 1934-1935 гг. составлял около 200 тыс. человеко-дней за год [26, л. 18, 21].

Побывавшие на турбазах ОПТЭ в Крыму туристы нередко жаловались на отсутствие здесь самого необходимого инвентаря, в первую очередь постельного белья и столовой посуды. В 1934 г. газета «Красный Крым» писала о том, что одна из крупнейших на территории СССР Ялтинская турбаза ОПТЭ имеет в своем распоряжении «на 500 туристов ... 15 стаканов» [27]. Чтобы исправить положение СНК Крымской АССР взял под свой контроль подготовку турбаз республики к туристско-рекреационному сезону 1935 г. На турбазах Крыма был осуществлен не только текущий ремонт, но и построено 8 новых банно-прачечных комплексов, 5 спортивплощадок, 2 столовые и 1 танцплощадка, а также проведено озеленение прибазовых территорий. Впервые за более чем десятилетний период существования туристских баз на территории Крымского полуострова все они были полностью обеспечены постельным бельем, о чем говорилось как о большом достижении [26, л. 19].

На протяжении 1930-1931 гг. все турбазы Крыма находились в ведении Крымского оргбюро (а затем – областного совета) ОПТЭ. Однако, в апреле 1932 г. Первый Всесоюзный съезд ОПТЭ принял решение о централизации турбаз, имеющих всесоюзное значение. Несмотря на протесты некоторых руководящих работников Крымского областного совета ОПТЭ было принято постановление о передаче в собственность Центрального совета всех турбаз Крымской АССР, через которые проходили всесоюзные туристские маршруты [28, л. 1-2, 8].

В результате этого решения хозяйственно-финансовая деятельность по туризму и экскурсиям в Крыму оказалась разделена между Крымским областным советом ОПТЭ и Управлением начальника крымских маршрутов ЦС ОПТЭ, которое подчинялось непосредственно центру. В компетенцию Крымского областного совета ОПТЭ теперь входило лишь обслуживание туристско-экскурсионными мероприятиями трудящихся Крыма. Для этой цели в его распоряжении оставались существующие в приморских городах Крымской АССР туристско-экскурсионные бюро, вместе с находившимися в их штате экскурсоводами. Управление начальника крымских маршрутов ЦС ОПТЭ брало на себя весь объем работы по приёму плановых и самодеятельных туристов, прибывающих в Крым из других регионов страны. Ему передавались все турбазы Крыма, через которые проходили плановые туристские маршруты всесоюзного значения [29, л. 25-26, 31-31об., 74-74об., 110-110об.].

После предпринятой реорганизации Крымский областной совет ОПТЭ акцентировал свое внимание на развитии различных видов местной туристско-экскурсионной работы. Так, к лету 1932 г. им самостоятельно было разработано 36 туристских маршрутов местного значения. 23 из них имело общекраеведческий характер, 7 специально предназначалось для знакомства с достижениями сельского хозяйства Крымской АССР, а 6 – для обмена производственным опытом в тяжелой и легкой промышленности республики. Они проходили через те же географические пункты, что и всесоюзные маршруты ЦС ОПТЭ, но отличались меньшей

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРЫМУ ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИЗМА И ЭКСКУРСИЙ (1930-1936 ГГ.)**

продолжительностью, а следовательно и более низкой стоимостью. За 1931-1933 гг. по плановым туристским маршрутам областного значения прошло почти 28 тыс. чел. (см. таблицу 2).

Таблица 2.

**Результаты местной туристско-экскурсионной работы
Крымского областного совета ОПТЭ [30]**

Виды работы	Обслужено туристов и экскурсантов (чел.)					
	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	ВСЕГО
Местные экскурсии и походы	7081	132000	180559	233100	220330	773070
Маршруты областного значения	7777	15812	4300	—	—	27889
Самодеятельные туристские путешествия	—	4650	1030	720	—	6400
Запись на всесоюзные маршруты	505	602	338	225	—	1670
ИТОГО	15363	153064	186227	234045	220330	809029

Для оказания помощи в деле индустриализации, ОПТЭ организовало массовый исследовательский поход пролетарских туристов «За сырьем для станков пятилетки». В его рамках проводилась кампания по поиску произрастающих на территории СССР каучуконосных растений. Один из номеров журнала «На суше и на море» за 1932 г. содержал призыв к направляющимся в Крым самодеятельным туристам и местным активистам ОПТЭ собрать 10 тонн семян крымского одуванчика осеннего (местное название «крым-сагыз») для нужд треста «Крымский каучуконос» [31]. Поиск мест произрастания этой дикорастущей культуры, являющейся потенциальным сырьем для производства натурального каучука, начался в октябре 1932 г. В предварительных разведках, производившихся на территории Юго-Западного Крыма, участвовало 25 туристов-энтузиастов [32, л. 77]. Но в целом на крымской земле, в отличие от менее исследованных, отдаленных районов Советского Союза, поход «За сырьем для станков пятилетки» не получил широкого распространения и не дал ощутимых для народного хозяйства результатов.

Значительное место в деятельности ОПТЭ занимала оборонно-массовая работа. Местные организации ОПТЭ, совместно с Осоавиахимом, регулярно проводили т. н. «военизованные» походы. Их участники посещали места боев времен гражданской войны, встречались с бойцами и командирами Красной Армии, под руководством кадровых офицеров устраивали походные лагеря военного типа, упражнялись в стрельбе, изучали основы маскировки и ориентирования на

ПОПОВ А. Д.

местности. Только за 1932 г. Крымским областным советом ОПТЭ было проведено 10 военизированных походов, в которых приняло участие 2,3 тыс. пролетарских туристов из Керчи, Симферополя и Ялты [33, л. 169].

Пролетарское туристское движение не могло оставаться в стороне от развернувшейся в СССР борьбы за коллективизацию сельского хозяйства. Советы ОПТЭ всех уровней направляли в колхозы и совхозы специальные бригады пролетарских туристов из крупных городов страны. В задачи таких бригад входило непосредственное участие в посевных работах и сборе урожая, ремонт сельскохозяйственной техники, проведение агитационно-пропагандистских мероприятий на селе. Известно, например, что побывавшие на территории Крымской АССР туристы только в 1931 г. отработали на колхозных полях более 11 тыс. трудодней [12].

По договору о централизации турбаз в Крыму определенное число мест на них должно было выделяться для обеспечения местной туристско-экскурсионной работы. Однако на практике эти места использовались ЦС ОПТЭ только для обслуживания туристов, приезжающих из других регионов СССР. Что же касается предполагаемого создания турбаз местного значения, то их открытие в Крыму тормозилось наличием целого ряда организационных и материальных трудностей. Единственным удачным примером работы в этом направлении можно считать создание турбазы выходного дня на р. Альме, открытой в 1933 г. Симферопольским горсоветом ОПТЭ. За год её посетило более 2 тыс. рабочих-ударников Симферополя [34, л. 114-116, 255].

Организацией краеведческих походов и экскурсий занимались районные и городские советы ОПТЭ, турбазы и туристско-экскурсионные бюро. Как видно из таблицы 2, именно этот вид туристско-экскурсионной работы преобладал в деятельности Крымского областного совета ОПТЭ. Туристско-экскурсионные бюро ОПТЭ в Крыму предлагали широкий ассортимент однодневных краеведческих экскурсий. В 1932 г. они действовали в Алупке, Алуште, Гурзуфе, Керчи, Мисхоре, Севастополе, Симферополе и Ялте [33, л. 168]. Однако все они функционировали только во время курортного сезона, когда их услугами пользовались в основном приезжие из других регионов Советского Союза.

Создание ОПТЭ повлекло за собой идеологическую ревизию содержания экскурсионных маршрутов, существовавших в СССР. Несомненный приоритет отдавался посещению индустриальных объектов и историко-революционным экскурсиям. Так, зимой 1932 г. Крымский областной совет ОПТЭ поручил севастопольскому городскому совету Общества срочно разработать экскурсионные маршруты по истории революционного движения и социалистической реконструкции городского хозяйства. Именно эти маршруты должны были стать основными при знакомстве туристов и экскурсантов с Севастополем, а традиционный показ памятников Крымской войны 1854-1855 гг. отошёл на второй план [35]. Экскурсионная деятельность ОПТЭ осуществлялась силами штатных экскурсоводов, привлекаемых к работе, как правило, только на протяжении летнего

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРЫМУ ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИЗМА И ЭКСКУРСИЙ (1930-1936 ГГ.)

периода. Чаще всего для этих целей использовались педагоги, музейные работники, студенты Крымского педагогического института.

К середине 30-х гг. финансовые ресурсы, которые Крымский областной совет ОПТЭ мог направлять на развитие своей туристско-экскурсионной работы, постепенно сокращались. За 1934 г. общий объем поступлений в его бюджет составил 883,4 тыс. руб. В 1935 г. эта сумма сократилась до 722,2 тыс. руб. Из них только 5,3 тыс. (0,7 %) составили членские взносы; 15,2 тыс. руб. (2,1 %) было получено за прокат туристского снаряжения; 299,2 тыс. руб. (41,4 %) поступило от принадлежавших Крым ОПТЭ фотоателье в Севастополе и Ялте; 402,5 тыс. руб. (55,8 %) принесла организация краеведческих экскурсий и походов выходного дня [36, л. 1; 37, л. 75]. Для сравнения отметим, что в 1931 г., когда Крымский областной совет ОПТЭ осуществлял весь объем работы по обслуживанию прибывающих в Крым плановых и самодеятельных туристов, его годовой бюджет составлял более 1 млн. 200 тыс. руб. [24, л. 33].

В 1934-1935 гг. ЦС ОПТЭ совершенно прекратил финансирование деятельности Крымского областного совета ОПТЭ. Кроме того, практически прекратилось методическое обеспечение деятельности областного совета, осуществлявшееся ранее Научно-методическим сектором ЦС ОПТЭ. Организация непродолжительных краеведческих экскурсий стала единственной возможной формой работы для почти полностью лишенного материально-технической базы Крымского областного совета ОПТЭ (см. таблицу 2). В начале 1936 г. руководство облсовета вынуждено было обратиться за помощью к высшим партийным и государственным органам Крымской АССР. Оно просило их оказать влияние на ЦС ОПТЭ с тем, чтобы тот выделил 20-30 тыс. руб. на подготовку экскурсионных кадров Крыма, а также возобновил методическое руководство их работой [38, л. 2-3, 5]. Однако 17 апреля 1936 г. было принято постановление о полной ликвидации ОПТЭ и передачи всей туристско-экскурсионной деятельности в стране профессиональным союзам и физкультурным организациям [39].

В литературе по истории туризма называются различные причины ликвидации ОПТЭ. Советские исследователи традиционно отмечали, что к 1936 г. в практической деятельности ОПТЭ накопился целый ряд серьезных недостатков, тормозящих дальнейшее развитие туристско-экскурсионного дела в СССР [1, с. 105]. В исследованиях, которые появились во время «перестройки» или увидели свет в постсоветский период принято связывать ликвидацию ОПТЭ с изменением общественно-политического климата в СССР. По мнению их авторов, к 1936 г. в стране окончательно сложилась административно-командная система управления, руководители которой с подозрением относились к добровольным обществам, способствовавшим активизации масс и объединявшим сотни тысяч советских граждан. Таким образом, ликвидировав ОПТЭ, сталинские чиновники упрощали себе задачу контроля над туристско-экскурсионной сферой [3, с. 53].

На наш взгляд, ликвидация ОПТЭ стала следствием целого комплекса причин, носивших как объективный, так и субъективный характер. Как видно на примере Крымской организации ОПТЭ, к 1936 г. Общество находилось в состоянии

ПОПОВ А. Д.

глубокого структурного и хозяйственно-финансового кризиса. Те задачи, ради реализации которых создавалось ОПТЭ, в значительной степени утратили свою актуальность. Из добровольного общества ОПТЭ фактически превратилось в хозяйственную организацию, к тому же недостаточно эффективно справлявшуюся с туристско-экскурсионным обслуживанием населения. Его центральные органы заботились, прежде всего, об обслуживании прибывающих в Крым туристских групп из крупных индустриальных центров страны, а не о развитии туризма и экскурсионного дела среди крымчан. В этих условиях была необходима либо кардинальная реорганизация ОПТЭ, либо его полная ликвидация. Таким образом, потенциальная «опасность» ОПТЭ для создателей тоталитарного режима в СССР могла стать существенной, но не единственной причиной прекращения деятельности Общества.

Литература

1. Долженко Г. П. История туризма в дореволюционной России и СССР. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1988. – 190 с.
2. Усыскин Г. С. Очерки истории российского туризма. – СПб.: Герда, 2000. – 224 с.
3. Федорченко В. К., Дьорова Т. А. Історія туризму в Україні. – К.: Вища шк., 2002. – 195 с.
4. Кожекин А., Попов А. Фонды туристско-экскурсионных организаций 1920-1930-х гг. в Государственном архиве Автономной Республики Крым //Студії з архівної справи та документознавства. – К., 2003. – Т. 9. – С. 133-134.
5. Давыдов А. Ю. Деятельность Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) в Ленинграде //Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917-1937 гг.: Сб. ст. – Л.: Наука, 1989. – С. 130-141.
6. Гурвич Л. Очередные задачи туристского движения. – М.-Л.: Физкультура и туризм, 1931. – 109 с.
7. Подробнее о предпосылках создания ОПТЭ и его предшественниках в Крыму см.: Попов А. Д. Крымское направление в деятельности общества «Советский турист» //Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 43. – С. 194-197.
8. Первый Всекрымский съезд ОПТЭ: Резолюции съезда. – Ялта, 1931. – 32 с.
9. Государственный архив при Совете Министров Автономной Республики Крым (ГААРК). – Ф. Р-428. – Оп. 1. – Д. 43. – 249 л.
10. Там же. – Д. 95. – 99 л.
11. Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. – М.: Союзогрпечат, 1934. – 3, XXX, 496, 128 с.
12. Крымский турист. – 1932. – 7 ноября.
13. ГААРК. – Ф. Р-428. – Оп. 1. – Д. 17. – 57 л.
14. Там же. – Д. 123. – 34 л.
15. Там же. – Д. 138. – 22 л.
16. Куда поехать: Справочник для рабочего отпускника. – М.: Физкультура и туризм, 1933. – 126 с.
17. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-9520. – Оп. 1. – Д. 8. – 73 л.
18. Первый этап: Краткий отчет ЦС ОПТЭ. – М.: Физкультура и туризм, 1932. – 23 с.
19. Источники для составления таблицы: ГААРК. – Ф. Р-428. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 120-121; Первый этап: Краткий отчет ЦС ОПТЭ. – М.: Физкультура и туризм, 1932. – С. 5-6.
20. Первый Всесоюзный съезд ОПТЭ: Резолюции. – М.: Физкультура и туризм, 1932. – 32 с.
21. О порядке утверждения маршрутов самодеятельных путешествий //Справочник методработника по летней работе. – [1933]. – № 7. – С. 14-16.
22. Воробьев В. Самодеятельный туризм в работе ОПТЭ //Турист-активист. – 1933. – № 1. – С. 4-8.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КРЫМУ ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИЗМА И ЭКСКУРСИЙ (1930-1936 ГГ.)**

---

23. Тэн В. Без помощи, без внимания самодеятельный туризм в Крыму //Гам же. – 1932. – № 8/9. – С. 21-22.
24. ГААРК. – Ф. Р-428. – Оп. 1. – Д. 23. – 38 л.
25. Альбицкий Н. Судакская база на хозрасчете //Турист-активист. – 1932. – № 11/12. – С. 25.
26. ГААРК. – Ф. Р-652. – Оп. 8. – Д. 131. – 50 л.
27. Красный Крым. – 1934. – 23 августа.
28. ГААРК. – Ф. Р-460. – Оп. 1. – Д. 11170. – 172 л.
29. Там же. – Ф. Р-428. – Оп. 1. – Д. 139. – 117 л.
30. Источники для составления таблицы: ГААРК. – Ф. Р-428. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 120-121; Д. 95. – Л. 54; Д. 123. – Л. 13; Ф. Р-460. – Оп. 1. – Д. 11169. – Л. 169; Ф. Р-652. – Оп. 9. – Д. 194. – Л. 3.
31. Крым-сагыз //На суше и на море. – 1932. – № 33/34. – С. 15.
32. ГААРК. – Ф. Р-428. – Оп. 1. – Д. 80. – 124 л.
33. Там же. – Ф. Р-460. – Оп. 1. – Д. 11169. – 186 л.
34. Там же. – Ф. Р-1917. – Оп. 1. – Д. 7. – 284 л.
35. Баранов Б. Мы хотим видеть революционный Севастополь //На суше и на море. – 1933. – № 2/3. – С. 8-9.
36. ГААРК. – Ф. Р-428. – Оп. 1. – Д. 120. – 48 л.
37. Там же. – Д. 167. – 207 л.
38. Там же. – Ф. Р-652. – Оп. 9. – Д. 194. – 8 л.
39. О ликвидации Всесоюзного общества пролетарского туризма и экскурсий //Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР за 1936 г. – М.: Изд-во НКЮ СССР, 1946. – С. 316.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 64-74.

УДК: 940.5 (477)

Турчина Л. В.

МИКОЛА ХВИЛЬОВИЙ: ШКІЦ ДО СТАНОВЛЕННЯ СВІТОГЛЯДНИХ ОРІЄНТИРІВ

Важливе значення для розкриття і розуміння суспільно-політичної діяльності М.Хвильового мають питання, пов’язані зі становленням його особистості. Він вабить до себе не лише як письменник, а радше як один з найяскравіших представників певного громадського типу українських патріотів, національні почуття яких не суперечили принципові “пролетарського інтернаціоналізму”, які мріяли про Україну як самостійну соціалістичну державу, незалежну від централізаторської політики московського центру. Щоб зрозуміти, на якому ідеологічному ґрунті з’явилися такі переконання, доцільно звернути увагу на умови, в яких відбувалося становлення майбутнього письменника і суспільно-політичного діяча України. Іншими словами, через формування світогляду М.Хвильового можна відстежити один зі шляхів приходу до ідеології націонал-комунізму.

Серед різнопланових досліджень останніх років щодо діяльності та творчості М.Хвильового не з’явилося і досі наукової біографії письменника, хоча саме ця проблема була поставлена на перше місце видавцями закордонного п’ятитомного видання М.Хвильового серед ряду актуальних проблем[1, с.144]. Період дитинства та юнацьких років М.Хвильового до сьогодні залишається найменш дослідженим, що можна пояснити складністю і суперечливістю джерельної бази з даного питання. Традиційно уявлення щодо формування особистості можуть дати автобіографічні матеріали, мемуари близьких і родичів, аналіз загальних настроїв і переконань відповідної доби у суспільстві.

Серед основних документів автобіографічної спадщини М.Хвильового виділяється “Краткая биография члена КП(б)У (апрель, 1919, партбилет №280655) Николая Григорьевича Фитилёва (Литературный псевдоним Микола Хвильовий)”, датована 24 листопада 1924 року і написана на вимогу партійних органів[2]. Її відрізняють лаконічна, офіційно-ділова мова документу, незначні, а може й непотрібні для офіційної автобіографії, подробиці випускаються, йдеться лише про головні події, які викладені у строгій хронологічній послідовності. Для обізнаних з творчим стилем М.Хвильового-письменника складається враження, що документ написаний кимось іншим.

Значно більше значення для аналізу періоду формування особистості М.Хвильового має “Уривок з автобіографії”[3] – невеликі за обсягом спогади, які подають реальну картину життя письменника у дитинстві, в тому числі визначають його ставлення до Бога, стосунки в родині тощо. За формулою спогади більше схожі на художній етюд, ніж на документ, корисний для вивчення життєвого шляху М.Хвильового, але ж йому немає рівних для розуміння світосприймання дитини-підлітка-юнака-М.Хвильового, адже хронологічно спогади обіймають значний період життя письменника – від народження до кінця громадянської війни.

МИКОЛА ХВИЛЬОВИЙ: ШКІЦ ДО СТАНОВЛЕННЯ СВІТОГЛЯДНИХ ОРІЄНТИРІВ

До автобіографічної спадщини відносимо також листи письменника, як особистого характеру, так і офіційні, а також деякі фрагменти сухо літературних творів, які мають безпосереднє відношення до життєвого шляху М.Хвильового¹.

Як правило, значний масив інформації про період формування тієї чи іншої значної особистості можна отримати від близьких, родичів, друзів. Не є виключенням у цьому ряду й і М.Хвильовий. Через обмеженість інформації автобіографічного характеру переважну більшість фактів з раннього періоду життя М.Хвильового маємо від його двоюрідної сестри Л.Смаковської[4, с.7], з періоду першого шлюбу – від рідної сестри першої дружини Д.Гащенко[5], про окремі епізоди дохарківського періоду життя – від знайомих – П.Шигимаги[6], І.Варви, О.Гана[4] та інших.

Окремо від традиційного трактування біографії М. Хвильового постає стаття П.Василевського[7], написана з використанням спогадів людей, особисто знайомих з письменником.

Таким чином можна стверджувати, що на сьогодні існує більш-менш вагома джерельна база для вивчення дохарківського періоду життя письменника. Крім того, значну допомогу отримуємо з вже існуючих досліджень життя та творчості письменника[4; 8-10], які ґрунтуються на тому чи іншому комплексі джерел, але не охоплювали всі відомі на сьогодні через об'єктивні причини.

Отже, народився Микола Хвильовий (справжнє прізвище Фітільов) 1 грудня за старим, а 14 грудня за новим стилем 1893 року в селищі Тростянець Охтирського повіту Харківської губернії (нині Сумська область) у родині вчителя Григорія Олексійовича Фітільова, який нібито походив із збіднілого дворянського роду[4, с.9].

Достеменно відомо, що його мати Єлизавета Іванівна (дівоче прізвище Тарабенко), була дочкою бухгалтера маєтків мільйонера Кеніга, дід її був француз, а баба – українська кріпачка[11, с.399]. На час народження Миколи вона була одружена з Г.Фітільовим. Переважна більшість сучасників і дослідників життя письменника вважають його за батька М.Хвильового. Принаймні і сам М.Хвильовий в своїй біографії члена КП(б)У і в “Уривку з автобіографії” про Г.Фітільова пише як про рідного батька.

Однак, П.Василевський, на підставі спогадів О.Кисельова - далекого родича М.Хвильового за материнською лінією, А.Свашенко - мешканки будинку “Слово”² та письменника-в’язня В.Гжицького, також колишнього мешканця будинку

¹ Щодо останніх, то трактувати їх як автобіографічні доводиться зі значною обережністю. Справа у тому, що у повоєнні роки серед публіцистів та деяких дослідників української діаспори побутувала думка, що такі твори М.Хвильового, як “Я(Романтика)”, “Маті” написані ним за подіями власного життя, з чого випливав недвозначний висновок, що їх автор був членом революційної ЧК, розстріляв власну матір, а з нею і черниця Богодухівського жіночого монастиря. Такі твердження стали у подальшому підґрунтям для безпідставних звинувачень М.Хвильового у співробітництві з органами НКВС тощо.

² Будинок “Слово” існував у Харкові з 20-х років, він був побудований за радянських часів з метою надати письменникам житло. У ньому отримав квартиру М.Хвильовий з родиною, тут мешкали багато його друзів – М.Куліш, І.Дніпровський та інші. У середині 30-х років, коли значна кількість мешканців були репресовані, його у народі стали називати “Крематорій”.

ТУРЧИНА Л. В.

“Слово”, стверджує, що батьком М.Хвильового був заможний селянин з колишніх козаків з-під Охтирки Дмитро Дорош. Він вважає, що мати майбутнього письменника певного часу “согрішила” з Д.Дорошем. Автор статті впевнений, що М.Хвильовий з юнацьких років знов таємницю свого народження та особу батька. Однак, спілкуючись постійно з Д.Дорошем, він не розголошував цю таємницю, зберігаючи честь матері та не “підставляючи під удар” пізніше свою репутацію через “куркульство” Д.Дороша[7]. Непрямими підтвердженнями версії П.Василевського є свідчення О.Кобця, який оповідає чутки, що ходили на початку 20-х років в Києві про М.Хвильового, він згадує, що М.Хвильового називали незаконнонародженим[12, с.153]; а також згадка про якогось “медіума” Дороша В.Винниченком в нотатках про самогубство М.Хвильового[13, с.217].

П.Василевський наводить іронічно-жартівливу строфу, яка належала перу М.Хвильового і була написана на початку 20-х років для підтвердження своєї версії:

“Я – не фітель,
бо не звідтель...
І моя мати не така,
Тому-то й син я козака...”[7].

Важко погодитися остаточно з цією версією. Подібні факти біографії навряд чи деінде підтвердженні документально, очевидно жодного з сучасників тих подій вже немає в живих. І, якщо навіть прийняти версію П.Василевського за основну, все одно слід брати до уваги, що дитячі роки М.Хвильовий провів таки поряд з Г.Фітільовим і, очевидно, вважав його деякий час за рідного батька.

Г.Фітільов прийшов учительювати у Тростянець після того, як наприкінці 80-х років XIX ст. його виключили з Харківського університету за народницьку діяльність[4, с.9-10]. Це була людина своєрідних запитів і звичок, яка мала бажання прищепити і Миколі любов до народництва. Певною мірою йому це вдалося: за власним висловом М.Хвильового, “од народницького душка я й досі ніяк не одкараскаюсь”[14, с.840]. Письменник вважав, що Г.Фітільов мало уваги приділяв дітям, яких у родині було п’ятеро – два сини і три доньки, оскільки жоден з них не отримав традиційно потрібної освіти, враховуючи соціальне становище батька[2, с.830].

Очевидним є той факт, що майбутній український письменник і громадський діяч перші роки свого життя виховувався у російській (або зросійщений) родині. Хто ж тоді прищепив йому любов до України та її мови? Виявляється, це була бабуся (ймовірно йдеться про матір Єлизавети Тарасенко), яка говорила українською мовою, а в глухі слобожанські вечори розповідала маленькому Миколі про домовиків, лісовиків тощо. Від бабусі письменник навчився говорити українською[14, с.840]. Отже, можна припустити, що родина Тарасенків була підґрунттям, з якого почала формуватися національна свідомість М.Хвильового.

З автобіографічного джерела довідуємося, що родинне життя маленького Миколи не було щасливим. Між Г.Фітільовим та його дружиною не завжди існувала згода. Більше того, Микола – найстарший у родині з дітей – був єдиним заступником матері, коли батько нерідко приходив додому напідпитку запівніч і

МИКОЛА ХВИЛЬОВИЙ: ШКІЦ ДО СТАНОВЛЕННЯ СВІТОГЛЯДНИХ ОРІЄНТИРІВ

починав тягати маті за волосся. “Очевидно, саме з цих років, життя і почало з мене виховувати атеїста”, - писав М.Хвильовий. Справа в тому, що він просив Бога захистити матір від побоїв Г.Фітільова:

“ – Боженьку, - мовчки молюся я, - куди ж ти дивишся?

Але пустельно було навкруги, і відповіді я не чув”[3, с.106].

В решті-решт родинне життя Фітільових не склалося, у 1904 році вони розлучилися[15, с.148]. П.Василевський твердить, що саме народження Миколи призвело до розриву, незважаючи на те, що крім Миколи, Г.Фітільов разом з дружиною мали четверо спільних дітей[7].

Після розлучення Г.Фітільов продовжував вчителювати. Певний час, коли М.Хвильовий навчався і працював у Красному Куті, він мав можливість з ним спілкуватися. Напередодні Першої світової війни Г.Фітільова розбив параліч, він мешкав окремо від родини в с.Котельві, подальша його доля невідома.

Єлизавета Іванівна переїхала разом з дітьми на хутір Зубівку до маєтку своєї рідної сестри, одруженеї з поміщиком М.Смаковським, де перебувала близько двох років. Згодом знайшла роботу у церковно-приходській школі села Чернеччини на Богодухівщині, а пізніше – у народній школі на хуторі Дем’янівка, недалеко від Диканьки. Тут вона жила до того часу, коли Микола, її старший син, став відомим письменником.

Микола ж залишився після переїзду матері в родині Смаковських. Можна припустити, що у такий спосіб родичі намагалися допомогти матеріально його матері. Завдяки ним він вчився у Колонтаєвській початковій школі та у вищій початковій школі містечка Красний Кут, це були єдині навчальні заклади, які закінчив М.Хвильовий.

Значну роль у формуванні національного світогляду М.Хвильового відіграв викладач російської мови та літератури краснокутської вищої початкової школи А.Кривохатський. Свідомий українець, він на своїх уроках з історії російської літератури не промінав жодного випадку, на якому б можна було показати учням утиски, яких завдавала Росія Україні через переслідування української культури. Крім того, українські симпатії підтримували в душі юнака “українофіл” – учитель колонтаєвської школи О.Селівановський та його другина[4, с.11-14].

Майбутній письменник так і не здобув ґрунтовної освіти. Усі наступні намагання дати хлопцеві гімназичну освіту не мали успіху. Перша невдала спроба здобуття атестату була пов’язана з Охтирською гімназією. Згадка про неї у “Краткій біографії” з’являється в зв’язку бажанням М.Хвильового довести до відома партійної трійки, на вимогу якої було написано документ, свою ще “дитячу революційність”. Він констатує, що навчання у гімназії було припинено у зв’язку з його участю у так званому українському революційному гуртку. Г.Фітільову було запропоновано відвести сина на квартиру до місцевого жандарма[2, с.830]. О.Ган наводить більш детальну картину “революційної діяльності”. М.Хвильовий, за його словами, десь діставав заборонену літературу, проводив політичну пропаганду серед зубівських селян та наймитів, підтримував зв’язок зі студентом-революціонером з сусідньої Костянтинівської цукроварні. Після цього М.Хвильовий

ТУРЧИНА Л. В.

вступив до п'ятого класу Богодухівської гімназії, куди його віддав М.Смаковський, але й тут йому не поталанило. Живучи в місті, М.Хвильовий мав серед друзів соціалістів-революціонерів. Директор та інспектор провінційної гімназії мали через нього неприємності з богодухівською поліцією. Впливовість М.Смаковського у місцевих владних колах деякий час рятувала його небожа від великих прикорстей. Однак через те, що юнак не вгамовувався й, крім того, зневажав керівництво, це не могло довго тривати. Керівництво навчального закладу порадило М.Смаковському взяти небожа з гімназії і тримати його під своїм наглядом.

Жодних переконливих документальних свідчень стосовно вказаних фактів О.Ган не подає. Але даний перебіг подій логічний і відповідає обставинам того часу. Саме у 1910-1914 роках революційна боротьба проти російського самодержавства активізувалася, вона охопила не тільки студентські, а й шкільні кола. На порядок денний українські політичні партії знову висували питання про впровадження української мови до шкільного навчального процесу, введення української мови та української літератури як окремих предметів. Зухвалство М.Хвильового щодо керівництва гімназії теж не було абстрактним бунтом невдоволеного юнака. Л.Смаковська свідчить, що перед гімназією Микола читав їй багато поезій Т.Шевченка та інших українських поетів, причому рекламиував напам'ять доброю українською мовою. Враховуючи це, є підстави вважати, що М.Хвильовий прийшов до гімназії з цілком сформованими національними симпатіями. У гімназіях же на той час панувала офіційна російщина і сурова дисципліна. Цілком природно, що волелюбний, гордий характер юнака з виразними проявами національної свідомості не міг не збунтуватися. І це насправді могло бути головною причиною його звільнення з гімназії.

Невдачі з навчанням змусили хлопця шукати роботи, щоб самому заробляти на життя. Як вважає О.Ган, М.Хвильовий у цей час влаштувався писарчуком до канцелярії М.Смаковського, у 1914-1915 роках він працював слюсарем у Краснокутській ремісничій школі, однак ніде не залишався надовго[4, с.15-16].

Наступні роки життя письменника включно до 1921 року важко хронологічно відслідкувати, оскільки джерела стосовно даного періоду носять суперечливий характер. Так, автобіографічні документи описують “мандри” письменника Україною, які перериваються війною, службу у царській армії, участь у революційних подіях та громадянській війні. Цей час свого життя М.Хвильовий практично не пов’язує з рідними місцями. На відміну від нього, переважна більшість спогадів вказує на те, що здебільшого у цей час він перебував у Богодухові та Рублівці. На нашу думку, слід більше довіряти знайомим М.Хвильового, ніж йому самому, оскільки автобіографії мали за мету довести тривалість революційних настроїв та вчинків М.Хвильового, перевірити які за тодішніх обставин було практично неможливо, що могло підштовхнути автора, якщо не до брехні, то принаймні до перебільшень.

Отже, як пише М.Хвильовий, напередодні війни він працював чорноробом, вантажником тощо; проводив агітаційну роботу серед робітників, і така ситуація тривала до оголошення війни. При цьому слід вказати на різні аспекти, які

МИКОЛА ХВИЛЬОВИЙ: ШКІЦ ДО СТАНОВЛЕННЯ СВІТОГЛЯДНИХ ОРІЄНТИРІВ

висвітлюють два документи: офіційний – наголошує на ідейних засадах агітаційної роботи; літературно-художній – містить спогади про скрутне матеріальне становище молодого голодного “мандрівника”. Очевидно, саме в цей час сільський хлопчина вперше замислюється над своїм ідейним багажем, який він успадкував від народника Г.Фітільова; він звертає свою увагу на пролетаріат, вступає до його лав, щоб продовжувати агітаційну роботу, однак несподівано губиться у “тисячному потоці рабочих”. Не звиклий до такого ставлення до себе, М.Хвильовий кидас роботу на Дружківському заводі і мандрює до Таганрогу, де влаштовується працювати вантажником, потім підвізником коксу, однак в жодному з місць він не затримувався надовго, оскільки його не влаштовувала експлуатація праці, він почував себе одинаком і хотілося повернутися назад до “босяцької вольності”. Ідейну сутність цього періоду життя М.Хвильовий пов’язує з інтуїтивним анархізмом, відзначаючи, що на той час із засадами анархізму був знайомий лише за однією брошурою М.Бакуніна. Зі свого боку відзначимо, що, очевидно, даний інтуїтивний анархізм більше ґрунтувався на залишках юнацького максималізму та прагненні свободи, а не на поглядах М.Бакуніна. В “Уривку з автобіографії” автор зізнається, що благославляє ці роки свого життя, настільки вони були безпечно щасливими. “Тільки одна темна пляма стоїть у них” – згадка про голодування[2, с.831; 3, с.106-107].

Пізніше деякі біографи, як вітчизняні [1, с.144], так й іноземні[16], дізвавшися про обставини цього періоду життя письменника, виводили його соціальне становище з робітничої маси, натомість партійне керівництво звинувачувало М.Хвильового та його оточення у тому, що вони навмисно, “для підвищення авторитету Хвильового постили “утку” про його робітниче походження[17]. Очевидно, що така ситуація виникла через недостатню поінформованість біографів письменника і без його участі. Літератор завжди ніяковів, коли його називали робітником, бо вважав, що люди можуть подумати, що він у такий спосіб намагається здобути собі “чин”. З цих років “заводського у мене залишилось: - писав М.Хвильовий, - пролетарська (непоказательна) фізіономія, матеріальне становище і дух протесту”[14, с.840-841].

Значні розбіжності зустрічаємо у документах щодо участі М.Хвильового у Першій світовій війні. Він пише, що опинився в армії на початку 1915 року, до такого схиляється і О.Ган. Однак, П.Шигимага твердить, що познайомився з М.Хвильовим восени 1915 року, коли той мешкав у матері в с.Дем’янівка. Взимку 1915-1916 років майбутній письменник брав активну участь у драматичному гуртку сусідньої Рублівки і вже в цей час виявляв “глибоку національну свідомість”[6, с.113-114]. Чим конкретно займався М.Хвильовий протягом вказаного періоду П.Шигимага не згадує. Однак, як знаємо зі свідчень самого М.Хвильового, підтвердженіх Л.Смаковською, після виключення з гімназії він займався самоосвітою. Крім загального читання художніх творів, Микола вивчав французьку мову і студіював гімназичні підручники. Є підстави думати, що він хотів отримати атестат зрілості екстерном. У ті часи цей спосіб осягнути середню освіту для дітей бідних верств населення був дуже популярним. Так закінчили гімназію майбутні

ТУРЧИНА Л. В.

близькі друзі письменника М.Куліш, І.Дніпровський, О.Досвітній. Навесні 1916 року це питання мало стати актуальним і для М.Хвильового, бо в цей час було скасовано закон, згідно з яким старшого сина багатодітних батьків не мобілізували. Отже, М.Хвильовий мав йти до армії, а середня освіта давала б йому певні привілеї. Нам невідомо, чи була зроблена спроба скласти іспити, чи щось завадило юнакові зробити цей крок, однак він так і не отримав атестату. Непрямим підтвердженням заняття хлопця самоосвітою є і той факт, що не здобувши гімназичного атестату, його сучасники, доволі освічені люди, науковці, зокрема професор М.Зеров, поважали М.Хвильового за глибокі знання й освіченість[18, с.207].

П. Шигимага подає згадку про перші твори М.Хвильового. Він стверджує, що читав їх йому М.Хвильовий в липні 1916 року в Богодухові, куди переїхав навесні цього ж року. Перші твори М.Хвильового було прозові, написані українською мовою, мали вигляд подорожніх нотаток[6, с.114]. Свідчення П.Шигимаги спростовує твердження про те, що починав М.Хвильовий як поет. Згідно з хронологією О.Гана, читання творів відбулося ще до 1915 року, правда, автор не вказує на їх форму[4, с.17].

На думку П.Шигимаги, М.Хвильовий був добровільно мобілізований до армії (з цим фактом погоджуються всі автори) тільки восени 1916 року: “йшов Микола в армію з моєї хати. Ми з Маликом провели його (...), моя мама дала йому на дорогу харчів”. Сам М.Хвильовий вказує, що потрапив до Ващенківських казарм м.Харкова, натомість П.Шигимага доводить, що наприкінці 1916 року письменник перебував “ще на вишколі в м.Чугуєві і присилав нам звідти листи”. Цей факт підтверджує і О.Ган, який пише, що М.Хвильовий потрапив до 7 роти тридцятого запасного полку в Чугуєві[2, с.832; 3, с.107; 4, с.17; 6, с.115].

Про фронтовий період життя М.Хвильового маємо відомості, на жаль, тільки з автобіографічних джерел. Знаємо, що спочатку він був рядовим піхотинцем 325-го Царевського полку, що займав позиції у Волинських болотах. “Бої, походы, вши, лямка пехотинца” – все це він витримав фізично, однак для його морального становища цей час став страшною кризою – “період полного духовного упадку”. Правдоподібно, що у значних військових подіях М.Хвильовий не встиг взяти участь, бо взимку 1916-1917 років відбувалася вже позиційна війна. Однак, він спостерігав і брав активну участь у солдатському революційному русі, став свідком тієї доби, коли мільйонна солдатська маса перебувала у стані невизначеності і хаосу. Відірваний від свого українського оточення, він швидко потрапив під вплив пітерського робітника-більшовика, який агітував проти війни. За висловом письменника, саме фронт зробив з нього більшовика[2, с.832; 3, с.107]. Можемо припустити, що саме політична незрілість, ізольованість від традиційного оточення і наполегливість більшовицького агітатора створили сприятливі умови для прийняття молодою людиною певних ідеологічних зasad більшовизму. Про те, що М.Хвильовий не став фанатичним прихильником цих ідей свідчить наступний факт біографії. Початок 1917 року застав М.Хвильового у Румунії. На той час він вже здобув собі популярності серед солдат “революційною пропагандою за війну проти свого тилу і за кінець війни проти німців і інших ворогів вроді галичан чи то

МИКОЛА ХВИЛЬОВИЙ: ШКІЦ ДО СТАНОВЛЕННЯ СВІТОГЛЯДНИХ ОРІЄНТИРІВ

буковинців". М.Хвильового було обрано членом полкової ради солдатських депутатів, а невдовзі після цього і депутатом на армійський з'їзд 9-ї армії генерала Личицького, де він уперше зустрівся з армійською українською радою (Роман, Румунія). Знайомство з поглядами членів цієї ради на війну, політичну ситуацію тощо виявило необґрунтованість більшовицьких ідей М.Хвильового. Надзвичайний вплив справила на нього незнайома до цього часу національна політична ідея. Письменник не згадує, які суперечливі думки не давали йому у той час спокою, але він здійснює вчинок, що лишається показовим для всього його подальшого життя. На з'їзді він пришпилює на груди два банти: червоний і жовто-блакитний. З поверненням до своєї частини у М.Хвильового з'явилися певні міркування щодо "вольностей" України, що призвело до виникнення суперечок з пітерським робітником.

Очевидним є факт, що на цій стадії революційних подій юнак був одурманений більшовицькою пропагандою про право націй на самовизначення та тимчасовим союзом більшовиків з українськими партіями, які домагалися автономії України. Крім того, не усвідомивши принципу демократичного централізму, М.Хвильовий розумів тоді більшовизм як децентралізовану владу рад. Отже, остаточно не розібравшись, що йому близьче, письменник залишив відкритим питання, до якого з політичних таборів на цей час примкнути. Він намагається поєднати у своєму світогляді дві несумісні ідеологічні позиції: більшовицьку комуністичну ідею та український національний дух, вважаючи себе українським більшовиком[2, с.832; 3, с.107].

Демобілізувався М.Хвильовий у другій половині 1917 року і відразу повернувся додому, на Богодухівщину. За словами О.Гана, який у 1917-1919 роках був свідком діяльності М.Хвильового, з армії останній повернувся з цілком сформованим українським національним світоглядом. У Богодухові М.Хвильовий влаштувався працювати при раді робітничих, селянських та солдатських депутатів, у відділ освіти, де керував позашкільною ланкою. У цей час, коли український рух отримав потужний революційний імпульс, М.Хвильовий не залишається осторонь. Незважаючи на те, що у 1925-1927 роках письменник звинувачував "Просвіту" у всіх існуючих гріхах, у 1917 році він очолював Рублівську "Просвіту". За словами того ж О.Гана, Рублівка 1917-1918 років зазнала "культурного ренесансу" завдяки ентузіазму М.Хвильового. Його запал і настрої передавалися і байдужим до національної справи людям. Разом з колом однодумців він влаштовував українські вистави, концерти. У дуеті з К.Гащенко, своєю майбутньою дружиною, виконував романси "Де ти бродиш, моя доле" та "Коли розлучаються двоє", які були на той час популярні[4, с.19-20].

Слід відзначити, що революційні події в Україні стали часом перевірки М.Хвильовим своїх світоглядних орієнтирів, ми не можемо говорити про витриманість ідеологічних поглядів письменника у цей час. Так, правдоподібно, взимку 1918 року до Дем'янівки приїхав молодший брат М.Хвильового – Олександр, член РКП(б), який працював в одній з московських кузень. Очевидно, що на письменника справили враження розповіді брата про московське повстання

ТУРЧИНА Л. В.

проти юнкерів, в якому брав участь О.Фітільов. На цей же час припадає пропозиція А.Заливчого, одного з фундаторів партії боротьбистів, М.Хвильовому вступити до якоїсь політичної партії, тобто визначитися з політичними поглядами. За словами письменника, в його голові була повна “неразбериха”, і він залишився позапартійним, але не відмовився від політичної роботи серед народної маси[2, с.833].

Ідейно-політична невизначеність М.Хвильового протягом 1918 року найкраще підтверджується його непослідовними діями. Навесні 1918 року, з приходом німців, він деякий час працював канцеляристом в одній з богодухівських установ. Згодом подався до Харкова, де працював вантажником, потім двірником, санітаром, канцеляристом. Це тривало ймовірно до середини 1918 року, коли М.Хвильовий повернувся до Рублівки. С.Кітт пригадує, що у 1918 році в хаті його батьків часто збиралася молодь, яка дискутувала на політичні теми. Серед багатьох присутніх був і М.Хвильовий, який висловлював дуже ліві погляди, що не подобалося господарям[6, с.115; 19, с.124-125]. Не задовольнившись політичними дебатами, М.Хвильовий поїхав до с.Мурафа (Богодухівський повіт), де під час гетьманату було утворено повстанський загін, до якого він і приєднався. На думку О.Гана, цей загін створили ревні прихильники Центральної Ради і він боровся за незалежність України[4, с.26-27].

Однак восени 1918 року, коли почалося повстання С.Петлюри проти гетьмана, М.Хвильовий разом з братом Олександром організовує повстанський загін в с.Козіївці. Загін вів бойові дії проти гетьманських і петлюрівських військ і ставив за мету підняти повстання в Богодухові. На одному із засідань повстанського комітету М.Хвильового з товаришами взяли у полон козаки куреня ім.Гонти. Петлюрівці хотіли розстріляти “комітетчиків”, але в цей час один із загонів М.Хвильового повернувся до Рублівки, між ними та петлюрівцями зав’язалася перестрілка, завдяки якій М.Хвильовому вдалося втекти та приєднатися до загону, а його товаришів невдовзі розстріляли. Коли було оголошено про утворення Директорії – виконавчого органу Української Народної Республіки, загін М.Хвильового, вірогідно, підтримав нову владу. Однак невдовзі розпочався наступ радянських військ зі сходу. Як згадує І.Варва, М.Хвильовий перебував у стані непевності та відчаю. Чи міг свідомий більшовик жалкувати з приводу приходу на його землю влади рад? Здається, що ні. Тим більше, що загін М.Хвильового відійшов на захід до Опішні (Полтавська обл.) подалі від радянських військ[4, с.26-27; 2, с.834; 3, с.107].

Невдовзі М.Хвильовий повертається додому. Очевидно, що письменник не може розібратися з думками, він зневірюється в українському політичному русі, який так і не став організованим, щоб протистояти ворожим силам; відходить від політичних справ. Десь узимку 1918/1919 року М.Хвильовий бере цивільний шлюб з К.Гашенко, і вони разом виїжджають до Сум. За короткий час знову повертаються до Богодухова, де вже було встановлено радянську владу. Здається, що М.Хвильовому нічого більше не лишалося, як її визнати. Він стає членом райвиконкому у Рублівці, відповідаючи за культурно-освітню роботу[19, с.125].

МИКОЛА ХВИЛЬОВИЙ: ШКІЦ ДО СТАНОВЛЕННЯ СВІТОГЛЯДНИХ ОРІЄНТИРІВ

Очевидно, що на цей час припадає вступ М.Хвильового до лав КП(б)У, як зазначено у “Краткой биографии” – квітень 1919 року. Візьмемо до уваги політичні обставини того моменту: всі заходи Директорії, націлені на завоювання влади в Україні, зазнали поразки; з півдня починають форсуваний наступ війська генерала А.Денікіна; радянська влада, яка встановилася в регіоні, не утискає права українців, заохочує їх до співпраці. Крім того, М.Хвильовому на цей час вже виповнилося 25 років, він є достатньо відомою і популярною особою у своїй місцевості, йому вже не раз пропонували приєднатися до того чи іншого політичного табору, й письменникові здається, що настив момент обирати, з ким йти далі.

Таким чином, народився і виховувався майбутній письменник у зросійщеному середовищі. Атмосфера, яка оточувала дитину у батьківській оселі позначилася на характері М.Хвильового і на його подальших діях непослідовністю вчинків, суперечливістю ідеологічних орієнтирів. У дитячі роки любов до України пробудила у ньому його бабуся по материнській лінії. З часом, оселившись в родині Смаковських, юнак потрапив до українського інтелігентного середовища, яке спонукало його до читання творів українських авторів. Позитивним досвідом у невдалих спробах отримати атестат зрілості у гімназіях можна вважати формування зачатків української свідомості М.Хвильового.

Виходячи з цього, М.Хвильовий належав до тієї верстви населення, яка ще до революційних подій 1917 року виразно виявляла свої українські симпатії. Однак, неврівноваженість політичних уподобань, невизначеність власної політичної платформи привели до намагань поєднати у своїй свідомості національні погляди з більшовицькою соціальною програмою. Події ж 1917-1919 років – невизначеність українських партій щодо своєї політичної програми, їх неспроможність керувати масовим національним рухом і зберегти владу, а також активна більшовицька пропаганда, підтримана організованими військовими угрупованнями, популістське гасло про право нації на самовизначення - привели М.Хвильового, як і багатьох інших свідомих українців, до лав КП(б)У. Щодо подвигів письменника під час Першої світової війни, революції та громадянської війни, то, здається, що він назагал, за своїм внутрішнім покликанням, не був військовою вдачі і займався цим швидше з вимог часу, ніж за власним бажанням. Так само не проводив він й активної політичної роботи. Як згадують очевидці подій, М.Хвильовий ніколи не виступав на мітингах чи на зборах, хоч і став членом КП(б)У, відверто не виголошував своїх думок, не здійснював якоїсь визначної ідеологічної роботи. Його цілком влаштовувала скромна посада керівника позашкільної мережі освіти, яка давала змогу спостерігати, трансформувати й описувати навколоішнє життя.

Щодо тих фактів, які М.Хвильовий наводить у своїх автобіографічних творах і які суперечать свідченням очевидців подій, то, здається, що він свідомо припускає перебільшені та похибок, щоб висловити свою прихильність до режиму і правлячої партії. Ймовірно, час написання (1924 рік) був тим періодом у житті письменника, коли він не збирався “гайнутьти проти течії”, а намагався спокійно облаштувати своє життя. Очевидно, що через це ми не можемо повністю довіряти зазначенім документам.

ТУРЧИНА Л. В.

Слід також додати, що період життя письменника від народження до переїзду до Харкова у 1921 році є найменш вивченим та дослідженим. На жаль, з'ясувати сьогодні більш детально події дитячих та юнацьких років життя письменника, визначити точно, без припущенів світоглядні орієнтири не уявляється можливим, і тому вказана проблема потребує подальшого вивчення.

Література

1. Костюк Г. Неопалима купина. Роздуми редактора п'ятитомника М.Хвильового // Костюк Г. Літературно-мистецькі перехрестя (паралелі). – Вашингтон-К., 2002. – С.139-154.
2. Хвильовий М. Краткая биография // Хвильовий М. Твори: У 2 тт. – К.: Дніпро, 1990. – Т.2. – С.830-837.
3. Хвильовий М. Уривок з автобіографії // Вітчизна. – 1987. – №12. – С.106-108.
4. Ган О. Трагедія Миколи Хвильового. – (Б/м.): Прометей, (б/д.). – 77 с.
5. Гашенко Д. Листи до Г.Костюка // Хвильовий М. Твори: У 5 тт. – Нью-Йорк – Балтимор – Торонто: Об'єднання українських письменників "Слово" і Українське видавництво "Смолоскип" ім.В.Симоненка, 1986. – Т.5. – С.39-51.
6. Шигимага П.І. Факти до біографії М.Хвильового // Хвильовий М. Твори: У 5 тт. – Нью-Йорк – Балтимор – Торонто: Об'єднання українських письменників "Слово" і Українське видавництво "Смолоскип" ім.В.Симоненка, 1986. – Т.5. – С.113-117.
7. Василевський П. Агонія Миколи Хвильового під тінню голоду і смерті // Буковинське віче. – 1993. – 8 грудня.
8. Костюк Г. До нового трактування біографії М.Хвильового // Хвильовий М. Твори: У 5 тт. – Нью-Йорк – Балтимор – Торонто: Об'єднання українських письменників "Слово" і Українське видавництво "Смолоскип" ім.В.Симоненка, 1986. – Т.5. – С.15-36.
9. Лозицький В. Микола Хвильовий // Під знаменем ленінізма. – 1990. - №4. – С.52-60.
10. Жулинський М. Талант, що прагнув до зір // Хвильовий М. Твори: У 2 тт. – К.: Дніпро, 1990. – Т.1. – С.5-43.
11. Лавріненко Ю. Микола Хвильовий. Літературна сильветта // Лавріненко Ю. Розстріляне відродження. – Антологія. – 1917-1933. – Поезія – проза – драма – есей. – Мюнхен, 1959. – С.399.
12. Кобець О. Микола Хвильовий // Хвильовий М. Твори: У 5 тт. – Нью-Йорк – Балтимор – Торонто: Об'єднання українських письменників "Слово" і Українське видавництво "Смолоскип" ім.В.Симоненка, 1986. – Т.5. – С.153-167.
13. Винниченко В. Із щоденних нотаток про самогубство М.Хвильового і М.Скрипника // Хвильовий М. Твори: У 5 тт. – Нью-Йорк – Балтимор – Торонто: Об'єднання українських письменників "Слово" і Українське видавництво "Смолоскип" ім.В.Симоненка, 1986. - Т.5. – С.215-227.
14. Хвильовий М. Листи до Миколи Зерова // Хвильовий М. Твори: У 2 тт. – К.: Дніпро, 1990. - Т.2. – С.840-881.
15. Жулинський М. Талант надзвичайний і суперечливий // Вітчизна. – 1987. - №12. – С.144-149.
16. Kark E. Mykola Chwylowij // Biuletyn polsko-ukrainski. Tygodnik ilustrowany (Warszawa). – 1933. – 25 czerwca.
17. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України). – Ф.1, оп.20, спр.6220, арк.4.
18. Костюк Г. М.Зеров, П.Филипович, М.Драй-Хмаря // Київські неокласики / Упор.В.Агєєва – К.: Факт, 2003. – С.195-236.
19. Кітт С.М. Дещо про М.Хвильового // Хвильовий М. Твори: У 5 тт. – Нью-Йорк – Балтимор – Торонто: Об'єднання українських письменників "Слово" і Українське видавництво "Смолоскип" ім.В.Симоненка, 1986. – Т.5. – С.124-126.

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Серия «История». Том 16 (55). 2003 г. № 2. С. 75-79.

УДК: 930. 2: 94 (430) (092) “1980/1990”

Школовая А. П.

Й. ГЕББЕЛЬС И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ „ТРЕТЬЕГО РЕЙХА“: ОБЗОР НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 80-90 ГГ. XX ВЕКА

Изучение генезиса национал-социализма, его исторической роли в жизни Европы, занимает значительное место в исторической науке. С приходом XXI века понятие “фашизм” не стало обретением истории и предметом теоретических разработок заинтересованных темой историков, политологов и др. Еще Карл Ясперс в книге “Смысл и назначение истории” писал: “Забыть – значит принять на себя вину. Надо все время помнить о прошлом. Оно, было, оказалось возможным, и эта опасность остается... Опасность здесь в нежелании знать, в стремлении забыть и в неверии, что все это происходило” [1, с.163].

Фашизм, как идеология, как мировоззренческая система существует и в современном мире. И в странах Европы и на постсоветском пространстве продолжают функционировать партии фашистского типа, на выборах в государственные парламенты националистические партии стабильно набирают достаточно большое количество голосов (Австрия, Италия, Швейцария, Россия и т.д.).

Изучение феномена фашизма, и его германского варианта национал-социализма, невозможно без изучения тех людей, которые создавали и воплощали в жизнь эту идеологию. Одним из таких персонажей, безусловно, был Йозеф Геббельс – министр пропаганды и народного образования “третьего рейха”.

Персона Й.Геббельса вызывала и вызывает значительный интерес и в отечественной и в зарубежной историографии, поскольку именно он был ведущим мастером пропаганды “третьего рейха”. Об этом свидетельствуют, например, воспоминания еще одного из функционеров нацистской Германии Альберта Шпеера: “... его фразы, из которых каждая поставлена на выигрышное место и четко сформулирована, бушующая толпа, обуреваемая все более фанатичными взрывами восторга и ненависти, адский котел выпущенных на свободу страстей...” [2, с.51]. Именно Й.Геббельс довел манипуляцию сознанием масс до совершенства в период, когда не было ни телевидения, ни видеотехнологий. Еще одним аспектом особого интереса исследователей является его высшее гуманитарное образование.

Цель данной работы проанализировать проблему создания И.Геббельсом политического мифа “третьего рейха” и её отражении немецкой историографии 80-90-х гг. ХХ века.

Вначале, остановимся на самом понятии “политический миф” – стойкое духовное образование с искусственноенным представлением о реальных социально-политических феноменах и действия умышленно или неумышленно приукрашенные разными умозрительными выводами, измышлениеми, фантазиями [3, с.204].

ШКОЛОВАЯ А. П.

По своей сути мифологизация политических процессов является одной из форм идеологической обработки масс. Политический миф содержит в себе перевернутый и мистифицированный образ конкретной политической и экономической ситуации, характеризуется наличием иллюзий и утопий. Основой существования политического мифа является ситуация социального и культурного отчуждения человека от общества, в отношении которого индивид – бессилен.

В XX веке в процессе политизации мифа он утратил онтологический смысл, характерный для классического мифа. На передний план вышел его функциональный смысл – способность объединять людей, освобождая их политическую энергию. Кроме того, миф выполняет разъяснительную и апологическую функции – оправдывает существующий порядок. В идеологии новейшего времени, политический миф использовался так же, как способ манипуляции сознанием масс. Немецкий писатель Томас Манн отметил, что “миф стал движущей силой истории”[3, с.205].

В современной германской историографии есть уже немало научных трудов, оперирующих термином “миф”. Рассмотрим ведущие из них.

Среди многих других работ, выделяются произведения профессора Яна Кершоу, в том числе, его труд „Гитлер-миф. Народное мнение и пропаганда в третьем рейхе”, изданный в 1980 году в Штутгарте. В этой работе он скрупулезно описал, как Гитлер „воспринимался различными слоями населения Германии” [4, с.7]. Профессор Кершоу рассматривает создание, преобразование и падение феномена “Гитлер-мифа” в национал-социалистической Германии, впрочем понятия „миф” он касается только в предисловии, при этом Геббельс упоминается как творец мифа “третьего рейха”.

В 1987 году в Мюнхене вышла исследование известного дуйсбургского политолога Клауса-Екхарда Берша „Избавление и разрушение. Йозеф Геббельс. К психике и идеологии молодого национал-социалиста 1923-1927”. В работе на основе источниковедческого анализа произведений Й.Геббельса, посредством психиографического и психологического подходов Берш последовательно исследовал идеологические компоненты его философии [5].

Он же рассматривает взаимоотношения Йозефа Геббельса и Адольфа Гитлера в 20-е годы прошлого века, обращая внимание на роль Геббельса в превращении Гитлера из “национального барабанщика” в “фюрера” германской нации.

В конце 90-х годов XX века в столице Баварии выходит новая работа К.-Е. Берша “Политическая религия национал-социализма. Религиозная составляющая в трудах Дитриха Эккарта, Йозефа Геббельса, Альфреда Розенберга и Адольфа Гитлера”. В этом исследовании предпринята попытка освещения национал-социализма, как новой политической религии [6].

Он же показывает, что именно Геббельсом откровенно форсировалось создание обширного инструментария “Гитлер-мифа” в существенной религиозной мотивации связи между богом, Гитлером и немецким народом. Это также должно было способствовать генезису общественной идентификации, провозглашенной национал-социалистами как “народная общность”.

Й. ГЕББЕЛЬС И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ „ТРЕТЬЕГО РЕЙХА“: ОБЗОР НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 80-90 ГГ. XX ВЕКА

Политолог Андреас Дёрнер в своей работе “Политический миф и символическая политика. Миф о Арминии. К происхождению национального самосознания немцев”, которая была опубликована в 1996 году в Гамбурге, анализирует значение политического мифа в современном германском обществе.

Он настаивает, прежде всего, на “значимости эстетики как центра харизматического инсценирования для развития и использования политической власти” [7, с.8]. Именно эту эстетику использовал Й.Геббельс в процессе формирования “Гитлер-мифа”. Постоянное использование позитивного образа “фюрера” должно было обосновать власть Гитлера и отвлекать население от реальных политических проблем. Между тем этот миф способствовал возникновению у каждого отдельного индивида ощущения типа “я тоже так думал”.

Чем эффектнее Геббельс, а также и сам Гитлер формировали этот миф, тем правдоподобнее выглядел “социальный аспект” их деятельности. Именно это нашло свое выражение, в формировании так называемой “народной общности” – официальной цели идеологии “классового мира” нацистской Германии.

Следовательно, как отмечает далее А. Дёрнер, политические мифы являются коллективным нарративным “символическим произведением”. Следуя классической мифологии, лидеры “третьего рейха” стремились говорить от имени “истиной веры” [7, с.37]. При этом создавалась как бы “новая религия” за счет объединения идей типа “Кровь и почва” и “принципа фюрерства”. Ее основные постулаты в 25 тезисах записал профессор богословия Эрнст Бергман. Согласно им Гитлер провозглашался “новым мессией”. Кроме того, замечает А. Дёрнер, ведущему политическому мифу полагаются и магические масштабы. “Миф”, – сформулировано в заключении его работы, “имеет фиктивный характер”, который, однако, как “магический” заряд, изменял и формировал политическую действительность в “третьем рейхе” (1933-1945гг.)” [7, с.44].

Германский историк Сабина Беренбек в своей монографии “Культ мертвых героев, национал-социалистские мифы, ритуалы и символы” дает специальное объяснение понятия о “современном политическом мифе”.

Она отмечает, что каждое общество имеет свои персонифицированные идеалы, а также нуждается в оформлении особого политического инструментария. Благодаря обращению к смежным дисциплинам она дает следующую дефиницию мифа: -

“Основная функция политического мифа – легитимировать притязание, обосновывать авторитет, укреплять чувство собственного достоинства, способствовать интеграции, основывать идентичность и стимулировать поступки” [8, с.44]. Эта характеристика звучит достаточно позитивно, поскольку свидетельствует о способности мифа захватывать людей, активизировать их деятельность, “толкать” на подвиги. Вместе с тем реальность в “третьем рейхе” нивелировала позитивные функции политического мифа, превращая народ в послушную пассивную массу.

Перевод мифа в действие рассматривается Сабиной Беренбек через ритуалы и символы [8, с.50-57]. Именно через применение новых ритуалов и символов,

ШКОЛОВАЯ А. П.

Геббельс и Гитлер, сумели “наложить шину” созданному мифу, придав ему наглядный, практический характер. При этом, создавая “Гитлер-миф” они пользовались, в полной мере, “сокровищницей истории”.

Для большей наглядности нацистами использовались в повседневной практике различные символы. Как известно, ведущим символом национал-социалистов считается свастика – символ поклонения солнцу. Геополитик Карл Хаусхофер считал, что свастика – символ грома, огня и плодородия у древних арийских магов. Сам же Гитлер видел в свастике, прежде всего, символ творческого движения и превосходства арийцев над другими народами. Подтверждению расового превосходства служило использование древнегерманских и скандинавских рун, которые не просто обозначали звук либо действие, но и несли как бы “магическую” функцию. Такие руны присутствовали на форме СС, в эмблеме “Гитлерюгенд” и т.д.. Также в символический ряд “третьего рейха” были включены орел и дуб, как символы имперского начала [9, с.426-427].

В “третьем рейхе” была разработана система государственных праздников. Одним из наиболее важных праздников в процессе формирования культуры фюрера, безусловно, был день рождения Гитлера, с грандиозными факельными шествиями, миллионами портретов и фотографий фюрера и нацистскими штандартами на фасадах.

Эрвин Барт в работе “Й.Геббельс и формирование Гитлер-мифа 1917-1934” оперирует понятием мифа в несколько ином значении - миф как „жизненная ориентация и чувственная интерпретация”. Для него: - “Миф может вследствие своего эмоционального закрепления, в значительной мере, влиять на поведение большого количества людей, в различных социальных ситуациях” [10, с.11].

И далее: - “Уже с первых дней борьбы А. Гитлер нашел людей, которые стали ему преданными и абсолютно верными. Они пришли со всех областей Германии и принадлежали к различным слоям населения. Не пугаясь лишений, нужды, разочарований и неудач они стали товарищами фюрера. Именно он был постоянно блестящим примером, на который они равнялись” [10, с.9]. В данном случае, Э. Барт приводит цитату из школьного учебника 1944 года, которая характеризует окружение А. Гитлера. Одним из наиболее верных паладинов А.Гитлера, был Й.Геббельс, который оставался с ним до конца, сопровождал стремительный взлет и сокрушительное падение своего господина. При этом Барт отмечает их тесную “сентimentальную связь”, которая нередко сознательно публично инсценировалась.

Также он исследует участие Й.Геббельса в создании и развитии “фюрер-мифа”, как инструмента стабилизации и унификации “третьего рейха”. Миф, Барт рассматривает не только, как инструмент тесной связи между Гитлером и Геббельсом, но и как свидетельство “чрезвычайной связи Гитлера с немецким народом” [10, с.9].

Э.Барт стремится показать, как, прежде всего, Геббельсом, неутомимо эксплуатируется “Гитлер-миф” в рамках национал-социалистической идеологии, для сплочения значительной части населения вокруг НСДАП.

Именно Барт в своем исследовании рассматривает вопросы:

Й. ГЕББЕЛЬС И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ „ТРЕТЬЕГО РЕЙХА“: ОБЗОР НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 80-90 ГГ. XX ВЕКА

- почему деятельность Геббельса по созданию “Гитлер-мифа” была суперудачной?

- как динамизм “Гитлер-мифа” превращался в движущую силу национал-социалистического “движения” в масштабах всей страны?

“Гитлер-миф” – отмечает в своем исследовании Барт, “получил свой импульс, не через постоянное и необходимое изменение истин, а через постоянное представление образа “фюрера” [10, с.14]

Таким образом, политический миф является составляющей коллективного мировоззрения в обществе, и выполняет в нем одновременно и познавательную, и защитную (психологическую) функции. Каждый период развития ставит перед обществом новые, лишь для него актуальные проблемы, которые обязательно отображаются в его политическом мифотворчестве.

В данной работе мы лишь обзорно коснулись проблемы формирования политического мифа в “третьем рейхе”, по материалам немецкой историографии 80-90-х гг. XX века, показав место и роль Й.Геббельса в генезисе “Гитлер-мифа”.

Литература

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М. Политиздат, 1991. – 527с.
2. Політологічний енциклопедичний словник./ Ю.Шемшученко - К.: “Генеза”, 1997. – 400с.
3. Шпеер А. Воспоминания.- Смоленск: “Русич”, 1993. – 696с.
4. Kershaw I. Der Hitler-Mythos, Volkmeinung und Propaganda im Dritten Reich. - Stuttgart, 1980. – 412S.
5. Bärsch, C.-E.. Die Politische Religion des Nationalsozialismus. Die religiöse Dimension der NS-Ideologie in den Schriften von Dietrich Eckart, Joseph Goebbels, Alfred Rosenberg und Adolf Hitler. - München 1998.- 518S.
6. Bärsch, C.-E.. Erlösung und Vernichtung, Dr phil. Joseph Goebbels, Zur Psyche und Ideologie eines jungen Nationalsozialisten 1923 – 1927. - München 1987. – 396S.
7. Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik. Der Heitmannmytos: zur Entstehung des Nationalbewußtseins der Deutschen. - Hamburg, 1996. – 274S.
8. Behrenbeck Sabine. Der Kult um die toten Helden, Nazionalsozialistische Mythen, Riten und Symbole. - Greifswald, 1996. – 437S.
9. Энциклопедия третьего рейха. – М.: “Локид-миф”, 2000. – 529с.
10. Barth E.. Joseph Goebbels und die Formierung des Führer-Mythos 1917 bis 1934. - Erlangen und Jena, 1999. – 384S.

АННОТАЦИИ

Бобков В. В. Современная историография истории региональных статистических исследований в досоветскую эпоху.

В данной статье представлен анализ современных исторических и историко-библиографический разработок по изучению развития региональных статистических исследований в XIX – начале XX века. Рассмотрены работы украинских и российских авторов по данной проблеме. Особое внимание уделено изучению вклада крымских ученых в изучение данного историографического феномена.

Ключевые слова: историография, статистические исследования, «памятные книжки».

Волкова С. А. Новые документы Российского государственного исторического архива по истории чешской колонизации Таврической губернии в XIX веке.

На основе материалов Российского государственного исторического архива предложена классификация и систематизация основных видов источников по истории чешской эмиграции в Таврическую губернию во второй половине XIX века.

Ключевые слова: источники, эмиграция, чешские колонии, Таврическая губерния.

Дорошенко Е.Н. Совещание в Лондоне в апреле 1942 г. представителей США и Великобритании: сотрудничество и противоречие двух наций (по мемуарам А. Ведемейера).

В статье говорится о совещании американских и английских военных, посвященном открытию второго фронта.

Ключевые слова: совещание, стратегия, операции, военные.

Задерейчук И.А. Подготовка квалифицированных кадров для сельскохозяйственной отрасли в немецких колониях юга Украины в начале XX в.

В статье говориться о становлении и развитии профессионального образования в немецких колониях юга Украины в начале XX в. Рассматривается деятельность практической школы созданной И. Корнисом. Особенное внимание уделяется функционированию Эйгенфельдского земледельческого училища.

Ключевые слова: немецкие колонии, И. Корнис, Эйгенфельдское земледельческое училище, земство.

Змерзлы І.В. Привлечение крымских татар в рабочие факультеты Крымской АССР.

В своей статье автор последовательно раскрывает проблему привлечения крымских татар в рабфаки республики, на фоне развития самой системы рабочих факультетов в Крыму. С помощью применения значительного архивного материала, раскрывается развернутая картина деятельности крымских рабфаков и постепенное возрастание в их стенах представителей крымскотатарской молодежи. Обобщается роль и место рабфаков в системе образования Крымской АССР вообще и крымских татар в частности.

Ключевые слова: рабочие факультеты, крымские татары, образование, социальный состав, национальный состав.

Мусаева У. К. Восточный музей в Ялте и этнографическое изучение крымских татар: Историографический аспект.

В статье на основе неизвестного ранее корпуса архивных документов из московских хранилищ в научный оборот вводится информация о деятельности крупного центра по изучению истории и этнографии крымских татар в 1920-е годы – Восточного музея в Ялте. Анализируется научное наследие Я. М. Якуба Кемалья.

Ключевые слова: историография Крыма, Восточный музей в Ялте, Я. М. Якуб Кемаль, репрессии.

Омельченко А.В. «Эра Аденауэра – де Голля» в отечественной историографии второй половины XX в.: смена парадигм.

В статье рассматривается отечественная историография проблемы франко-западногерманских отношений 50-60-х гг. XX в.

АННОТАЦИИ

Омельчук Д.В. "За распространение ложных слухов..." Неизвестные страницы героической обороны Севастополя (1941-1942).

В статье на основе архивных материалов анализируется деятельность органов НКВД во время обороны Севастополя 1941-1942 гг.

Ключевые слова: оборона Севастополя, НКВД, репрессии.

Попов А. Д. Деятельность в Крыму Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (1930-1936 гг.).

Статья посвящена организационным, политическим, экономическим, культурным аспектам деятельности Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий на территории Крымской АССР. Особое внимание уделено анализу работы этой организации по приёму на крымской земле туристов из других регионов СССР и совершенствованию туристско-экскурсионного обслуживания жителей Крыма.

Ключевые слова: пролетарский туризм, экскурсия, маршрут, турбаза, экскурсовод

Турчина Л. Мыкола Хвылевый: очерк становления социальных ориентиров.

В статье сделана попытка проследить основные факторы, которые влияли на формирование мировоззрения писателя. Для этого автор анализирует детские и юношеские годы М.Хвылевого, его окружение того периода, участие в событиях Первой мировой войны, революции и гражданской войны. Выяснено, что начальный этап жизни М.Хвылевый находился в русскоязычной среде, со временем бабушка, школьные учителя и семья Смаковских пробудили у него интерес к украинской истории и культуре. Во время войны и революционных событий на идеологические принципы писателя влияют два фактора: большевистская социальная программа и национальная идея; попытка их объединить приводит в конечном счете М.Хвылевого к идеологии национал-коммунизма.

Ключевые слова: М.Хвылевый, мировоззрение, национальное сознание, народничество, анархизм, большевизм, национальная идея, национал-коммунизм

Школовая А. Йозеф Геббельс и политический миф "третьего рейха": обзор немецкой историографии 80-90 гг. XX века.

В этой статье рассматривается проблема формирования политического мифа Йозефом Геббельсом в "третьем рейхе" в отражении немецкой историографии.

АНОТАЦІЇ

Бобков В. В. Сучасна історіографія історії регіональних статистичних досліджень у дорадянську добу.

До уваги істориків запропонован аналіз історичних та історико-бібліографічних розробок що до вивчення розвитку регіональних статистичних штудій у XIX – напочатку ХХ століття. Розглянуті праці українських та російських вчених. Особлива увага приділена внеску кримських дослідників у вивчення даного історіографічного феномену.

Ключові слова: історіографія, статистичні дослідження, «пам'ятні книжки».

Волкова С. А. Нові документи Російського державного історичного архіву з історії чеської колонізації Таврійської губернії в XIX столітті.

На основі архівних матеріалів Російського державного історичного архіву запропонована класифікація та систематизація основних видів джерел з історії чеської еміграції до Таврійської губернії у другій половині XIX століття.

Ключові слова: Таврійська губернія, чеські колонії, еміграція, джерело.

Дорошенко О.М. Збори у Лондоні у квітні 1942 року представників США та Великобританії: співпраця та противоріччя двох націй (за мемуарами А. Ведемейера).

У статті говориться про збори американських та англійських військових, присвячених відкриттю другого фронту.

Задерейчук І.П. Підготовка кваліфікованих кадрів для сільськогосподарської галузі в німецьких колоніях півдня України на початку ХХ ст.

Стаття розповідає про становлення та розвиток професійної освіти в німецьких колоніях півдня України. Розглядається діяльність практичної школи створеної І. Корнісом. Особлива увага приділяється функціонуванню Ейгенфельдського землеробського училища.

Ключові слова: німецькі колонії, І. Корніс, Ейгенфельдське землеробське училище, земства.

Змерзлий Б. В. Залучення кримських татар до робітничих факультетів Кримської АРСР.

В своїй статті автор послідовно розкриває проблему залучення кримських татар до робітфаків республіки на фоні розвитку самої системи робітничих факультетів у Криму. За допомогою застосування чисельного архівного матеріалу подається розгорнута картина діяльності кримських робітфаків та поступове зростання в їх стінах представників кримськотатарської молоді. Узагальнюється роль та місце робітфаків в системі освіти Кримської АРСР взагалі, та окремо кримських татар.

Ключові слова: робітничі факультети, кримські татари, освіта, соціальний склад, національний склад

Мусаєва У. К. Східний музей в Ялті та етнографічне вивчення кримських татар: історіографічний аспект.

У статті на підставі нового корпусу архівних джерел із московських архівосховищ до наукового обігу введено інформацію про діяльність одного з центрів із вивчення історії та етнографії кримських татар у 1920-ті роки – Східного музею у Ялті. Проаналізовано наукову спадщину Я. М. Якуба Кемала.

Ключові слова: історіографія Криму, Східний музей у Ялті, Я. М. Якуб Кемаль, репресії

Омельченко А.В. „Ера Аденауера – де Голля” у вітчизняній історіографії другої половини ХХ ст.: зміна парадигм.

У статті розглядається вітчизняна історіографія проблеми франко-західнонімецьких відносин 50-60-х рр. ХХ ст.

Омельчук Д.В. “За поширення помилкових слухів...” Невідомі сторінки героїчної оборони Севастополя (1941-1942).

АНОТАЦІЇ

У статті на підставі архівних матеріалів аналізується діяльність органів НКВС під час оборони Севастополя 1941-1942 рр.

Ключові слова: оборона Севастополя, НКВС, репресії.

Popov O. D. Діяльність в Криму Всесоюзного добровільного товариства пролетарського туризму і екскурсій (1930-1936 рр.).

Стаття присвячена організаційним, політичним, економічним, культурним аспектам діяльності Всесоюзного добровільного товариства пролетарського туризму і екскурсій на території Кримської АРСР. Особлива увага приділена аналізу роботи цієї організації щодо прийому на кримській землі туристів із інших регіонів СРСР та удосконаленню туристсько-експкурсійного обслуговування мешканців Криму.

Ключові слова: пролетарський туризм, екскурсія, маршрут, турбаза, екскурсовод

Turchyna L. Микола Хвильовий: шкіц до становлення соціальних орієнтирів.

У статті зроблена спроба відстежити основні фактори, що впливали на формування світогляду письменника. Для цього автор аналізує дитячі та юнацькі роки М.Хвильового, його тогочасне оточення, участь у подіях Першої світової війни, революції та громадянської війни. З'ясовано, що на початковому етапі життя М.Хвильовий перебував у зросійщеному середовищі, згодом бабуся, шкільні вчителі та родина Смаковських пробудили у ньому інтерес до української історії та культури. Під час війни та революційних подій на ідеологічні засади письменника впливають два чинники: більшовицька соціальна програма та національна ідея, спроба їх поєднати призводить в решті-решт М.Хвильового до ідеології націонал-комунізму.

Ключові слова: М.Хвильовий, світогляд, національна свідомість, народництво, анархізм, більшовизм, національна ідея, націонал-комунізм

Школова О. Йозеф Геббельс та політичний міф “третього рейху”: огляд німецької історіографії 80-90 рр. ХХ століття.

В даній статті розглядається проблема формування політичного міфи “третього рейху” Йозефом Геббельсом за матеріалами німецької історіографії.

SUMMARY

Bobkov V. V. Contemporary historiography of the history of regional statistic research during pre Soviet epoch.

In this article is given an analysis of contemporary historiography of the problem of local statistical researches. And an review of last publications about history of statistic of Ukrainian and Russian scientists.

Key words: statistic, historiography, bibliography, Tauric province.

Wolkowa S.A. New documents about history of Czech colony in Tauric province of XIX century. According to materials of state russian a historical record office. (SRHRO).

On the ground of the contemporary records of state Russian historical Record Office is proposed the classification and the systematization of capital classes of sources about history of Czech emigration in Tauric province in first half of XIX century.

Key word: Tauric provinc, czech colony, emigration, sources.

Doroshenko E.N. The USA and Great Britain Conference in London in April 1942. Their Cooperation and Contradictions. (The Memoirs of A.C.Wedemeyer).

The paper is concerned with USA and Great Britain conference which dedicated to opening the second front in Europe.

Zadereichuk I.A. Training of qualified specialist for the agricultural brauch in Germans colonies on the south of Ukraine at the beginning of the XX century.

This article is about foundation and development of professional education in German colonies on the south of Ukraine. Here we are looking for a work of the practice school by I. Cornis. The special attention is given to the work of Eigenfield's agricultural technical school.

Key words: German colonies, I. Cornis, Eigenfield's agricultural technical school, zemstvo.

Zmerzlyy B. V. Crimean Tatars at the Workers' Faculties of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic.

The article makes a consistent analysis of the problem of the Crimean Tatars' attraction to the Republican workers' faculties against the background of the system of the development of the workers' faculties in the Crimea. Taking a considerable staff of archive materials into account, the article presents a broad picture of the activities of the Crimean workers' faculties and the gradual increase of the Crimean Tatar youth number amidst the students of the faculties. The role and place of the workers' faculties within the educational system in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in general and of that of the Crimean Tatars in particular is summed up.

Key words: workers' faculties, Crimean Tatars, education, social composition, national composition.

Musaeva U. K. The Yalta oriental museum ethnographic research of the Crimean Tatars: Historiographic aspect.

The article introduces to the scientific usage information about the activity of a large research center in Crimean Tatar history and ethnography in the 1920s in Yalta from the previously unknown corps of archival documents from Moscow depositories. Ya. M. Yakub Kemal is scientific heritage is analyzed.

Keywords: historiography of Crimea, Yalta Oriental museum, Ya. M. Yakub Kemal.

Omelchenko A.V. "The era of Adenauer – de Gaulle" in native historiography of the second part of XX century: the change of paradigms.

In the article the problems of french-westgerman relations of 50-60-th of XX century in the native historiography are analyzing.

Omelchuk D.V. "Sevastopol (1941-1942)".

In the article is based on the archives materials and devoted to the NKVD activity during defence of Sevastopol in 1941-1942.

Key word: defence of Sevastopol, NKVD, repressions.

SUMMARY

Popov A.D. The Activity of the USSR Voluntary Association of Proletarian Tourism and Excursions in Crimea (1930-1936).

The article is devoted to organization, political, economical, cultural aspects of activity of the USSR Voluntary Association of Proletarian Tourism and Excursions on the territory of the Crimean ASSR. The great attention was attracted to analysis of work of this organization in meeting the tourist in Crimea from different parts of the USSR and development the tourism and excursion service of Crimean inhabitants.

Keywords: proletarian tourism, excursion, route, tourist center, guide

Turchina L. Mykola Hvylevyy: essay of the formation of the social reference point.

The attempt to follow the main factors, which had action upon the forming of weltanschauung of the author was made at the article. That's why the author analyses M. Hvylevyy's child's and youth years, his environment in this period, taking part in First World War, revolution and civil war. Ascertain that M. Hvylevyy in the first stage of his life founded at russion-language surrounding, soon his grandmother, school teachers and family Smakovskiy roused interest to ukranian history and culture. During the war and revolution events two factors have an influence on the ideological principles of the author: the social program of bolsheviks and national idea; and in the end an attempt to combine them bring M. Hvylevyy to the natoinal-kommunizm ideology.

Keywords: Mykola Hvylevyy,

Shkolovaya A. Joseph Hebbels and the Political Myth of the "Third Reich": German Historiography Survey of 80-90s of the XX th century.

This article deals with the problem of the "Third Reich" political myth formation by Joseph Hebbels in German Historiography.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобков В. В. – аспирант кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Волкова С. А. – аспирантка кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Дорошенко Е.Н. – Ливадийский дворец-музей, ldm@mail.ylt.crimea.com.

Задерейчук И.А. – аспирант кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Змерзлий Б.В. – кафедра украиноведения Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Мусаева Улькер Кязимовна – аспирантка кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.

Омельченко Андрей Викторович – аспирант кафедры всемирной истории Запорожского государственного университета.

Омельчук Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и прикладной политологии Таврического экологического института.

Попов Алексей Дмитриевич – аспирант кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (конт. тел. 34-33-23; 8-(050)-552-89-90; popalex@crimea.edu).

Турчина Людмила Валеріївна – кандидат історичних наук, доцент кафедри українознавства Запорізького національного технічного університету.

Школовая Алена Петровна – соискатель кафедры всемирной истории Запорожского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Бобков В. В.	
Современная историография истории региональных статистических исследований в досоветскую эпоху	3
Волкова С. А.	
Новые документы Российского государственного исторического архива по истории чешской колонизации Таврической губернии в XIX веке.....	9
Дорошенко Е.Н.	
Совещание в Лондоне в апреле 1942 г. представителей США и Великобритании: сотрудничество и противоречие двух наций (по мемуарам А.Ведемейера)	14
Задерейчук И.А.	
Подготовка квалифицированных кадров для сельскохозяйственной отрасли в немецких колониях юга Украины в начале XX в.	21
Змерзлий Б.В.	
Залучення кримських татар до робітничих факультетів Кримської АРСР	27
Мусаєва У. К.	
Восточный музей в Ялте и этнографическое изучение крымских татар: историографический аспект.....	33
Омельченко А.В.	
„Ера Аденауера – де Голля” у вітчизняній історіографії другої половини ХХ ст.: зміна парадигм	42
Омельчук Д. В.	
«За распространение ложных слухов...» неизвестные страницы героической обороны Севастополя (1941-1942)	49
Попов А. Д.	
Деятельность в Крыму всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий (1930-1936 гг.)	54
Турчина Л. В.	
Микола Хвильовий: шкіц до становлення світоглядних орієнтирів	64
Школовая А. П.	
Й. Геббельс и политический миф „третьего рейха”: обзор немецкой историографии 80-90 гг. ХХ века.....	75
Аннотации	80
Сведения об авторах.....	86